

Веснік

Брэсцкага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з снежня 1997 года

Выходзіць чатыры разы ў год

Галоўны рэдактар:

М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:

Г.М. Сэндзер

Намеснік галоўнага рэдактара

па серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Гарбацкі

Рэдакцыйны савет па серыі

гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Высоцкі

Б.М. Ляпешка

Л.Г. Лысюк

Міжнародны савет

па серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

Я. Дэмбоўскі (Польшча)

Ежэ Нікітаровіч (Польшча)

Л.А. Рапацкая (Расія)

Н.М. Цымбалюк (Украіна)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст

(адказны рэдактар)

В.Ф. Байнёў

В.М. Ватэль

А.В. Брэскі

М.А. Дабрынін

Г.А. Зорын

У.П. Люкевіч

М.С. Кавалевіч

Т.А. Кавальчук

Ч.С. Кірвель

Л.Я. Крыштаповіч

У.Ф. Мартынаў

С.В. Рашэтнікаў

Д.Г. Ротман

А.У. Рубанаў

Я.У. Скакун

А.С. Сляповіч

А.І. Смолік

В.А. Сцепановіч

У.М. Хоміч

А.В. Чарнавалаў

А.І. Шыкун

Т.І. Якавук

Пасведчанне аб рэгістрацыі ў дзяржаўным

камітэце Рэспублікі Беларусь па друку

№ 1084 ад 24 снежня 1997 г.

Адрас рэдакцыі:

224665, г. Брэст,

бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-66-16, 21-47-63

e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Серыя гуманітарных і грамадскіх навук

ГІСТОРЫЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

ПСІХАЛОГІЯ

ПЕДАГОГІКА

ПРАВА

**Заснавальнік –
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны
універсітэт імя А.С. Пушкіна»**

№ 1(32)/2008

У адпаведнасці з загадамі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 часопіс «Веснік Брэсцкага універсітэта» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па культуралогіі, гістарычных, палітычных, педагагічных, псіхалагічных, сацыялагічных, філасофскіх, эканамічных і юрыдычных навуках

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Шаўчук І.І. Гуманітарныя навукі: вызначэнне паняцця	3
Здановіч У.В. Праблема калабарацыянізму ў працах айчынных навукоўцаў (1991–2007 гг.)	10
Субботин О.Г. Ликвидация системы Веймарского федерализма в Германии (1933–1934 гг.)	21
Олесик Е.Я. Подготовка учителей в вузах БССР в 1944–1990 гг. (гендерный анализ)	28
Бидная А.А. Произведения историко-мемуарной литературы как памятники развития исторической мысли Беларуси XVI – нач. XVII вв. (на материале «Дневника» Ф. Евлашевского и Баркулабовской летописи)	40

ПАЛІТАЛОГІЯ

Скок Н.В. Политическая культура: опыт типологизации	47
Решетников С.В., Решетникова Т.С. Функциональный анализ в политической науке: инструментальные технологии	59
Дудик В.Ф. Страны Северо-Восточной Азии в контексте национальных интересов Республики Беларусь	65

ПСІХАЛОГІЯ

Бирюкевич Е.А. Осознание собственных индивидуальных особенностей у лиц с различиями в мировоззрении	74
Лагонда Г.В. Сексуальность и брак: грани интимных отношений	84
Клещёва Е.А. Повторнобрачная семья как объект исследования в психологии	90

ПЕДАГОГІКА

Бровка Н.В. Проявление законов диалектики в развитии педагогической интеграции: методологический анализ	97
Северин С.Н. Генезис парадигмы педагогического исследования	103
Осипов Е.Д. Проектное обучение в процессе практики как способ модернизации подготовки будущих педагогов к взаимодействию с семьей учащегося	110

ПРАВА

Агневц С.В. Охрана здоровья: международно-правовой аспект регулирования.	118
Касьяник А.И. Признаки субъективной стороны в составе выманивания кредита или дотаций	125
Пашкевич О.В. Понятие культурных ценностей в международном праве: основные подходы к его дефиниции и их эволюция	132
Богдан Е.С. Процессуальные особенности правового статуса службы судебных исполнителей хозяйственных судов Республики Беларусь	142

Бібліяграфія. Гадавы паказальнік аўтараў часопіса “Веснік Брэсцкага ўніверсітэта” – 2007 г. (Серыя гуманітарных і грамадскіх навук)	151
Звесткі аб аўтарах	154

ГІСТОРЫЯ

УДК 930 (ИБеи)+357.71

І.І. Шаўчук

ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ: ВЫЗНАЧЭННЕ ПАНЯЦЦЯ

Паняцці “гуманітарныя навукі” і “сацыяльныя навукі”, як правіла, разглядаюцца ў якасці апыерна зразумелых, таму практычна кожным даследчыкам уносіцца сваё ўласнае разуменне іх сутнасці. У выніку навуковая літаратура прадстаўляе розныя, часам супярэчлівыя, пазіцыі па дадзеным пытанні. У сувязі з гэтым у артыкуле, зыходзячы з патрэбаў навукова-гістарычнай і навуказнаўчай практыкі, прадпрымаецца спроба больш дакладнай дыферэнцыяцыі акрэсленых паняццяў.

У навуковай практыцы паняцці “гуманітарныя навукі” і “сацыяльныя навукі” ўжываюцца, як правіла, у якасці зразумелых на інтуітыўным узроўні. Аднак інтуіцыя ў кожнага даследчыка свая, індывідуальная, што, як паказвае тая самая практыка, нараджае пэўную блытаніну ў выкарыстанні і разуменні азначаных паняццяў і адпаведна з’яў, якія за імі стаяць. У дадзеным выпадку мы не будзем удавацца ў падрабязнасці філасофскага асэнсавання заяўленай тэмы, а звернем увагу на практычнае стаўленне да праблемы ў беларускай навукова-гістарычнай і навуказнаўчай практыцы.

Так, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі мае ў сваім складзе Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў, якое аб’ядноўвае інстытуты гісторыі, сацыялогіі, права, літаратуры, філасофіі, эканомікі і г.д. Вышэйшы атэстацыйны камітэт пры пераліку экспертных саветаў па гуманітарных навуках адносіць да апошніх гістарычныя навукі, юрыдычныя навукі, філалогію, сацыялогію і паліталогію, эканоміку, педагогіку, філасофію, псіхалогію, мастацтвазнаўства і культуралогію [1, с. 33–38]. Падобная пазіцыя выказана ў 1998 г. у артыкулах тагачаснага прэзідэнта Акадэміі навук А. Вайтовіча і акадэмічных навукоўцаў А. Падлужнага, Г. Карзенкі і І. Багданавай, В. Шчэрбіна [2; 3; 4; 5].

Дзве беларускія гісторыка-метадалагічныя публікацыі таксама не надаюць спецыяльнай увагі пытанню вызначэння зместу гуманітарнага і сацыяльнага пазнання. Першая з іх утрымлівае асобны раздзел “Класіфікацыя навук. Месца гісторыі ў сістэме грамадска-гуманітарных ведаў”, у якім навукі падзелены на тры групы:

- 1) філасофія – агульная навукa,
- 2) прыродазнаўства,
- 3) грамадскія навукі, якія вывучаюць развіццё грамадства і яго розныя структурныя элементы [6, с. 28].

Другая праца, не надаючы асобнай увагі класіфікацыі навук, абмяжоўваецца канстатацыяй, што “сталыя і паслядоўныя кантакты гісторыі з сацыяльнымі і гуманітарнымі дысцыплінамі (а таксама літаратурай і рознымі відамі мастацтва) мадыфікуюць аблічча гісторыі” [7, с. 155].

Такім чынам, сёння мы назіраем падыходы, характэрныя для савецкага перыяду нашай гісторыі, калі мела месца адназначнае атаясамленне і ўзаемазамяняльнасць вызначэнняў “гуманітарны” і “грамадскі (грамадазнаўчы)”. Гэта зафіксавана ў энцыклапедычных і даведачных выданнях таго часу. Так, “Советский энциклопедический словарь” падае наступную трактоўку: “Гуманітарныя навукі – грамадскія навукі (гісторыя, палітэканомія, філалогія і інш.) у адрозненне ад прыродазнаўчых і тэхнічных навук” [8 с. 353] Літаральна падобнае ўтрымліваецца і ў

іншых публікацыях. Беларускае энцыклапедычнае выданне больш разгорнута прадставіла грамадскія навукі, прадметам вывучэння якіх вызначаны стварэнне матэрыяльна-тэхнічнай базы камунізму, развіццё сацыялістычнага ладу жыцця, змены сацыяльнай структуры, паглыбленне інтэрнацыяналізацыі грамадскага жыцця, фарміравання новага чалавека, марксісцка-ленінскага светапогляду, навуковых асноў выхаваўчай і ідэалагічнай работы, праблем гісторыі культуры, мовы, літаратуры і мастацтва, гісторыі КПСС, КПБ, Беларусі, грамадскай думкі, дзяржавы і права і інш. [9, с. 39]. “Беларуская Савецкая Энцыклапедыя”, гаворачы толькі пра гуманітарную адукацыю, тым не менш, таксама атаясамлівае яе з “... адукацыяй у галіне грамадскіх навук”, уключаючы сюды гісторыю, журналістыку, філасофію, эканоміку, педагогіку, права, філалогію [10, с. 85].

Праўда, і ў савецкі час у падобнага кшталту выданнях можна было сустрэць адрозныя меркаванні. У прыватнасці, у “Oxford student’s dictionary of current English” (М., 1984). гуманітарныя навукі адзначаліся характарызавацца як галіна даследавання, датычная мастацтва, літаратуры, філасофіі і гісторыі [11]. Зразумела, што ў дадзеным выпадку ўкладальнік – англійскі мовазнаўца А. Хорнбі – трактаваў паняцце, зыходзячы з еўрапейскіх навуказнаўчых напрацовак. Блізкай да такога разумення можна лічыць фармулёўку “Словаря русскаго языка” С. Ожагава, дзе да сферы гуманітарных навук аднесена вывучэнне гісторыі і культуры народа ў адрозненне ад навук аб прыродзе [12, с. 128].

Пры тым, што грамадазнаўства відавочна складаецца з двух узаемадапаўняльных, але не ідэнтычных частак – гуманітарных і сацыяльных навук, яны ў папярэдній і сучаснай практыцы ўжываюцца ў нас, як правіла, у якасці ўзаемазамяняльных. Для марксісцкага бачання свету гэта натуральна. Эканамічная дэтэрмінацыя ім гістарычнага працэсу абумовіла выснову аб існаванні выключна аб’ектыўных сацыяльных законаў у развіцці чалавечай супольнасці. Адсюль узнікае супярэчнасць: абагульненая маса індывідаў у сацыяльным руху (рэчаіснасці) – індывід. Экстрапаляцыя законаў развіцця прыроды на грамадства і сацыяльна-эканамічная дэтэрмінацыя не пакідалі месца для разумення чалавека, ролі яго ўнутранага свету і ўласных матываў у сацыяльнай дзейнасці. Таму не ўзнікала практычнай патрэбы ў класіфікацыі грамадазнаўства, што складалася з апыёрна зразумелага колькаснага набору навуковых дысцыплін, шэраг якіх прадстаўлены вышэй.

Такое разуменне найпрост дэкларавалася ў тагачасных публікацыях пасля больш-менш трывалага ўсталявання марксісцкіх філасофскіх падыходаў. Таму, каб больш поўна зразумець карані пэўных сённяшніх падыходаў да вырашэння гэтага пытання, прывядзём аб’ёмную цытату з першага выдання “Большой Советской Энциклопедии”. Паводле яе, гуманітарныя навукі – “па састарэлым дзяленні, група навук, у склад якой уваходзілі грамадскія, гістарычныя, філалагічныя і філасофскія дысцыпліны. Назва гэта (studia humaniora) укаранілася яшчэ ў сяр. вв. і асабліва ў эпоху Адраджэння, калі словам humanitas вызначалася ўся сума ўласцівасцяў чалавечага розуму, пачуцця, волі. ... Гуманітарныя навукі ахоплівалі ўсю сукупнасць навук, якія вывучаюць чалавека як сацыяльную істоту. Наўзамен састарэлага тэрміна гуманітарныя навукі марксісцкая метадалогія вылучае тэрмін сацыяльныя навукі, які ахоплівае ўсю сукупнасць навук аб грамадстве, пачынаючы ад навук, якія вывучаюць базіс, і заканчваючы навукамі аб вышэйшых ідэалагічных надбудовах” [13, с. 798].

Аднак савецкія, расійскія ў прыватнасці, вучоныя да гэтай праблемы ўсё ж звярталіся. Відавочна, чыста філасофскі характар, навукова-гістарычны і навуказнаўчы матыў іх цікавасці да тэмы, не адрасаванай шырокаму колу чытачоў, дазваляў рабіць гэта, паколькі непасрэдным чынам не закранаў палітыка-ідэалагічных і выхаваўчых функцый тагачаснага грамадазнаўства. Так, У. Вярнадскі яшчэ ў другой палове 1930-х

гадоў пісаў: “У значнай ступені, зыходзячы з праяў, уласцівых чалавеку, і ўсведамляючы альбо прымаючы асноўную тоеснасць жыцця для ўсіх жывых арганізмаў, стварылася ў навуцы велізарная вобласць навук гуманітарных, у якіх на першае месца становяцца такія праяўленні жывых арганізмаў, якія для пераважнай большасці іх не існуюць, а часта ўласцівыя толькі чалавеку” [14, с. 487]. Паводле ўплыву на будову наасферы ён адрозніваў дзве вобласці чалавечага розуму: навукі, агульныя для ўсёй рэчаіснасці (фізіка, астраномія, хімія, матэматыка), і навукі аб Зямлі (навукі біялагічныя, геалагічныя і гуманітарныя) [14, с. 463]. Беларускія навукоўцы ў даваенны перыяд таксама не гублялі цікавасці да зазначанай праблемы. Напрыклад, А. Вазнясенскі лічыў неабходным падыходзіць да вывучэння гісторыі літаратуры з пазіцый падзелу ўсіх навук на дакладныя і недакладныя, “якія абдымаюць дысцыпліны гуманітарныя”, непасрэдна спасылаючыся пры гэтым на Г. Рыкerta і В. Віндэльбанда. Разам з тым, магчыма не цалкам зразумеўшы апошняга, настойваў на тым, што ў гісторыі літаратуры спалучаюцца “абодва моманты – ідэаграфічны і номатэтычны” [15, с. 5, 7].

На нашу думку аўтара, найбольш дакладнае ў найноўшы час вызначэнне прадмета і метаду гуманітарных навук, паводле чаго агульнапрынята ажыццяўляець класіфікацыю асобных навук, з якіх складаецца адзіны суцэльны феномен дзейнасці чалавецтва, названы навукай, належыць яшчэ аднаму вядомаму расійскаму даследчыку – М. Бахціну. Адпаведна яго меркаванню, прадметам гуманітарных навук з’яўляецца выразнае і гаворае быццё. Яно ніколі не супадае само з сабой і таму невычэрпнае ў сваім сэнсе і значэнні [16, с. 430]. Каб сфармуляваць метады даследчыку неабходна вызначыцца з першасным матэрыялам, да якога прыкласці гэты метады для раскрыцця прадмета. Такім матэрыялам для М. Бахціна служыць тэкст: “тэкст з’яўляецца той непасрэднай рэчаіснасцю (рэчаіснасцю думкі і перажыванняў), з якой толькі і здольныя зыходзіць гэтыя дысцыпліны і гэтае мысленне. Дзе няма тэксту, там няма і аб’екта для даследавання і мыслення” [16, с. 297]. Мысленне ж уяўляе своеасаблівы дыялог, праяўлены праз узаемадачыненне тэксту і кантэксту, які ствараецца і абрамляе тэкст. Зыходзячы са сказанага, гуманітарныя навукі вызначаюцца як навукі пра чалавека ў ягонай спецыфіцы, але не пра бязмоўную рэч і прыродную з’яву. Чалавек у яго чалавечай спецыфіцы заўсёды адлюстроўвае сябе (гаворыць), гэта значыць стварае тэкст. Калі чалавек вывучаецца па-за тэкстам і незалежна ад яго, гэта ўжо не гуманітарныя навукі [16, с. 301].

Выходзіць, М. Бахцін развівае ідэю, сфармуляваную ў канцы XIX – першай трэці XX стст. В. Дзільтэем, Г. Рыкертам, В. Віндэльбандам і скіраваную на доказ магчымасці выдзялення і самастойнага існавання групы гуманітарных навуковых дысцыплін. Зразумела, вядомыя спробы класіфікацыі навук прадпрымаліся яшчэ Арыстоцелем, а пазней Ф. Бэканам, Г. Гегелем, А. Контам і інш. А. Конт, напрыклад, пры групоўцы навук з трох пар апошняй вызначыў біёлага-сацыялагічную. Перад тым Г. Гегель у “кампетэнцыю” аб’ектыўнага духа ўводзіў сацыяльна-гістарычнае жыццё чалавека і абсалютнага духа – такія формы яго самаўсведамлення, як мастацтва, рэлігія, філасофія [17, с. 26; 8, с. 285]. Падаецца, пачынаючы з В. Дзільтэя філасофская думка пэўнага кірунку пры дыферэнцыяцыі навук зыходзіла з паняцця “філалогія”, характэрнага для XVII–XVIII стст., як навукі пра старажытную культуру (мову, літаратуру, гісторыю, філасофію, мастацтва ў іх узаемасувязі). Дарэчы, у цяперашні час некаторыя расійскія энцыклапедычныя выданні характарызуюць філалогію як галіну ведаў, што вывучае пісьмовыя тэксты і на падставе іх змястоўнага, моўнага і стылістычнага аналізу – гісторыю і сутнасць духоўнай культуры грамадства. У значнай ступені гэта пераклікаецца з трактоўкай паняцця “гуманітарны” – звернуты да чалавечай асобы. Адсюль гуманітарныя навукі – філалогія, гісторыя, мастацтвазнаўства і г.д. [18].

Таким чином, роздзяленне сацыяльнага і гуманітарнага пазнання захоўваецца ў структурах традыцыйнага падзелу працы паміж дысцыплінамі, у адпаведных адукацыйных і кіруючых інстытутах. Такая самая думка выказана ў “Современном философском словаре”. Адначасова там выказана меркаванне, што ў плане даследавання праблем, якія выходзяць за межы прыватнага прадмета асобнай дысцыпліны, чым з’яўляюцца ўсе сацыяльныя праблемы ў якасці праблемы супольнага і індывідуальнага быцця людзей, падзел сацыяльнага і гуманітарнага пазнання губляе сэнс [19, с. 171]. Гэта супадае з меркаваннем, выказаным у 1970 г. у зборніку UNESCO “Асноўныя тэндэнцыі даследаванняў у сацыяльных і гуманітарных навук” артыкулам “Месца навук аб чалавеку ў сістэме навук”: “... нельга зрабіць дакладнага вызначэння паміж дысцыплінамі, на якія мы часта спасылаемся як на “сацыяльныя навукі” і на тыя, якія вядомыя як “гуманітарныя навукі”, паколькі сацыяльныя з’явы залежаць ад усіх чалавечых характарыстык ... гуманітарныя навукі ёсць цалкам сацыяльныя, падзел залежыць ад таго, з якога пункту гледжання яны разглядаюцца” [20, р. 11].

Праблеме падзелу гуманітарнага і сацыяльнага надаецца даследчыкамі значная ўвага ў іншых краінах свету і цяпер. Так, І. Валерстэйн лічыць, што сацыяльныя навукі выдзеліліся як прамежкая дысцыпліна паміж прыродазнаўчымі і гуманітарнымі навукі ў сувязі з іх інтэлектуальным і арганізацыйным падзелам у канцы XVIII ст. [21, р. 42]. Краіны-ўдзельніцы Арганізацыі эканамічнага супрацоўніцтва і развіцця (Organization for Economic Co-operation and Development – OECD) з 1994 г. прытрымліваюцца падзелу навук на шэсць асноўных накірункаў: прыродазнаўчыя, сельскагаспадарчыя, інжынерныя і тэхналогіі, медыцынскія, сацыяльныя, гуманітарныя. Ён быў распрацаваны ў адпаведнасці са сфармуляванай UNESCO ў 1978 г. “Рэкамендацыяй адносна міжнароднай стандартызацыі статыстыкі і тэхналогіі” (у складзе OECD на 1999 г. налічвалася 29 членаў з Еўропы, Азіі, Аўстраліі, Цэнтральнай і Паўночнай Амерыкі, у тым ліку з былога “сацыялістычнага лагера” – Чэхія, Венгрыя, Польшча). Годам раней UNESCO распрацавала Інтэрнацыянальны стандарт класіфікацыі адукацыі (International Standard Classification of Education – ISCED), які даволі шырока трактаваў межы сацыяльных навук, але выключыў з іх складу такія дысцыпліны, як гісторыя, літаратура і філасофія, адносячы апошнія да гуманітарных навук. Паводле яго, пасля 1997 г. клас “сацыяльныя і біхевіяральныя навукі” складаецца з 12 дысцыплін: эканоміка, палітычныя навукі, сацыялогія, дэмаграфія, антрапалогія (без фізічнай), этналогія, футуралогія, псіхалогія, геаграфія (без фізічнай), даследаванні міру і канфліктаў, правы чалавека [22, р. 60, 59].

Праз дваццаць гадоў пасля выхаду ў свет БелСЭ ў новай рэдакцыі беларускай энцыклапедыі (відаць, па традыцыі) зноў прысутнічае толькі артыкул “Гуманітарная адукацыя”. Але ў ім ужо больш канкрэтна названы гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, рэлігіязнаўства, выяўленчае мастацтва, музыка, замежныя і родная мовы) і сацыяльныя навукі (псіхалогія, сацыялогія, антрапалогія, лінгвістыка, палітычныя дысцыпліны) [23, с. 531]. Пагаджаючыся, у прынцыпе, з такім падзелам, неабходна звярнуць увагу на адну канстатацыю аўтара гэтага артыкула ў сувязі з яго назвай. Так, А. Макараў сцвярджае, што ў “... краінах Заходняй Еўропы і ЗША да гуманітарных дысцыплін адносяць” – вышэйназваныя навукі. Значыць, дысцыпліны разглядаюцца ў якасці вучэбных. У дадзеным выпадку мы схіляемся да слушнага, на нашу думку, меркавання, што ўтрымліваецца ў вышэйзгаданым зборніку UNESCO за 1970 г.: размеркаванне дысцыплін на факультэтах універсітэтаў розных краін моцна адрозніваецца, а таму не можа быць выкарыстана ў якасці асновы для класіфікацыі навук [20, р. 11]. Дарэчы, і не выкарыстоўваецца.

На міжнародным узроўні прафесійныя арганізацыі, дзе прадстаўлены гуманітарныя навукі, аб’яднаныя ў Міжнародную раду філасофіі і гуманітарных

даследаванняў (International Council of Philosophy and Humanistic Studies – ICPHS). Нарэшце, у UNESCO адпаведная структура называецца Сектар сацыяльных і гуманітарных навук (Sector of Social and Human Sciences).

Тым не менш аднастайнасці ў разуменні сферы гуманітарных і сацыяльных навук у сябраў OECD не назіраецца. Так, у Германіі сацыяльныя навукі адносяць да эмпірычных, а гуманітарныя (неэмпірычныя) называюцца “навукі аб духоўных і ментальных праблемах”. У Францыі не існуе дакладнасці ў класіфікацыі дысцыплін (і адпаведна ў тэрміналогіі) паміж сацыяльнымі і гуманітарнымі навукамі. Два галоўныя нацыянальныя інстытуты гэтай краіны – Maison des Sciences de l’Homme (MSH) і Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS) – працуюць па ўсім комплексе гуманітарных і сацыяльных навук [20, р. 11]. Па традыцыі ў кола даследчых інтарэсаў членаў “Французскага таварыства гісторыкаў гуманітарных навук” (SFHSH) уваходзяць антрапалогія, генетыка, дэмаграфія, лінгвістыка, права, крыміналістыка, эканоміка, экалогія, паліталогія, гісторыя – усяго 18 дысцыплін [24, с. 202]. Дарэчы, паводле сённяшніх навуказнаўчых меркаванняў, эпістэмалагічная лінія падзелу ўсё больш праяўляецца ўнутры саміх гэтых навуковых дысцыплін, чым паміж імі, дзе яна больш ці менш устаялася. Хоць назіраюцца змены пазіцый і тут. Так, пры стварэнні ICPHS у 1949 г. гісторыя паўсюдна лічылася гуманітарнай дысцыплінай. З 1960-х гадоў сітуацыя паступова мянялася, і сёння, паводле некаторых метадалагічных падыходаў, гісторыя належыць да сацыяльных навук. Таксама і з археалогіяй, калі яна ад дагістарычнай да індустрыяльнай залічваецца да прадмета сацыяльных навук, а традыцыйная, манументальная ўсё яшчэ застаецца сферай гуманітарных [20, р. 12]. На наш погляд, сёння, калі яўна ўзрастаюць патрэбы і тэндэнцыі інтэграцыі дысцыплінарных і міждысцыплінарных даследаванняў, і залішняя дэталізацыя, і драбненне прадмета вывучэння выглядаюць праблематычнымі.

У той жа час уяўляецца неправамерным разглядаць комплекс грамадазнаўства выключна унітарным. Зыходзячы з прадмета і метаду даследавання, ён складаецца з сацыяльных і гуманітарных дысцыплін (навук). Гэта, на наш погляд, дазваляе з практычных пазіцый навуказнаўчага альбо навукова-гістарычнага даследавання больш ці менш дакладна дыферэнцыраваць іх. Тым больш калі гаворка ідзе пра функцыянаванне сацыяльнага інстытута навукі ў 1920–1930-я гады – час росквіту ідэй, выказаны і філасофскі абгрунтаваны прадстаўнікамі бадэнскай школы і якія не абмінулі сваім уздзеяннем нават тагачаснага СССР. Фактычна такія самы падыход, зыходзячы з метадалагічных і ўжытковых пазіцый, апошнім часам выказваўся ў расійскіх гістарычна-статыстычных і навуказнаўчых публікацыях [25, с. 54–56; 26]. Беларуская навукова-гістарычная і навуказнаўчая літаратура канкрэтна не разглядала і не мае сёння пэўных, спецыяльна разгледжаных і філасофскі асэнсаваных, пазіцый па дадзеным пытанні. У сувязі з такім станам рэчаў уяўляецца прымальным і, зыходзячы з навуказнаўчай і навукова-гістарычнай практыкі, апраўданым аднесці да гуманітарных навук наступныя дысцыпліны: комплекс гістарычных навук, у тым ліку гісторыю навукі ў шырокім сэнсе (разам з гісторыяй сацыяльных і гуманітарных навук, фізікі, хіміі, матэматыкі, біялогіі і г.д.), навуказнаўства, мовазнаўства, літаратуразнаўства, філасофію (нягледзячы на яе пэўную спецыфіку, а таму некаторую ўмоўнасць уключэння), з яшчэ большай доляй умоўнасці – тэалогію, паколькі па дадзеным пытанні ў навуковым свеце маюць месца і большыя разыходжанні (“навука–ненавука”), хаць агульнапрызнана, што яе рацыянальныя прыёмы для вывучэння тэкстаў развіваліся, нарадзіўшы літаратуразнаўства, археаграфію, класічную філалогію, лінгвістыку і інш. [27].

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Сорокин, А. Н. Экспертные советы по гуманитарным наукам : опыт и проблемы / А. Н. Сорокин // Атэстацыя. – 1998. – № 3. – С. 33–38.
2. Вайтовіч, А. П. Гуманітарныя і сацыяльныя веды ў сістэме Акадэміі навук / А. П. Вайтовіч // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе ХХ стагоддзя / уклад. В. К. Шчэрбін ; нав. рэд. Л. Ф. Яўменаў. – Мінск : АНІГН НАНБ, 1998. – С. 4–13.
3. Падлужны, А. І. Стан і развіццё гуманітарных навук у Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі / А. І. Падлужны // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе ХХ стагоддзя / уклад. В. К. Шчэрбін ; нав. рэд. Л. Ф. Яўменаў. – Мінск : АНІГН НАНБ, 1998. – С. 14–19.
4. Корзенко, Г. В. Кадровый потенциал гуманитарных и социальных наук : краткий очерк развития / Г. В. Корзенко, И. Ф. Богданова // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе ХХ стагоддзя / уклад. В. К. Шчэрбін ; нав. рэд. Л. Ф. Яўменаў. – Мінск : АНІГН НАНБ, 1998. – С. 43–51.
5. Шчэрбін, В. К. Параўнальны аналіз развіцця гуманітарных і сацыяльных даследаванняў у Акадэміях навук краін СНД у постсавецкі перыяд / В. К. Шчэрбін // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе ХХ стагоддзя / уклад. В. К. Шчэрбін ; нав. рэд. Л. Ф. Яўменаў. – Мінск : АНІГН НАНБ, 1998. – С. 20–32.
6. Методология истории : учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Нечухрин [и др.] ; под ред. А. Н. Алпеева [и др.]. – Минск : ТетраСистемс, 1996. – 240 с.
7. Методологические проблемы истории : учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей, обеспечивающих получение высш. образования / В. Н. Сидорцов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. – Минск : ТетраСистемс, 2006. – 352 с.
8. Гуманитарный // Советский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 353.
9. Белорусская Советская Социалистическая Республика. – Минск : БелСЭ, 1978. – 616 с.
10. Гуманітарная адукацыя // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. – Мінск, 1971. – Т. 4. – 608 с.
11. Hornby, A. S. Oxford student's dictionary of current English / A. S. Hornby. – Moscow : Prosveshchenie Publisher ; Oxford University Press. – 769 p.
12. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 797 с.
13. Гуманитарные науки // Большая Советская Энциклопедия. – М., 1930. – Т. 19. – С. 798.
14. Вернадский, В. И. О науке. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль / В. И. Вернадский. – Дубна : Феникс, 1997. – Т. 1. – 576 с.
15. Вазьнясенскі, А. Н. Асноўныя прынцыпы пабудовы беларускае навукі аб літаратуры / А. Н. Вазьнясенскі. – Менск, 1927. – 23 с.
16. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
17. Кохановский, В. П. Философия науки : учеб. пособие / В. П. Кохановский, В. И. Пржиленский, Е. А. Сергодеева – М. : МарТ, ; Ростов н/Д : МарТ, 2005. – 496 с.
18. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия : СПб. : Норинт, 2004. – 1456 с.
19. Кемеров, В. Е. Гуманитарное и социальное познание / В. Е. Кемеров // Современный философский словарь. – 3-е изд., исп. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 864 с.

20. Цыт. па: Kazancigil, A. Introduction / A. Kazancigil, D. Makinson // World Social Science Report. – France : UNESCO Publishing / Elsevier, 1999. – P. 11–14.
21. Wallerstein, I. Social sciences in the twenty-first century / I. Wallerstein // World Social Science Report. – France : UNESCO Publishing / Elsevier, 1999. – P. 42–49.
22. Oba, J. The social sciences in OECD countries / J. Oba // World Social Science Report. – France : UNESCO Publishing / Elsevier, 1999. – P. 58–73.
23. Макараў, А. В. Гуманітарная адукацыя / А. В. Макараў // Беларус. энцыклапедыя : у 18 т. – Мінск, 1997. – Т. 5. – С. 531–576.
24. Володарская, Е. А. Французское общество историков гуманитарных наук (SFHSH) / Е. А. Володарская // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 1. – С. 202–203.
25. Москвичёв, Л. Н. Воспроизводство научного потенциала социальных и гуманитарных дисциплин / Л. Н. Москвичёв // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 54–64.
26. Аллахвердян, А. Г. К проблемам дифференциации общественных наук на социальные и гуманитарные : методологические и прикладные аспекты / А. Г. Аллахвердян // Годичная научная конференция. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. (94,5 Мб). – М., 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): зв., цв.
27. Аксёнов, Г. П. Личность, наука и ноосфера возникают одновременно / Г. П. Аксёнов // Годичная научная конференция. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. (94,5 Мб). – М., 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): зв., цв.

Shauchuk I.I. The humanities: the notion definition

The notions of the humanities and social sciences are considered as a priori understandable once and therefore actually every researcher introduce his own interpretation in their essence. As result the scientific literature gives various and sometimes contradictory views concerning the designated question. In a view of this there is made an attempt a sign more careful differentiation of the denoted notions. This is determined by the requirements of the historical-scientific and science of science practice.

УДК 94(47+57)"1941/45"+930(476)

У.В. Здановіч**ПРАБЛЕМА КАЛАБАРАЦЫЯНІЗМУ Ў ПРАЦАХ
АЙЧЫННЫХ НАВУКОЎЦАЎ (1991–2007 гг.)**

У артыкуле паказаны працэс вывучэння праблемы калабарацыі ў сучаснай айчынай гістарыяграфіі. Аўтар выдзяляе новыя накірункі ў даследаванні акрэсленай тэмы, якія з’явіліся ў азначаны перыяд. Праведзены аналіз наяўных прац сведчыць аб тым, што гісторыкі адышлі ад агульнаабвінаваўчага ўхілу ў вывучэнні супрацоўніцтва з германскімі ўладамі, паспрабавалі разабрацца з матывамі калабарацыі. Пераважная большасць айчынных навукоўцаў вызначае калабарацыю як з’яву, якая была ў значнай ступені выклікана перадваеннай палітыкай савецкага кіраўніцтва, мела ў гады Вялікай Айчынай вайны разнастайныя ваенныя, палітычныя, эканамічныя, сацыяльныя формы, узмацняла структуры акупацыйнага рэжыму ў Беларусі. Разам з тым у некаторых публіцыстычных выданнях беларускія калабаранты неапраўдана паказаны ледзь не нацыянальнымі героямі.

Уводзіны

У перыяд акупацыі Беларусі частка насельніцтва прымусова ці добраахвотна пайшла на супрацоўніцтва з захопнікамі. У гістарычнай літаратуры гэтая з’ява атрымала назву “калабарацыя”. Яшчэ да нападу на Савецкі Саюз кіраўніцтва Германіі распрацоўвала планы выкарыстання мясцовых жыхароў у сваіх мэтах. Аднак Гітлер, упэўнены ў хуткай перамозе, адхіліў такія праекты. Таму да самага пачатку Вялікай Айчынай вайны лідэры Трэцяга Рэйха не мелі дастаткова распрацаванай палітыкі будучага ўладкавання захопленых тэрыторый і таму не планавалі ўдзел насельніцтва Беларусі ў грамадзянскіх і ваенных органах і фарміраваннях, створаных акупантамі. Але правал планаў “бліцкрыга”, недахоп уласных сіл, наяўнасць антысавецкіх настрояў сярод часткі жыхароў рэспублікі, імкненне антысавецкіх нацыянальных сіл адрадыць дзяржаўнасць пры дапамозе Германіі прывялі да зменаў у поглядах на далейшую стратэгію і тактыку ў адносінах да Беларусі. Жорсткая рэпрэсіўная палітыка СССР, асабліва ў адносінах да насельніцтва Заходняй Беларусі напярэдадні вайны, паражэнні Чырвонай Арміі ў пачатковы перыяд ваенных дзеянняў, шырокая прапаганда і агітацыя акупантаў прывялі да таго, што частка жыхароў Беларусі пайшла на службу да нацыстаў. Савецкае кіраўніцтва гэтых людзей без вызначэння прычынаў і абставінаў аб’явіла здраднікамі Радзімы. У сувязі з гэтым праблема калабарацыянізму на тэрыторыі СССР не атрымала шырокага вывучэння. Не выкарыстоўваўся і тэрмін “калабарацыя” пры вывучэнні супрацоўніцтва мясцовага насельніцтва з акупантамі. Як правіла, ужываўся для характарыстыкі з’явы ў заходнееўрапейскіх краінах.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца аналіз прац па азначанай праблеме, якія былі падрыхтаваны айчыннымі навукоўцамі ў перыяд існавання незалежнай Беларусі.

**Новыя накірункі ў даследаванні гісторыі калабарацыянізму на тэрыторыі
Беларусі ў гады Вялікай Айчынай вайны**

Істотныя змены грамадска-палітычнага характару пачатку 1990-х гг. стымулявалі вывучэнне забароненых тэмаў ваеннай гісторыі, сярод якіх выдзяляецца праблема калабарацыянізму. Значнай для вывучэння тэмы стала выдадзеная на беларускай мове кніга польскага даследчыка Ю. Туронка. Выкарыстанне дакументаў, выяўленых у архівах ЗША, Германіі і Польшчы, матэрыялаў перыядычных выданняў ваенных часоў, мемуарнай літаратуры, у тым ліку і дзеячаў калабарацыі на тэрыторыі Беларусі, дазволілі аўтару паказаць праблему ў нязвыклым для беларускай навуковай грамадскасці ракурсе. Паводле меркавання даследчыка, працэс палітычнай

палярызацыі беларускага грамадства няспынна ўзмацняўся, нягледзячы на злачынствы акупантаў, непазбежнасць паражэння Германіі, вяртання савецкай улады. Не ўжываючы тэрмін “калабарацыянiзм”, Ю. Туронак падрабязна аналізуе дзейнасць разнастайных калабаранцкіх арганізацый, адзначае, што на беларускіх землях, якія не ўваходзілі ў генеральную акругу Беларусь, іх уплыў не быў такі адчувальны. Нягледзячы на тое, што нацыяналісты “не бачылі перад сабой абяцанай перспектывы”, іх дзейнасць, на думку гісторыка, апраўдана з пункту гледжання нацыянальных інтарэсаў, таму што “стварыла магчымасці для ўзмацнення і распаўсюджвання нацыянальнай свядомасці, для арганізацыі нацыянальнага грамадскага жыцця” [29, с. 99]. Як паказвае змест працы, у прыведзеных аўтарам матэрыялах ёсць шэраг недакладнасцяў, а некаторыя высновы маюць дэкларатыўны характар і не заўсёды падмацаваны канкрэтнымі фактамі [29, с. 5, 50, 58, 91, 93, 124, 168, 186]. Асабліва гэта адносіцца да прыведзеных у кнізе лічбавых паказчыкаў. На наш погляд, гэта тлумачыцца тым, што ў многіх выпадках гісторык спасылаецца на дакументы акупацыйных уладаў ці мемуарную літаратуру і праводзіць верыфікацыю гэтых крыніцаў. Як ужо адзначалася, асаблівасцю статыстычных дадзеных з’яўляецца завышэнне сваіх поспехаў і заніжэнне дасягненняў праціўніка.

Разнастайныя аспекты праблемы сталі тэмай даследавання А.М. Літвіна. З прыцягненнем шырокай крыніцазнаўчай базы гісторык прааналізаваў дзейнасць Беларускай краёвай абароны, Беларускай самапомачы, Саюза беларускай моладзі, Беларускай самааховы і іншых арганізацый. Новыя метадалагічныя падыходы пры даследаванні калабарацыі на Беларусі дазволілі аўтару правесці градацыю тых, хто з розных прычынаў пайшоў на супрацоўніцтва з акупантамі. Даследчык пры характарыстыцы беларускай калабарацыі, як нам падаецца, абгрунтавана і доказна выдзяляе тры складнікі:

1. Тыя беларускія сілы, якія былі ў адкрытай і патаемнай апазіцыі да бальшавізму. Адкрытыя апазіцыянеры – гэта ў асноўным беларускія эмігранты, якія да 1939 г. пражывалі за мяжой і вялі адпаведную працу ў гэтым накірунку. На правым фланзе гэтых сіл была Беларуска-нацыянал-сацыялістычная партыя (беларускія фашысты на чале з Ф. Акінчыцам). Пасля захопу Германіяй Польшчы, калі стала відавочнай вайна з СССР, да супрацоўніцтва з немцамі сталі схіляцца прадстаўнікі іншых партый і арганізацый, разлічваючы з іх дапамогай тварыць адраджэнне Беларусі.

2. Тыя, хто да вайны жыў на тэрыторыі БССР і хто паверыў немцам ці іх супольнікам, свядома пайшоў на службу. Сярод іх было шмат пакрыўджаных савецкай уладай і тых, каго можна аднесці да патаемнай апазіцыі.

3. Тыя, хто паводле абставінаў лёсу апынуўся ў сувязі з першай ці другой групамі або на службе ў акупантаў і быў пазбаўлены іншага выбару. Касцюком беларускай калабарацыі была першая група. Яе можна таксама лічыць палітычнай (ідэалагічнай) калабарацыяй [19, с. 199].

Акрамя палітычнай, аўтар выдзяляе таксама эканамічную і ваенную калабарацыю. Несумненнай заслугай гісторыка з’яўляецца вызначэнне колькасці калабарантаў. Паводле падлікаў А.М. Літвіна, агульная колькасць людзей, якія мелі дачыненне да калабарацыі на тэрыторыі Беларусі (з улікам усходніх і каўказскіх батальёнаў, паліцыі парадку, паліцэйскіх украінскіх, літоўскіх, беларускіх і г.д. батальёнаў, фарміраванняў БСА і БКА), складала болей за 130 тысяч чалавек [19, с. 251].

Найбольш шматлікай групай з’яўлялася ваенная калабарацыя, якая стала тэмай доктарскай дысертацыі, абароненай у 2005 г. [20]. Даследчык комплексна і сістэмна прааналізаваў узнікненне, палітычную сутнасць, структурную пабудову, колькасны склад, баявую і прапагандысцкую дзейнасць, а таксама пытанні разлажэння

антысавецкіх ваенных і паліцэйскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг.

Прыведзеныя ў дысертацыі дадзеныя пацвярджаюць выснову А.М. Літвіна аб тым, што ўзнікненне ваенных і паліцэйскіх фарміраванняў не з’яўлялася выпадковым, а было абумоўлена шэрагам аб’ектыўных і суб’ектыўных прычынаў і фактараў, сярод якіх галоўныя – наяўнасць у савецкім грамадстве антысавецкіх, антысталінскіх настрояў, выкліканых незадавальненнем значнай часткі насельніцтва існуючай у СССР сістэмай і ўладай, існаванне ў грамадстве пэўнай часткі палітычных сіл, у тым ліку былых эмігрантаў, спадзяванні з дапамогай немцаў стварыць пад пратэктаратам Германіі дзяржаўныя ўтварэнні ў межах дэклараванай гітлераўскай прапагандай Новай Еўропы.

Факты сведчаць, што да сярэдзіны 1943 г. нямецкія ўлады стварылі 90 батальёнаў з ураджэнцаў Каўказа і Сярэдняй Азіі і каля 90 “рускіх”, “украінскіх” і “казацкіх” батальёнаў [20, с. 26]. Абапіраючыся на разнастайныя крыніцы, найперш архіўныя, А.М. Літвін аспрэчвае дадзеныя Ю. Туронка пра тое, што ў пачатку 1944 г. у шэрагах беларускіх вайскова-паліцэйскіх атрадаў па ўсёй рэспубліцы знаходзілася не менш як 50 тысячаў чалавек, калі не лічыць яшчэ чужых нацыянальных гасцей. Паводле падлікаў беларускага даследчыка, якія падаюцца нам больш абгрунтаванымі, на 29 лютага 1944 г. вышэйшаму начальніку СС і паліцыі “Цэнтр” на Беларусі падпарадкоўвалася ўсяго каля 30 тысяч чалавек, уключаючы нямецкія, літоўскія, беларускія і іншыя паліцэйскія фарміраванні, а таксама службу парадку [29, с. 168].

Разам з тым неабходна адзначыць, што з першых дзён вайны з боку савецкага падполля вялася праца па разлажэнні антысавецкіх фарміраванняў, што садзейнічала пераходу служачых на савецкі бок. Паводле дадзеных БШПР, на бок партызан перайшло каля 30 тысяч чалавек і больш за 1100 на бок Чырвонай Арміі [20, с. 28]. Аднак, як слухна адзначае А.М. Літвін, тыя, хто свядома ваяваў супраць сістэмы, у партызаны не пераходзілі.

Значны ўклад у распрацоўку праблемы калабарацыі ўнёс беларускі гісторык А.А. Каваленя [10; 11; 14]. Разглядаючы палітычны аспект акупацыйнага рэжыму, аўтар выдзяляе тры асноўныя накірункі калабарацыі: ідэйнае супрацоўніцтва (палітычныя і грамадскія аб’яднанні, арганізацыі і г.д.), свядомае супрацоўніцтва (служба ў разнастайных органах) і прымусовае супрацоўніцтва (адміністрацыйна-гаспадарчыя органы і прадпрыемствы) [14, с. 71–72].

Асноўным накірункам даследаванняў А.А. Кавалені стала жыццё моладзі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Як сведчаць архіўныя і апублікаваныя крыніцы, пераважная большасць юнакоў і дзяўчат Беларусі прыняла актыўны ўдзел у партызанскай і падпольнай барацьбе супраць захопнікаў. Больш як 50% беларускіх партызан складала моладзь ва ўзросце да 26 гадоў, больш за 20 тысяч маладых патрыётаў змагалася ў падполлі. Да таго ж, нязначная колькасць маладога пакалення рэспублікі з розных прычынаў пайшла на супрацоўніцтва і выехала на працу ў Германію. Вытокі, заснаванне, палітычная сутнасць і структура, колькасны склад, дзейнасць прагерманскіх саюзаў моладзі на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. грунтоўна раскрыты ў доктарскай дысертацыі і аднайменнай манаграфіі названага аўтара [12; 13].

Працы пабудаваны на шырокім комплексе архіўных крыніц, якія не ўводзіліся ў навуковы ўжытак і былі невядомыя для большай часткі навуковай грамадскасці. Аналіз прыведзеных у даследаванні фактаў дае магчымасць зрабіць выснову, што сацыяльна-палітычнае жыццё ў СССР напярэдадні вайны, паражэнне Чырвонай Арміі ў пачатку вайны, імклівы захоп германскім вермахтам тэрыторыі Беларусі, жорсткі акупацыйны рэжым, актыўная ідэалагічна-прапагандысцкая апрацоўка насельніцтва акупацыйнымі

ўладамі садзейнічалі ідэалагічнаму размежаванню ў грамадстве, у тым ліку і маладзёжным асяроддзі. Усё гэта з'явілася спрыяльнай маральна-псіхалагічнай падставай для стварэння прагерманска арыентаваных маладзёжных саюзаў і дазволіла праваднікам германскага нацызму ўцягнуць у сферу палітычных, ваенна-эканамічных інтарэсаў некаторую частку беларускай моладзі. На акупіраванай тэрыторыі рэспублікі былі створаны Саюз беларускай моладзі, Беларуская служба Бацькаўшчыны, Саюз рускай моладзі, Саюз татарскай моладзі і Саюз барацьбы супраць бальшавізму. Найбольшым аўтарытэтам карыстаўся Саюз беларускай моладзі. Аднак А.А. Каваленя не згаджаецца з польскім гісторыкам Ю. Туронкам, які сцвярджае, што дадзеная арганізацыя мела вялікую падтрымку ў падростаючага пакалення Беларусі. Завышанай з'яўляецца і агульная ацэнка колькасці членаў СБМ. Згодна дадзеных польскага даследчыка, у Саюзе да канца 1943 г. налічвалася да 40 тысячаў, а ў сярэдзіне 1944 – да 100 тысячаў чалавек [29, с. 186]. Кіраўнік СБМ М. Ганько ў “Беларускай газэце”, на якую часта спасылаецца Ю. Туронак, паведамляў, што ў радах Саюза беларускай моладзі ў сярэдзіне 1944 г. налічвалася каля 7 тысяч юнакоў і дзяўчат. Паводле падлікаў А.А. Кавалені, у радах Саюза беларускай моладзі налічвалася каля 13 тысяч чалавек [12, с. 29]. Прычыну такога разыходжання колькасных паказчыкаў даводзіцца шукаць у разнастайнасці крыніцаў і некрытычным падыходзе да іх. На наш погляд, дадзеныя, атрыманыя А.А. Каваленяй на падставе архіўных дакументаў і ўспамінаў былых кіраўнікоў СБМ, з'яўляюцца найбольш набліжанымі да ісціны. Колькасць жа маладых людзей, якія мелі дачыненне да арганізацыі, але афіцыйна не лічыліся яе членамі, будзе большая.

У шэрагу прац разглядаецца дзейнасць асобных калабаранцкіх партый і арганізацый. Так, гісторыю заснавання і дзейнасці Беларускай незалежніцкай партыі паказаў С. Ёрш у сваёй кнізе “Вяртанне БНП”. Падрыхтаванае пераважна на апублікаваных працах і крыніцах, найперш эмігранцкіх, даследаванне не дае поўнага ўяўлення пра згаданую партыю. Адсутнасць дакладных звестак прымушае аўтара пры характарыстыцы БНП ужываць такія выразы, як “пакуль не спраўджана”, “наўрад ці”, “ці сапраўды”, “існуюць іншыя трактоўкі” [6, с. 14, 16, 83], што значна зніжае навуковую каштоўнасць выдання. Дадзены факт ускосна прызнае і сам даследчык, адзначаючы, што пра дзейнасць Беларускай незалежніцкай партыі “вядома вельмі мала, шмат якія эпизоды яе дзейнасці супярэчліва апісваюцца гісторыкамі, а некаторыя застануцца таямніцай. ... У выніку гісторыя разглядаецца ... больш па легендах ды ўспамінах людзей, чым па дакументах” [6, с. 9].

Стварэнню і дзейнасці Беларускай цэнтральнай рады прысвяціў сваю манаграфію А.К. Салаўёў [28]. Выкарыстаныя шматлікія архіўныя матэрыялы, якія раней знаходзіліся ў закрытых фондах, сведчаць аб тым, што “інспіраванае фашыстамі стварэнне беларускіх нацыяналістычных арганізацый у Германіі, а затым і ў захопленай Беларусі, у тым ліку Беларускай цэнтральнай рады ў Мінску, не ставіла на мэце рашэння нацыянальных пытанняў, а выкарыстоўвалася фашыстамі на шкоду Беларусі і яе народа для рэалізацыі экспансіянісцкіх планаў гітлераўскай Германіі, у тым ліку для ўзмацнення акупацыйнага рэжыму і барацьбы з партызанскім рухам у гады другой сусветнай вайны” [28, с. 9]. Нягледзячы на тое, што дзеячам БЦР удалося дасягнуць некаторых поспехаў, у прыватнасці, у стварэнні БКА і павелічэнні антысавецкіх ваенных фарміраванняў, Беларускай цэнтральнай радзе не ўдалося поўнасцю выканаць пастаўленыя перад ёю акупацыйнымі ўладамі задачы. У значнай ступені гэтаму садзейнічалі рознагалосці ў асяроддзі арганізацыі, негатыўныя адносіны яе кіраўніцтва да ўраджэнцаў усходняй Беларусі. Аднак галоўнай прычынай краху БЦР, як справядліва падкрэслівае аўтар, былі поспехі Чырвонай Арміі, актывізацыя партызанскай і падпольнай барацьбы, непрыняцце большасцю беларускага

насельніцтва ідэі аднаўлення дзяржаўнасці ў рэспубліцы, прынесенай на штыках акупантаў.

Некаторыя аспекты калабарацыянізму закранаюцца ў кандыдацкай дысертацыі і манаграфіі І.А. Валахановіча [2, 3]. У святле акрэсленай праблемы каштоўнымі з'яўляюцца звесткі аўтара аб дзейнасці беларускіх калабарантаў на заключным этапе Вялікай Айчыннай вайны, а таксама дадзеныя пра колькасць членаў калабаранцкіх арганізацый. Паводле падлікаў даследчыка са спасылкай на архівы КДБ, на момант вызвалення БССР у розных структурах, якія супрацоўнічалі з акупацыйнымі ўладамі, налічвалася каля 35 тысяч. Да таго ж, на тэрыторыі Беларусі дзейнічала каля 250 рэзідэнтур Абвера і СД [3, с. 128].

Ролю інтэлігенцыі ў калабаранцкім асяроддзі грунтоўна раскрыў У.І. Кузьменка, які канстатуе наяўнасць побач з масавай барацьбой супраць акупантаў у рэспубліцы зусім іншых настройў. На службу да захопнікаў пайшлі і прадстаўнікі беларускай эміграцыі, і мясцовае насельніцтва, якое пацярпела ад рэпрэсіўнай палітыкі І.В. Сталіна. Частка насельніцтва заняла пазіцыю чакання і не жадала ісці ні да партызан, ні ў паліцыю. Аднак, як справядліва падкрэслівае аўтар, ваенная рэальнасць не лічылася з такімі намерамі і ўцягвала многіх у падзеі без іх ведама і жадання. Слушнай з'яўляецца заўвага гісторыка пра тое, што сёння цяжка разабрацца, што з'яўлялася галоўным у кіраўніцтва калабаранцкімі арганізацыямі і структурамі: сапраўдны нацыянальны ідэалізм ці падкантрольнасць нямецкім спецслужбам, “замбіраванасць” імі. Несумненна, што побач з “узнёслымі ідэалістамі” ў калабарацыі знаходзіліся палітыканы і авантурысты, якія шукалі любой улады і поспеху, гатовыя “дзеля гэтага служыць каму заўгодна”. Дапускаючы існаванне калабарантаў-ідэалістаў, У.І. Кузьменка разам з тым апраўдана выступае супраць таго, каб паказваць лідэраў палітычнай беларускай калабарацыі нацыянальнымі героямі, якія змагаліся супраць сталінізму за незалежную беларускую дзяржаву [18, с. 90–94].

Як паказалі падзеі Вялікай Айчыннай вайны, нават да стварэння марыянэткавага дзяржаўнага ўтварэння справа не дайшла. На практыцы прадстаўнікі інтэлігенцыі, знаходзячыся на службе ў прагерманскіх арганізацыях і ваенных фарміраваннях, вымушаны былі прымаць удзел у разнастайных мерапрыемствах акупантаў, у тым ліку ў карных экспедыцыях, барацьбе з партызанамі, знішчэнні савецкага актыву і прыхільнікаў СССР і Чырвонай Арміі.

Адной з важных задачаў акупацыйнага рэжыму, як адзначалася раней, з'яўлялася эксплуатацыя мясцовых працоўных рэсурсаў. У выніку праведзенай эвакуацыі ў савецкі тыл, мабілізацыі мужчынаў у Чырвоную Армію, уключэння значнай часткі мужчынскага кантынгенту ў партызанскую барацьбу, большую частку дарослага насельніцтва акупіраваных тэрыторый склалі жанчыны, якія сталі разглядацца нацыстамі ў якасці істотнай крыніцы папаўнення рабочай сілы. Для паспяховага ажыццяўлення акупацыйнай палітыкі ў дачыненні да жаночага насельніцтва ствараліся жаночыя аддзелы пры германскіх структурах і калабаранцкіх арганізацыях. Асноўныя накірункі і вынікі палітыкі германскіх уладаў у адносінах да жанчынаў Беларусі вывучаліся І.У. Нікалаевай [21]. Самай вядомай жаночай калабаранцкай арганізацыяй быў створаны ў маі 1942 г. пры Беларускай народнай самапомачы Усебеларускі жаночы камітэт (УЖК), які ўзначаліла Г. Вайтанчышка. Па задуме акупантаў, УЖК павінен быў адцягнуць увагу патрыятычна настроеных жанчын ад антыгерманскай барацьбы і спрыяць фарміраванню лаяльнасці беларускага насельніцтва да новай улады. Аднак, як слушна заўважае даследчыца, калабарацыйныя сілы не знайшлі падтрымкі ў асноўнай масы жаночага насельніцтва Беларусі. Наадварот, большасць жанчын не толькі свядома ўхіліліся ад працы ў прагерманскіх арганізацыях, але і сталі актыўнымі ўдзельніцамі партызанскага і падпольнага руху.

У выніку ўсталявання “новага парадку” карэнным чынам змянілася канфесійная сітуацыя на беларускіх землях. Рэлігійны фактар у сваіх мэтах імкнуліся выкарыстаць і кіраўнікі нацыяналістычных арганізацый, якія пайшлі на супрацоўніцтва з акупантамі. Добра разумеючы, што іх ідэі могуць быць рэалізаваны толькі пры падтрымцы мясцовага насельніцтва, прадстаўнікі германскіх уладаў і калабарацыі рознымі сродкамі ўцягвалі ў палітыку духавенства Беларусі, якое карысталася аўтарытэтам у жыхароў акупіраваных тэрыторый. Узаемаадносіны праваслаўнай царквы з акупацыйнымі ўладамі і беларускімі калабарантамі дэтальна разгледзела С.І. Сілава [26, 27]. Разнастайная крыніцазнаўчая база дазволіла даследчыцы доказна сцвярджаць, што праваслаўная царква ў Беларусі была цесна звязана з БНС, БЦР і іншымі арганізацыямі. Даваенная антырэлігійная палітыка савецкага ўрада, асабліва ва ўсходняй Беларусі, садзейнічала таму, што шэраг святароў Беларусі пайшлі на службу да нацыстаў. Аналізуючы прычыны, якія прывялі праваслаўнае духавенства да супрацоўніцтва з акупантамі, аўтар, на наш погляд, цалкам апраўдана выдзяляе сярод калабарантаў наступныя катэгорыі: 1. Служыцелі культуры, якія былі ў апазіцыі да бальшавіцкай улады і рабілі стаўку на гітлераўскую Германію, пры падтрымцы якой імкнуліся стварыць у Беларусі аўтакефальную праваслаўную царкву. Гэта духавенства да Вялікай Айчыннай вайны пражывала ці ў эміграцыі, ці ў Заходняй Беларусі. 2. Тыя, хто жыў на тэрыторыі Беларусі, паверыў немцам і свядома пайшоў на службу да акупантаў. 3. Людзі, якія выпадкова апынуліся сярод калабарантаў. Да гэтай групы можна аднесці некаторых прыходскіх святароў, якія зачытвалі загады акупацыйнай улады і наведвалі сходы духавенства ў камендатурах [26, с. 54].

Становішча каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў часы нямецкай акупацыі, ролю касцёла ў планах германскай адміністрацыі і беларускіх нацыянальных дзеячаў даследаваў Э.С. Ярмусік [30]. Нягледзячы на стрыманасць акупацыйных уладаў да каталіцкай царквы, у якой яны бачылі саюзніка польскага вызваленчага руху, Ватыкан не губляў надзеі на ўмацаванне пазіцыі каталіцызму на Беларусі. Пацвярджэннем таму служыць і ўсходняя місія Ватыкана. Прадстаўнікі каталіцкага духавенства супрацоўнічалі з акупантамі і асабліва з калабаранцкімі арганізацыямі. Як адзначае Э.С. Ярмусік, дадзеная група дзеячаў бачыла ў рэлігіі сродак вырашэння нацыянальнага пытання ў рэспубліцы. Асобны раздзел манаграфіі прысвечаны месцу і ролі ксяндзоў-капеланаў у фарміраваннях Арміі Краёвай. Крытыкуючы савецкую гістарыяграфію за ідэалагічныя штампы, якія паказвалі каталіцызм толькі як памагатага акупантаў, аўтар, па сутнасці, прымяняе аналагічныя падыходы, акцэнтуючы ўвагу пераважна на станоўчых момантах і цяжкасцях дзейнасці каталіцкіх святароў. Канфесійнае жыццё ў гады Вялікай Айчыннай вайны на акупіраванай тэрыторыі мела складаны і супярэчлівы характар. Дзейнасць канфесій знаходзілася пад кантролем акупацыйных уладаў і калабаранцкіх арганізацый, з якімі святары павінны былі супрацоўнічаць дзеля таго, каб весці сваю дзейнасць. І нямецкі бок, і лідэры калабарантаў разглядалі рэлігію як важны сродак у барацьбе супраць бязбожнай савецкай улады. Адмаўляючы бальшавізм, каталіцыя і праваслаўныя святары ішлі на супрацоўніцтва з акупантамі. Менавіта на калабарацыянізм рабілі стаўку ў рэлігійнай сферы нацысты.

На акупіраванай тэрыторыі адбываліся складаныя нацыянальна-дзяржаўныя працэсы. За дзяржаўнасць Беларусі вялі змаганне дзве асноўныя супрацьлеглыя сілы. Першы вектар складалі прыхільнікі савецкага дзяржаўнага ладу, якія абапіраліся на арганізаваны партызанскі і падпольны рух. Прадстаўнікі другога лагера разлічвалі пабудаваць беларускую дзяржаву, здзейсніць сацыяльна-палітычныя перамены пры дапамозе і пад пратэктаратам Германіі. Ідэолагамі дадзенай праграмы выступалі

кіраўнікі калабаранцкіх структураў БНП, БЦР, БСА, БКА, СБМ, ваенна-паліцэйскіх фарміраванняў.

Праблема беларускай дзяржаўнасці ў гады Вялікай Айчыннай вайны знайшла адлюстраванне ў працах А.А. Кавалені, А.М. Літвіна, К.І. Козака [10; 11; 14; 16; 17; 19]. Пададзены даследчыкамі матэрыял сведчыць пра тое, што ў мэты нацысцкага кіраўніцтва Германіі не ўваходзіла захаванне незалежнай Беларусі. Наадварот, у часы акупацыі беларускі народ страціў не толькі дзяржаўную, але і тэрытарыяльную цэласнасць. І толькі барацьба насельніцтва супраць акупантаў пры велізарных людскіх стратах дазволіла захаваць Савецкую Беларусь.

Значнае месца пытаннем калабарацыі адведзена ў манаграфіі Б. К'яры [9]. Як справядліва заўважае гісторык, Беларусь з'яўлялася эксперыментальнай лабараторыяй для акупацыйных уладаў. Незвычайныя цяжкасці штодзённага жыцця патрабавалі ад жыхароў акупіраванай Беларусі паводзінаў, якія не падпадалі пад традыцыйныя характарыстыкі, а складваліся пад уплывам рэальных абставінаў. Каб выжыць у перыяд акупацыі, якая “азначала рубеж у штодзённым жыцці, а не яго канец”, жыхары павінны былі ўступаць у кантакт, ісці на супрацоўніцтва з акупацыйнымі ўладамі. У гэтым сэнсе калабарацыя “адбывалася на ўсіх узроўнях грамадства”. Разам з тым даследчык выдзяляе ўстановы і арганізацыі, якія праводзілі ўзгодненую з акупантамі палітыку і з'яўляліся паслухмяным інструментам у руках захопнікаў. Да ліку такіх устаноў аўтар адносіць Беларускую самапомач, БЦР, праваслаўную царкву, судовыя ўстановы, арганізацыі мясцовага самакіравання, узброеныя фарміраванні [9, с. 96–194]. Аналізуючы з'яву калабарацыі, Б. К'яры прыходзіць, на наш погляд, да абгрунтаванай высновы пра тое, што нельга аднолькава ацэньваць вымушанае супрацоўніцтва насельніцтва з германскімі ўладамі і тыя выпадкі, калі калабаранты свядома прымалі ўдзел у злачынствах і тэроры.

Праведзены аўтарам аналіз прац па гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны сведчыць, што пачынаючы з 1990-х гг. тэма калабарацыянізму становіцца адной з прыярытэтных у дысертацыйных даследаваннях. Разнастайныя аспекты праблемы разглядаюцца не толькі ў згаданых ужо працаў А.А. Кавалені, А.М. Літвіна, І.А. Валахановіча, але і ў іншых дысертацыях. Так, калабарацыянізм як частку акупацыйнага рэжыму, як з'яву, супрацоўніцтва пэўнай часткі насельніцтва з нямецкімі ўладамі даследаваў І.Ю. Сервачынскі, які выдзеліў палітычны, ваенны і грамадзянскі калабарацыянізм [25]. Факталагічны матэрыял сведчыць, што ў пачатку вайны пытанне пра супрацоўніцтва з насельніцтвам акупіраванай тэрыторыі Беларусі не мела для нацыстаў істотнага значэння. Аднак ход ваенных дзеянняў, крах плана “маланкавай” вайны прымусіў акупантаў выкарыстоўваць калабаранцкія арганізацыі. Найбольшае развіццё, што пацвярджаюць і дадзеныя даследчыка, калабарацыянізм атрымаў у генеральнай акрузе Беларусь. В. Кубэ праводзіў палітыку накіраваную на падтрымку мясцовага сепаратызму, ідэалагічнай асновай якога з'яўляўся беларускі нацыяналізм. Беларускія нацыянальныя дзеячы свядома пайшлі на супрацоўніцтва з нацысцкай Германіяй, разлічваючы рэалізаваць ідэю пра стварэнне беларускай дзяржаўнасці. Далейшыя падзеі паказалі, што акупанты не збіраліся ствараць незалежную дзяржаву беларусаў. Як справядліва сцвярджае І.Ю. Сервачынскі, беларускія нацыянальныя лідэры былі поўнасьцю залежнымі ад захопнікаў і не сталі самастойнай сілай, а калабарацыянізм у рэспубліцы не адыграў істотнай ролі, якая магла б садзейнічаць умацаванню акупацыйных уладаў, падаўленню партызанскага руху. На жаль, не ўсе высновы аўтара падмацаваны сур'ёзнымі фактычнымі дадзенымі, перш за ўсё архіўнымі.

Мабілізацыя жыхароў Беларусі на прымусовыя работы ў Германію з'яўлялася для нямецкіх уладаў дадатковым рычагам у ажыццяўленні акупацыйнай палітыкі.

Практыка вывазу ў Трэці Рэйх асобных грамадзянаў пераўтварылася ў 1943–1944 гг. пасля паражэнняў германскіх войск у буйнамаштабных акцыі па перамяшчэнні на захад усяго працаздольнага насельніцтва з раёнаў Беларусі, якія пакідаліся захопнікамі. Удзел калабаранцкай адміністрацыі ў арганізацыі працоўнай павіннасці, вызначэнні катэгорый грамадзянаў, якія ёй падлягалі, мабілізацыю беларускага насельніцтва на працу ў Германію даследаваў Я.А. Грэбень [4, 5]. Як сведчаць факты, актыўную дапамогу ў вярбоўцы ў Германію аказвалі Саюз беларускай моладзі і Саюз барацьбы супраць бальшавізму. Накіроўваючы ў рэйх у першую чаргу асобаў не беларускай нацыянальнасці, калабаранты, з аднаго боку, імкнуліся захаваць прадстаўнікоў свайго народа, а з другога – аказвалі паслугу акупантам, распальваючы міжнацыянальную варожасць.

Важным звяном у сістэме акупацыйнай улады на тэрыторыі Беларусі з’яўлялася мясцовая дапаможная адміністрацыя – акруговыя, гарадскія, раённыя, валасныя і сельскія ўправы, якія былі непасрэднымі выканаўцамі ўсіх мерапрыемстваў захопнікаў. Роля мясцовай адміністрацыі ў ажыццяўленні нацысцкай палітыкі акрэслена ў артыкулах і кандыдацкай дысертацыі А.В. Бяляева [1].

Менавіта калабаранцкія кіруючыя ўстановы з’яўляліся непасрэднымі выканаўцамі ўсіх мерапрыемстваў германскіх уладаў у эканамічнай, ваеннай, культурнай, медыцынскай сферах. Калі на пачатковым этапе акупацыі кіраўніцтва Германіі планавала нярэдка выкарыстоўваць мясцовае “самакіраванне” для ўвасаблення сваіх рабаўніцкіх планаў, то ўжо да канца 1942 г. большая частка паўнамоцтваў у мясцовых органаў была адабрана і перададзена акупацыйным структурам. Мясцовая адміністрацыя, як правільна адзначае гісторык, не стала дзейным сродкам ажыццяўлення захопніцкай палітыкі, таму што не карысталася падтрымкай насельніцтва і не мела неабходных паўнамоцтваў ад нямецкіх уладаў. Галоўнай перашкодай на шляху стварэння і функцыянавання акупацыйнай дапаможнай адміністрацыі з’яўлялася актыўная барацьба партызанаў і падпольшчыкаў, у задачу якіх уваходзіла наступнае: зрыў ваенных, эканамічных, палітычных, адміністрацыйных мерапрыемстваў; разгром гарадскіх, раённых, валасных упраў; фізічнае знішчэнне паліцэйскіх, бургамістраў, старастаў; агітацыйна-прапагандысцкая дзейнасць для добраахвотнага прыцягнення калабарантаў да супрацоўніцтва.

Маладаследаваным у гісторыі застаецца пытанне пра яўрэйскую калабарацыю. Аналіз апублікаваных прац, прысвечаных становішчу яўрэйскага насельніцтва ў гады Вялікай Айчыннай вайны, дае падставы сцвярджаць, што да калабаранцкіх арганізацый можна аднесці юдэнраты – органы яўрэйскага самакіравання. Юдэнраты займаліся дзейнасцю, якая садзейнічала стварэнню хоць і мінімальных, але неабходных умоў жыцця. З другога боку, яўрэйскія саветы, інтэграваныя ў нацысцкі апарат кіравання, з’яўляліся праваднікамі палітыкі рабавання і эксплуатацыі яўрэйскага насельніцтва. Яўрэйская паліцыя не толькі праводзіла вобыскі ў дамах жыхароў гета, але нават удзельнічала ў пагромах і расстрэлах. Праблема супрацоўніцтва юдэнратаў з акупацыйнымі ўладамі закранаецца ў працах М.Я. Саваняка, Э.Р. Іофе, К.І. Козака, І.Э. Яленскай і Я.С. Разенבלата і інш. [7; 8; 15; 22; 23; 24]. Я.С. Разенблат першым з айчынных гісторыкаў назваў юдэнраты калабаранцкімі арганізацыямі. У дысертацыйным даследаванні аўтар адзначае, што “юдэнраты з’явіліся першым фіскальным органам, правадніком палітыкі рабавання і эксплуатацыі яўрэйскага насельніцтва, своеасаблівым “прывадным рэменем” палітыкі генацыду”, што дазваляе гаварыць пра элементы калабарацыянізму ў дзейнасці юдэнратаў” [22, с. 3].

Заклучэнне

Праведзены аналіз сведчыць аб тым, што з набыццём Рэспублікай Беларусь незалежнасці ў вывучэнні праблемы калабарацыі адбыліся істотныя змены. У савецкія часы даследчыкам быў уласцівы падыход, згодна з якім калабаранты паказваліся як саўдзельнікі ў злачынствах акупантаў. Без вызначэння псіхалагічных аспектаў і матывацыі ўсе, хто супрацоўнічаў з германскімі ўладамі, былі залічаны савецкім кіраўніцтвам у разрад здраднікаў. У 1990-я гг. з'явіліся працы айчынных навукоўцаў, якія адлюстроўвалі новыя накірункі ў вывучэнні акрэсленай тэмы. У гістарыяграфічны ўжытак былі ўведзены паняцці “калабарацыянiзм”, “калабарацыя”. Гісторыкі адышлі ад агульна абвінаваўчага ўхілу ў вывучэнні супрацоўніцтва з германскімі ўладамі, паспрабавалі разабрацца ў матывах калабарацыі.

Увядзенне ў навуковы ўжытак новых матэрыялаў, выкарыстанне сучасных метадаў даследавання далі магчымасць беларускім гісторыкам раскрыць сутнасць калабарацыі, выдзеліць яе формы, паказаць удзел калабарантаў у ажыццяўленні злачыннай дзейнасці нацыстаў, спробы аднаўлення дзяржаўнасці пад пратэктаратам Германіі пры дапамозе нацыянальных ваенных фарміраванняў, легальных грамадскіх арганізацый. Пераважная большасць айчынных навукоўцаў вызначае калабарацыю як з'яву, якая была ў значнай ступені выклікана перадваеннай палітыкай сталінскага кіраўніцтва, мела ў гады Вялікай Айчыннай вайны разнастайныя ваенныя, палітычныя, эканамічныя, сацыяльныя формы і ўзмацняла структуры акупацыйнага рэжыму ў Беларусі.

У некаторых працах калабаранты паказаны не толькі як саюзнікі Германіі, а як нацыянал-патрыёты, якія спрабавалі выкарыстаць адукацыйныя органы для аднаўлення беларускай дзяржаўнасці. У публіцыстычных выданнях аўтары пачалі паказваць беларускіх калабарантаў барацьбітамі за нацыянальную культуру і дзяржаўнасць, ледзь не нацыянальнымі героямі.

Існаванне розных ацэнак, складанасць праблемы патрабуюць дадатковага вывучэння і асэнсавання месца, ролі і формаў супрацоўніцтва калабаранцкіх арганізацый і фарміраванняў, іх асобных прадстаўнікоў у ажыццяўленні акупацыйнай палітыкі на тэрыторыі рэспублікі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Беляев, А. В. Местная вспомогательная администрация в системе немецко-фашистского оккупационного режима в Беларуси (1941–1944 гг.) : автореф. дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Беляев ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 16 с.
2. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И. А. Валаханович. – Минск : БГУ, 2002. – 146 с.
3. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. : организационная структура, программно-уставные положения и основные этапы деятельности : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. А. Валаханович ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.
4. Гребень, Е. А. На службе у оккупантов : роль местной администрации в мобилизации жителей Могилевщины на принудительные работы в Германию / Е. А. Гребень // Вестн. Магілёўскага дзярж. уні-та. – 2002. – № 2–3. – С. 10–14.
5. Гребень, Е. А. Привлечение нацистской Германией граждан Беларуси на принудительные работы (1941–1944 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. А. Гребень ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 16 с.
6. Ёрш, С. Вяртанне БНП / С. Ёрш. – Мінск, 1998. – 250 с.

7. Иоффе, Э. Г. Белорусские евреи : трагедия и героизм. 1941–1945 / Э. Г. Иоффе. – Минск, 2003. – 428 с.
8. Иоффе, Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси : краткий науч.-попул. очерк / Э. Г. Иоффе. – Минск : Арти-Фекс, 1996. – 162 с.
9. К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / Б. К'яры ; пер. з ням. Л. Баршчэўскага ; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2005. – 390 с.
10. Каваленя, А. А. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1944 гг. Некаторыя аспекты тэрытарыяльных, ваенна-палітычных і нацыянальна-дзяржаўных працэсаў / А. А. Каваленя // Беларуская дзяржаўнасць : вопыт XX стагоддзя : матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 18–19 крас. 2003 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; навук. рэд. : П. І. Брыгадзін [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 94–102.
11. Каваленя, А. А. Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы ў асяроддзі беларускіх партызан. 1941–1944 гг. / А. А. Каваленя, А. А. Калеснікава // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; пад рэд. А. А. Кавалені. – Мінск : БДПУ, 1998. – С. 77–90.
12. Каваленя, А. А. Прагерманскія саюзы моладзі Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць : аўтарэф. дыс. д-ра. гіст. навук : 07.00.02 / А. А. Каваленя ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – 38 с.
13. Каваленя, А. А. Прагерманскія саюзы моладзі Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А. А. Каваленя. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 260 с.
14. Коваленя, А. А. Беларусь 1939–1945 гг. : Война и политика / А. А. Коваленя. – Минск : Веды, 2001. – 204 с.
15. Козак, К. И. Германский оккупационный режим в Беларуси : формы, методы и практика отношений с еврейским населением / К. И. Козак // Мінскае гета. 1941–1943 гг. : Трагедыя, Гераізм. Памяць : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 24 кастр. 2003 г. / Гістарычная майстэрня ў Мінску, Міжнар. адукац. цэнтр у Дортмундзе і інш. ; адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск, 2003. – 208 с.
16. Козак, К. И. Политическая коллаборация в Беларуси (1941–1944) / К. И. Козак // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 2002 г. ; рэдкал. : А. А. Каваленя (гал. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2002. – С. 70–78.
17. Козак, К. И. Беларуская дзяржаўнасць у гады другой сусветнай вайны : палітычныя, сацыяльныя і эканамічныя аспекты / К. И. Козак // Беларуская дзяржаўнасць : вопыт XX стагоддзя : матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 18–19 крас. 2003 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; навук. рэд. : П. І. Брыгадзін [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 102–108.
18. Кузьменко, В. И. Фашистский геноцид и белорусская коллаборация / В. И. Кузьменко // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны : Масавыя забойствы нацыстаў : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 2 ліпеня 2004 г. Гістарычная майстэрня ў Мінску, Міжнар. адукац. цэнтр у Дортмундзе і інш. ; адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск, 2005. – С. 90–94.
19. Літвін, А. М. Акупацыя Беларусі (1941–1944) : пытанні супраціву і калабарацыі / А. Літвін. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2000. – 288 с.
20. Літвін, А. М. Антысавецкія ваенна-паліцэйскія фарміраванні на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1944 гг. Вытокі. Структура. Дзейнасць : аўтарэф. дыс.... д-ра. гіст. навук : 07.00.02 / А. М. Літвін ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2000. – 37 с.

21. Нікалаева, І. У. Выкарыстанне нямецкімі акупантамі працы жаночага насельніцтва Беларусі ў мясцовай вытворчасці і на прымусовых работах (1941–1944 гг.) / І. У. Нікалаева // Весн. Віцебскага дзярж. ун-та. – 2005. – № 2. – С. 14–18.

22. Розенблат, Е. С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения в западных областях Беларуси. 1941–1944 : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. С. Розенблат ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2000. – 18 с.

23. Розенблат, Е. С. Пинские евреи. 1939–1944 гг. / Е. С. Розенблат, И. Э. Еленская. – Брест, 1997. – 312 с.

24. Савоняко, М. Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. Я. Савоняко ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1993. – 21 с.

25. Сервачинский, И. Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июль 1941 – август 1944 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. Ю. Сервачинский ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 16 с.

26. Силова, С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : монография / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.

27. Силова, С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. В. Силова ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2000. – 21 с.

28. Соловьев, А. К. Белорусская Центральная Рада : Создание, деятельность, крах / А. К. Соловьев. – Минск : Наука и техника, 1995. – 176 с.

29. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак ; пер. з польскай В. Ждановіч ; каментарыі А. М. Літвіна. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.

30. Ярмусик, Э. С. Католический костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945) : монография / Э. С. Ярмусик. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 240 с.

Zdanovich V.V. Coverage of the Problem of Collaboration by Home Researchers (1991-2007)

The article deals with the process of studying the problem of collaboration in modern historiography. The author singles out new trends appeared in the examined period in the investigation of the given topic. The carried out analysis of the works testifies to the fact that the historians have deviated from generally accusatory tendency in studying cooperation with the German powers and have tried to look into the motives of collaboration. Most of the home researchers define collaboration as a phenomenon to a great extent caused by the pre-war policy of the soviet government which had various military, political, economic and social forms and strengthened the occupation regime in Belarus. At the same time Belarusian collaborators are shown nearly as heroes without any reason in some public editions.

УДК 94(430)

О.Г. Субботин

ЛИКВИДАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЕЙМАРСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ (1933–1934 гг.)

Наряду с ликвидацией парламентской демократии, упразднение веймарской федеративной системы, не отвечавшей представлениям НСДАП о единстве нации, являлось одной из важнейших задач «национальной революции». Немецкие земли, и прежде всего южно-германские, А. Гитлер рассматривал в качестве очагов распространения «либеральной идеи» и преграды на пути установления фашистской диктатуры. Как следствие этого, политика имперского правительства в 1933–1934 гг. демонстрировала четкую линию на разрушение традиционных связей между централизмом, регионализмом и федерализмом. Ее результатом стало упразднение законодательной автономии региональных структур и лишение их возможности осуществлять самостоятельную политическую деятельность.

Наряду с ликвидацией парламентской демократии, упразднение веймарской федеративной системы, не отвечавшей представлениям НСДАП о германском единстве, являлось одной из важнейших задач «национальной революции». Немецкие земли, и прежде всего южно-германские, А. Гитлер рассматривал в качестве очагов распространения «либеральной идеи» и преграды на пути установления фашистской диктатуры. Как следствие этого, политика имперского правительства в 1933–1934 гг. демонстрировала четкую линию на разрушение традиционных исторических связей между централизмом, регионализмом и федерализмом. Среди работ зарубежных авторов, посвященных вышеназванной теме, особого внимания заслуживают статьи В. Баума «Имперская реформа» в Третьем рейхе» и Г. Моммзена «Имперская реформа и региональные власти. Фантом средней инстанции 1933–1945». Комплексный анализ проблемы становления государственно-правовой системы Третьего рейха содержится в работе М. Рука «Централизм и региональные власти во властной системе национал-социалистического государства». Политико-правовым и идеологическим аспектам дискуссии о «реформе рейха» посвящено исследование Х. Меллера «Регионализм и централизм в новейшей истории». К сожалению, в отечественной историографии до сих пор отсутствуют труды по указанной теме, в то время как она представляет большой интерес в плане изучения истории немецкой государственности. Таким образом, автор настоящей статьи, в основу которой положен анализ широкого спектра источников, включая не изученные ранее архивные документы, предпринял попытку устранить существующий пробел.

Приход нацистов к власти в Германии ускорил начатый при канцлере Ф. фон Папене процесс разрушения федеративной структуры рейха. Соединив устаревшие формы господства с революционной идеологией и современной техникой использования власти, партия А. Гитлера взяла курс на уничтожение рациональной структуры государственного управления, однако не смогла в полной мере нивелировать региональные особенности [1, s. 22]. По тактическим соображениям фюрер предпочел не вступать в открытый конфликт с землями, действуя по принципу «разделяй и властвуй». В ходе состоявшейся 2 февраля 1933 года встречи с членами рейхсрата он публично отказался от безудержной «регламентации и централизации» государственной жизни, пообещав ограничиться «насушными мероприятиями» и сохранить «исторические компоненты немецкой нации» [2, s. 37]. Проведение конституционно-правовых реформ Гитлер ставил в зависимость от «естественного течения времени», а их легитимацию от «воли народа». Впрочем, истинный смысл выражения «насушные мероприятия» со всей очевидностью проявился уже 6 февраля, когда в нарушение вердикта Государственной судебной палаты от 25 октября 1932 года П. фон Гинденбург лишил законное

прусское правительство О. Брауна остатков принадлежавших ему полномочий [3]. Тремя неделями позже президент издал распоряжение «о защите народа и государства», на основании которого вслед за Пруссией в Баварию (09.03), Саксонию (09.03), Вюртемберг (09.03 и 15.03), Баден (11.03), Гессен (06.03), Шаумбург-Липпе (09.03), Гамбург (08.03), Бремен (11.03) и Любек (11.03) были направлены имперские комиссии, что позволило НСДАП занять доминирующее положение в рейхсрате [2, s. 38].

24 марта 1933 года был издан «Закон об устранении нужды народа и рейха» [4]. В сущности, он выполнял роль «временной конституции национальной революции», опираясь на которую правительство осуществляло все последующие мероприятия в сфере государственного строительства [5, s. 44]. Первым из них стал «Закон о насильственном приобщении к господствующей идеологии» от 31 марта, с помощью которого расстановка сил в земельных парламентах была приведена в соответствие с политической линией НСДАП и результатами выборов в рейхстаг от 5 марта 1933 года [6; 7]. В стране был введен запрет на издание актов, противоречащих Конституции и законам рейха [5, s. 45].

Целям дальнейшей «концентрации и унификации» государственной власти в Германии служил «Второй закон о насильственном приобщении земель к господствующей идеологии рейха» от 7 апреля 1933 года, известный также как «Закон об имперских наместниках» с дополнениями от 25 апреля. С его помощью было усилено положение рейхскомиссаров, переходивших в разряд наместников (штатгалтеров) [8, s. 23]. Призванные обеспечивать строгое исполнение директив канцлера и, следовательно, единое руководство страной, «вице-короли рейха», как называл их Гитлер, обладали правом назначения и увольнения глав земельных правительств и по представлению последних государственных служащих и судей могли распускать ландтаг, устанавливать дату новых выборов, участвовать в разработке законов, применять амнистию и т.д. [9, s. 228]. «Преданные канцлеру», они располагали собственным штатом сотрудников, однако не были служащими в классическом понимании этого слова. Должность штатгалтера напоминала, скорее, пост министра. Особо закон регулировал положение Пруссии, функции наместника в которой от канцлера переходили главе местного правительства [10, s. 5–7; 12–18].

В сущности, закон от 25 апреля 1933 года цементировал «новую прусско-германскую унию» и наряду с этим блокировал территориальный раздел земли, превращая ее, по словам К. Шмита, «в вотчину рейха» [10, s. 10–11]. С его помощью Гитлер рассчитывал устранить остатки дуализма и положить конец «федеративному мышлению» на местах, утвердить «примат немецкой мысли без партикуляристских примесей» [5, s. 46]. В своем письме канцлеру Ф. фон Папен назвал принятие закона важным историческим событием для Германии, «коронованием процесса законодательного соединения интересов» Пруссии и рейха [11]. С введением института наместничества, приходит к выводу У. Кремер, земли «окончательно лишились принадлежавших им суверенных прав, которые на протяжении всех эпох немецкой истории являлись главным препятствием на пути сближения народа и рейха» [12, s. 11]. С этого времени о федерализме в «государственном и административно-правовом смысле, – полагал Г. Кребс, – не может быть и речи. Вопреки наличию в стране федеративной философии, федерализм фактически преодолен» [13]. Впрочем, на практике ситуация выглядела не столь однозначно. Амбиции «князей гау», с энтузиазмом внедрявших принцип фюрерства на местах, вписывались в традицию земельного партикуляризма. Сформированная ими структура управления в ряде случаев была более независимой в своих действиях, нежели в период работы земельных парламентов [2, s. 40]. Наиболее проблемным в этом плане руководителем являлся прусский министр-президент Г. Геринг. Он имел собственные взгляды на место и роль подвластной ему территории в системе государствен-

ных отношений и в своих выступлениях перед депутатами штатсрата и ландтага не раз заявлял об «особой миссии» Пруссии, направленной на «опруссачивание рейха» и перевод земель в ранг прусских провинций [14, s. 1; 15].

Судьбоносным для немецких регионов стал Нюрнбергский съезд НСДАП, проходивший с 30 августа по 3 сентября 1933 года. Выступая от имени национал-социалистического движения, Гитлер отказался быть «консерватором германского федерализма», провозгласив курс на ликвидацию земель [2, s. 41]. Вслед за этим в ход была запущена пропагандистская кампания по разъяснению новой установки фюрера. В типичной для второй половины 1920-х годов манере ее участники обратились к дискуссии об «имперской реформе», главными адресатами которой стали разочарованные в прежних преобразованиях технократы Пруссии и рейха [16, s. 109]. На официальном уровне вопросами реформы ведало Министерство внутренних дел. Большую активность проявляли также наместники и гауляйтеры.

Пожалуй, одним из самых известных «теоретиков» реформы в этот период являлся регирунгспрезидент Магдебурга и министеряльдиректор политического отдела МВД Гельмут Николай. В работе «Основы будущей конституции» он подробно остановился на главных аспектах грядущих преобразований. В частности, Г. Николай отверг «противоречащие национал-социалистическим взглядам историко-династические факторы организации немецких земель», предложив новую схему территориального деления [17]. План «ликвидации земель прошлого» предусматривал образование тринадцати субъектов: *Пруссия, Поммерания, Бранденбург, Саксония–Тюрингия, Силезия, Нижняя Саксония, Вестфалия, Рейнланд, Рейнская Франкония, Гессен, Майнская Франкония, Швабия, Бавария*. Берлин сохранял столичные функции, а такие крупные города, как Мюнхен, Дрезден, Гамбург, Бремен, Дюссельдорф, становились важнейшими центрами государства [18]. В дальнейшем Г. Николай увеличил общее количество земель до четырнадцати за счет *Австрии* [19].

Г. Николай будучи противником централизации и партикуляризма, наиболее перспективным представлял вариант, основанный на идеях фелькише единого децентрализованного государства. В этой связи он предлагал передать центру монополию в области внешней политики, армии, налогов, транспорта, а также право определять законодательные функции регионов и санкционировать принятие земельных законов. Все прочие сферы управления подлежали «эластичному регулированию», позволявшему «сохранить высокую степень автономии на местах и достичь отсутствующей на сегодня сплоченности власти». Важным элементом новой государственно-правовой системы Николай считал институт штатгалтеров, «защищающих интересы рейха в регионах и интересы регионов в рейхе» и таким образом «обеспечивающих идентичность власти» на территории всей страны. Общую схему отношений «центр – регионы» министеряльдиректор сравнивал со старым «законом жизни народов»: «чем преданнее члены государства, тем больше свободы можно им предоставить; чем сильнее центростремительные силы, тем меньше они требуют надзора за собой, опеки, кулака» [20].

К концу осени 1933 года дискуссия о реформе вышла за пределы имперских кабинетов, грозя руководству страны потерей контроля над развитием общеполитической ситуации. Примером тому может служить направленное фюреру в ноябре 1933 года письмо штатгалтера Гессена, в котором говорилось: «Население земли Гессен и Гессен-Нассау не только созрело для глубокой реформы, но и с нетерпением ожидает решительных преобразований» [21]. О готовности населения к «масштабным переменам» сообщал также наместник Брауншвейга и Ангальта [22]. Пытаясь умерить энтузиазм региональных руководителей, в ноябре 1933 года правительство запретило общественные дебаты на тему будущих преобразований. В декабре 1933 года вышел официальный запрет на книгу Г. Николая «Государство в национал-социалистическом мировоз-

зрениии». Вслед за этим от планов «реформатора», репрессированного в 1935 году «ввиду допущенных нравственных ошибок», дистанцировалось Министерство внутренних дел [2, s. 41]. В руководстве страны не исключали масштабной реформы, однако оставляли за собой право принятия окончательного решения по поводу ее содержания и методов проведения.

Завершающим актом в рамках мероприятий государственной централизации стал закон о новом строительстве государства от 30 января 1934 года, с помощью которого были распущены земельные парламенты, а правительства на местах перешли в подчинение органов имперской власти [9, s. 229]. С правовой точки зрения, закон упразднил политическую самостоятельность земель. Принадлежавшие им ранее суверенные права теперь находились у рейха, а управление, включая деятельность наместников, подлежало регламентации Министерства внутренних дел [23, s. 593–594]. Таким образом, подытожил А. Гитлер, «вопрос об окончательной форме немецкого государства перестал быть объектом дискуссии... Все, что нами сделано за последние 12 месяцев, в действительности является исторической революцией... и укреплением нашей народности» [24]. Комментируя принятие закона, В. Фрик заявил о «создании сильного национального единого государства на месте ... федеративного». Сам же закон он охарактеризовал как «новую страницу в истории Германии, начало новой исторической эпохи немецкого народа» [2, s. 42–43].

Безусловно, стиль разработки принципов и содержания реформы в Третьем рейхе не имел ничего общего с демократическо-парламентской традицией 1920-х годов. Согласно принципу фюрерства, Гитлер единолично определял основные направления немецкой политики, в равной степени относящиеся и к рейху, и к землям. Тем самым исчезла основа федеративного конфликта. О суверенитете земель, их государственности, партикуляризме и сепаратизме не могло быть и речи. Общепринятая форма обнародования законодательных актов имела следующее содержание: «Именем рейха я провозглашаю настоящий закон, одобренный правительством рейха» [25].

Таким образом, земли больше не обладали государственными функциями. Свой первоначальный смысл терял и институт наместничества. В новых условиях его задачей, по словам фюрера, становилось «олицетворение и защита национал-социалистической идеи и национал-социализма». Впрочем, с такой постановкой вопроса наместники были не согласны. Ведомые Заукелем (Тюрингия) и Леппером (Брауншвейг и Ангальт), они не скрывали намерений получить вполне конкретные полномочия в будущих «рейхстау», выражали личную преданность Гитлеру, но в то же время отказывались переходить в подчинение министра внутренних дел, планы которого критиковали как «вредный бюрократический централизм французского образца», противоречивший «германской правовой традиции» [26]. Все это являлось наглядным свидетельством борьбы между имперскими властными структурами и земельными партаппаратами, тесно связанной с политическими амбициями местных сатрапов и интересами регионов [9, s. 231]. Ее итогом была неопределенность в положении наместников, снижавшая эффективную работу Министерства внутренних дел.

После 30 января имперское руководство получило возможность действовать вне рамок «Закона о чрезвычайных полномочиях», устанавливая, по сути, новое конституционное право. Впервые руководство воспользовалось этим правом 14 февраля, распустив орган земельного представительства рейхсрат и тем самым формально завершив процесс трансформации Германии из федеративного государства в децентрализованное единое государство авторитарного типа [8, s. 23]. В стране были упразднены региональные представительства, отменено земельное гражданство, устранена возможность заключения внутригосударственных межправительственных договоров и соглашений,

за исключением частноправовых, начат процесс огосударствления органов юстиции и унификации материального права [8, s. 24; 2, s. 43].

Общий итог государственных мероприятий в рамках «национальной революции» был неутешительным для федерализма. В 1933–1934 годах власть элиминировала два его ключевых элемента – ликвидировала законодательную автономию региональных структур и возможность осуществления ими самостоятельной политики. Де-юре рейх вышел из «революции» как «децентрализованное единое государство», чьи территориальные подразделения обладали делегированными из центра полномочиями. Де-факто интеграция прусской системы управления в исполнительную систему рейха, а также роспуск земельных парламентов и провинциальных представительств, инаугурация гауляйтеров НСДАП в имперских наместников и прусских обер-президентов лично фюрером, назначение глав и членов местных правительств штатгалтерами и ликвидация рейхсрата формально заменили федеративную структуру строгим государственным централизмом. Германия лишилась статуса федерации. Больше не существовало таких понятий, как земельное законодательство и управление. В стране произошла «трансформация буржуазного правового государства либерального оттенка в национал-социалистическое, сословно-правовое государство под авторитарным руководством... Победу праздновала коллективная идея, идея сообщества фелькише, опирающаяся на расу, кровь и землю...» [5, s. 40–41, 48]. В то же время деятельность НСДАП испытывала влияние традиционных федеративных структур, и причиной тому служили реалии политической жизни, с которыми А. Гитлер вынужден был считаться после прихода к власти. Успех «национальной революции» во многом зависел от готовности традиционных элит поддерживать «диктатуру рейхскомиссаров» [16, s. 106–107]. В итоге, национал-социалистическое государство, по словам А. Розенберга, «развилось в форму законного централизма и практического партикуляризма» [27, s. 260]. В нем был сформирован «оригинальный территориальный партикуляризм». «Князья гау» оказались более упорными федералистами, нежели их предшественники – министры-президенты и штатспрезиденты. Особенно отчетливо это наблюдалось там, где «сильные личности» от НСДАП проводили оппортунистическую политику. Таким образом, земельный партикуляризм уступил место ведомственному партикуляризму, не ограниченному временными рамками первой фазы преобразований 1933–1934 годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Moeller, H. Regionalismus und Zentralismus in der neueren Geschichte. Bemerkungen zur historischen Dimension einer aktuellen Diskussion / H. Moeller // Nationalismus in der Region. Beitrage zur regionalen und lokalen Forschung und zum internationalen Vergleich / Hrsg. von H. Moeller, A. Wirsching und W. Ziegler. – Muenchen : R. Oldenbourg, 1996. – S. 9–22.
2. Baum, W. Die «Reichsreform» im Dritten Reich / W. Baum // Vierteljahreshefte fuer Zeitgeschichte. – 1. Heft. – 3. Jahrgang. – Januar, 1955. – S. 36–43.
3. «Reich und Laender», in: Badischer Beobachter, Nr. 40, vom 9. Februar 1933 // Hauptstaatsarchiv Stuttgart. – E 130b / Bue 1858.
4. Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich. Vom 24. Maerz 1933 // Reichsgesetzblatt. – Teil I. – 1933. – Nr. 25. – S. 141.
5. Pogge, E. Das Verhaeltnis Reich und Laender einst (nach der Weimarer Verfassung) und jetzt (nach den Gesetzten der nationalen Erhebung) : Diss. / E. Pogge. – Hamburg : Fried. Priess Buchdruckerei, 1934. – 53 S.
6. Vorlaefiges Gesetz zur Gleichschaltung der Laender mit dem Reich. Vom 31. Maerz 1933 // Reichsgesetzblatt. – Teil I. – Nr. 29. – Berlin. – 2 April. – 1933. – S. 153–154.

7. Begründung zum Entwurf eines Gesetzes zur Gleichschaltung der Länder mit dem Reich (Erstes Gesetz und Zweites Gesetz) // Bundesarchiv Koblenz (BAK). – Akten der Reichskanzlei. – R 43 II/1309. – Bd. 1. – S. 41; Begründung zum Entwurf eines vorläufigen Gesetzes zur Gleichschaltung der Länder mit dem Reich // Generallandesarchiv Karlsruhe. – Staats-Ministerium. – G.L.A. 233 / Nr. 25682. – S. 1–8.

8. Weniger Länder – mehr Federalismus? Die Neugliederung des Bundesgebietes im Widerstreit der Meinungen 1948/49–1990. Eine Dokumentation / Bearb. von R. Schiffers. – Düsseldorf : Droste Verlag, 1996. – S. 23.

9. Mommsen, H. Reichsreform und Regionalgewalten. Das Phantom der Mittelinstanz 1933–1945 / H. Mommsen // Zentralismus und Federalismus im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. von O. Janz, P. Schiera, H. Siegrist. – Berlin : Duncker & Humblot, 2000. – S. 227–237.

10. Schmitt, C. Das Reichstatthaltergesetz / C. Schmitt // Das Recht der nationalen Revolution. – Heft 3. – Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1933. – S. 24.

11. Abschrift des Schreibens des Vizekanzlers von Papen an den Reichskanzler vom 7. April u. vom 11. April 1933 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43 II/1363a. – S. 4.

12. Craemer, U. Das Problem der Reichsreform in der deutschen Geschichte. Öffentliche Antrittsvorlesung gehalten am 17. November 1934 an der Friedrich-Schiller-Universität Jena / U. Craemer. – Jena : Frommansche Buchhandlung Walter Biedermann, 1935. – S. 24.

13. Krebs, H. Die Stellung der Länder zum Reich in den Verfassungen von 1871, 1919 und im Reichstatthaltergesetz vom 1933 : Diss. / H. Krebs. – Hamburg, 1934. – 67 s. – S. 44.

14. Goering, H. Grundsätze der heutigen Staatspolitik. Rede des Preussischen Minister-Präsidenten vor dem Preussischen Landtag am 18. Mai 1933 / H. Goering. – Berlin : R. v. Decker's Verlag. G. Schenk, 1933. – S. 24.

15. Die konstituierende Sitzung des Preussischen Staatsrats. Die Eröffnungsrede des Ministerpräsidenten Goering , in: Wolff's Telegraphisches Bureau, Nr. 963, von 26.04.1933 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43 I/2300. – S. 7–8.

16. Ruck, M. Zentralismus und Regionalgewalten im Herrschaftsgefüge des NS-Staates / M. Ruck // Nationalsozialismus in der Region. Beiträge zur regionalen und lokalen Forschung und zum internationalen Vergleich / Hrsg. von H. Moeller, A. Wirsching und W. Ziegler. – München : R. Oldenbourg, 1996. – S. 99–122.

17. «Reichsreform im neuen Deutschland», in: Frankfurter Zeitung, vom 21. November 1933 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 19.

18. «Vorschläge zur Reichsreform». Ausschnitt aus dem «Anhalter Anzeiger» vom 8. Dezember 1933, Nr. 288 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 26.

19. Nicolai, H. Der Staat im Nationalsozialistischen Weltbild / H. Nicolai // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 79–80.

20. «Reichsreform im neuen Deutschland», in: Frankfurter Zeitung, vom 21. November 1933 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 20.

21. Schreiben des Reichstatthalters in Hessen an den Herrn Reichskanzler, vom 14. November 1933 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 16.

22. Schreiben des Reichstatthalters in Braunschweig und Anhalt an den Herrn Staatssekretär Dr. Lammers in der Reichskanzlei, vom 23. November 1933 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 17–19.

23. Schulz, G. Anfänge des totalitären Massnahmenstaates / G. Schulz. – Frankfurt/Main (u.a.) : Ulstein, 1974. – 622 s.

24. Große programmatische Rede des Führers. Die Reichstags Sitzung des 30. Januar 1934 // Deutsche Nachrichtenbüro. – 30 Januar. 1934. – Nr. 213–218.

25. Schreiben des Reichsministers des Innern an die Reichsstatthalter, vom 12. Februar 1934 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 154–155.

26. Schreiben des Reichsstatthalters in Hessen an den Reichskanzler, vom 2. März 1934 // BAK. – Akten der Reichskanzlei. – R 43II/495. – S. 167–169.

27. Rosenberg, A. Letzte Aufzeichnungen. Ideale und Idole der nationalsozialistischen Revolution / A. Rosenberg. – Göttingen : Plesse Verl., 1955. – 343 s.

Subbotin O.G. The liquidation of the System of Weimar's Federalism in Germany in 1933–1934 years

The Article is dedicated to the history of the liquidation of the system of Weimar federalism in Germany. Adolf Hitler considered the German territory as a barrier on the way of establishing the fascist dictatorship. As a result, the policy of NSDAP in 1933-1934 demonstrated a clear antifederalist tendency.

УДК 94(476)

Е.Я. Олесик**ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ В ВУЗАХ БССР В 1944–1990 гг.:
ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье показана динамика развития высшего педагогического образования 1944–1990 гг., исследованы процессы феминизации педагогических институтов и университетов БССР, выявлены факторы, обусловившие различную степень представительства женщин на отдельных специальностях. На основании статистических данных доказано, что в исследуемый период педагогические вузы и университеты играли ведущую роль в процессе подготовки женщин-специалистов. Делается вывод о том, что феминизация студенческого контингента педагогических вузов и учительской профессии являлась следствием влияния демографических факторов, традиционных представлений о гендерных ролях в обществе, образовательной и социальной политики государства.

Введение

Феминизация сферы просвещения – одна из наиболее заметных тенденций послевоенного развития БССР. Изучение исторического опыта подготовки специалистов в педагогических вузах и изменения состава студенческого контингента может способствовать определению причин, масштабов, образовательных и социальных последствий феминизации высшей школы.

Общей чертой историографии как развития высшего образования, так и положения женщин в БССР, является недостаточная исследованность этих проблем. Вопросы подготовки педагогических кадров в контексте развития всей системы высшего образования БССР на различных исторических этапах затрагивали Г.М. Кованцева [1], Н.И. Красовский [2], Е.И. Фирсова [3], И. Ильюшин, С. Умрейко [4] и др. авторы. Среди них наиболее фундаментальное исследование развития высшего педагогического образования в БССР было проведено Г.А. Качан, которая выявила эволюцию условий развития, направлений и содержания высшего педагогического образования в 1944 – 1960 гг. [5]. Вместе с тем в научных трудах по истории высшей школы советского и постсоветского периода не проводился гендерный анализ изменений состава студенчества, несмотря на то, что факт доминирования женщин на педагогических специальностях констатировался неоднократно. В 1980–1990-е гг., например, к проблеме феминизации профессии учителя обращались Л.Ф. Колесников [6], В.И. Турченко, Л.Г. Борисова, В. Костаков [7]. По сравнению с историками и педагогами, несколько большей активностью в изучении гендерных проблем высшего образования отличались социологи. Так, социологические исследования 1980–1990-х гг. показали различие ценностных и мотивационных установок у студентов и студенток, выявили ряд проблем в подготовке педагогических кадров [8; 9]. Однако в целом комплексный исторический анализ подготовки женщин на педагогических специальностях не проводился.

Цель данной статьи – восполнить пробел в отечественной исторической науке и представить гендерный анализ подготовки учителей в контексте общего развития образовательных процессов в БССР 1944–1990 гг. Определяя объект исследования, автор исходил из того, что наряду с учительскими и педагогическими институтами важная роль в подготовке педагогических кадров принадлежала белорусским университетам.

Научный руководитель – О.В. Петровская, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Политика партийных и государственных органов БССР в сфере образования в 1944–1990 гг. изменялась в соответствии с социально-экономическими задачами, идеологическими установками, демографической ситуацией. Исходя из этого, анализ процесса подготовки учителей в БССР проводился в рамках трех хронологических периодов.

Восстановление системы педагогического образования (1944–1950 гг.)

Система высшего образования, как и все народное хозяйство БССР, была разрушена во время Великой Отечественной войны. Необходимость быстрого возобновления деятельности педагогических вузов в первые послевоенные годы была обусловлена рядом факторов. Во-первых, страна испытывала острый дефицит педагогических кадров. Если перед началом Великой Отечественной войны в школах Белоруссии работало 54 600 учителей, то в 1944/1945 уч. году их насчитывалось 35 036 (из них только 17,5% имели высшее и неоконченное высшее образование, 51% – среднее педагогическое, более 30% учителей не имели педагогического образования) [4, с. 21]. Во-вторых, необходимо было ликвидировать образовательный вакуум, возникший в годы оккупации из-за того, что большинство детей школьного возраста не могли посещать школу.

Восстановление высшей школы БССР происходило в условиях тяжелой демографической ситуации, вызванной резким сокращением населения БССР и изменением его половозрастного состава. Человеческие жертвы БССР в военные годы превышали 2,2 млн. жителей, при этом наибольшие потери имели место среди мужчин, непосредственно участвовавших в боевых действиях. До конца 1950-х гг. баланс в демографической структуре не был восстановлен. Так, еще в 1959 г. удельный вес мужчин в общем составе населения БССР был существенно ниже (44,5%), чем женщин (55,1%) [10, с. 33]. Демографические проблемы, а также повышение производственной и семейной роли женщин в годы оккупации инициировали резкий приток женщин в вузы БССР.

Данные отчетов 7 педагогических вузов и Белорусского государственного университета за 1944/1945 уч. г. свидетельствуют о росте удельного веса женской составляющей студенческого контингента до 75%, а в 1945/1946 уч. г. по всем вузам педагогического профиля и БГУ – до 85,26% [11, л. 43; 12, л. 9]. Вместе с тем, в педагогических вузах Западной Беларуси в 1945/1946 уч. г. эти показатели были значительно ниже, чем в целом по БССР. В Барановичском учительском институте студентки составляли только 60,44%, в Пинском – 74,36%, в Брестском – 80%. Территориальные диспропорции в темпах феминизации студенческого контингента объясняются различиями в образовательной политике Польской Республики и Советской Белоруссии в 1921–1939 гг. Даже начальное образование для девочек восточных окраин Польши было менее доступным, чем для юношей. Например, в Лидском уезде Новогрудского воеводства в 1930-х гг. школу посещали 70% мальчиков и только 5–6% девочек [4, с. 181–182]. В обществе на западных землях Беларуси традиционные представления о распределении гендерных ролей не подверглись в межвоенный период столь существенным изменениям, как в восточных. Для населения западных областей более распространенными были размышления об образовании детей, подобные высказываниям матери героя Советского Союза Е. Г. Мазаник: «Пусть Ваня учится, он мужик, а я вот безграмотной всю жизнь прожила и ничего. И она проживет» [13, с. 190]. Повышение образовательного уровня населения западных областей способствовало увеличению удельного веса женщин в составе студенческого контингента педагогических вузов, ликвидации территориальных особенностей студенческого контингента.

Неравномерность распределения женщин в педагогических вузах носила не только территориальный, но и профессиональный характер, что во многом определялось популярностью (непопулярностью) определенных специальностей среди женщин, а также вступительным конкурсом. Наибольший удельный вес женщин в составе сту-

денчества (91%) был на естественно-географических факультетах [14, л. 27, 34]. В послевоенный период среди абитуриенток широко распространенным являлось убеждение, что обучение на этих профессиональных направлениях составляет наименьшие трудности [15, л. 63]. Иногда такая позиция абитуриентов по отношению к естественно-географическим факультетам поддерживалась руководством вузов, которое стремилось решить проблему дефицита абитуриентов. Например, в 1948 г. в Пинском учительском институте, который испытывал большие трудности в обеспечении набора студентов, лица, имеющие слабую подготовку, не отсеивались, а зачислялись на естественно-географический факультет [16, л. 55]. В то же время в наименьшей степени (67%) женщины были представлены на исторических факультетах, которые пользовались большим спросом абитуриентов [15, л. 63]. Однако, несмотря на различия в показателях феминизации, женщины доминировали на всех педагогических специальностях.

Отличительной чертой развития педагогических высших заведений во время первой послевоенной пятилетки являлось устойчивое сохранение высокого удельного веса женщин в составе студенчества, несмотря на тенденцию выравнивания гендерного состава студенчества в других вузах БССР. Уже в 1946/1947 уч. г. в результате перехода государства к мирной жизни произошло снижение удельного веса женщин в общем числе учащихся вузов БССР с 84% до 67% [14, л. 11–43]. Следовательно, темпы роста численности женщин в высших учебных заведениях отставали от общих темпов увеличения студенческого контингента. В частности, общее количество студентов с 1945 по 1950 гг. увеличилось на 58%, а женщин – только на 18% [12, л. 6, 8, 15–46; 17, л. 56].

В педагогических вузах (в том числе БГУ, так как он в значительной степени ориентировался на предоставление педагогических специальностей) снижение удельного веса женщин в составе учащихся в 1946–1950 гг. не было заметным. В вузах педагогического профиля удельный вес женщин в 1946/1947 уч. г. составлял 76%, в 1949/1950 – 73% [14, л. 28–42; 17, л. 15, 16, 53].

Причины устойчивой феминизации большинства педагогических вузов заключались, во-первых, в общедоступности педагогических специальностей, так как даже в 1948/1949 уч. г. из-за недостаточного количества поданных заявлений прием в пединститутах, кроме Оршанского и Барановичского, осуществлялся при отсутствии конкурса. В свою очередь, недостаток абитуриентов приводил к снижению требований при оценке знаний поступающих (абитуриенты, не сдавшие экзамен, не только допускались к переэкзаменовке, но и зачислялись без вступительных экзаменов) [15, л. 11].

Во-вторых, значительное воздействие на профессиональный выбор абитуриенток и, следовательно, на феминизацию педагогических специальностей оказывали традиционные представления о роли женщин в обществе. Об этом свидетельствует высокий удельный вес женщин на педагогических специальностях и низкий – на технических, где конкурс также не был высоким [14, л. 10].

В-третьих, процессу феминизации учительской профессии способствовало территориальное размещение вузов. Длительный период педагогические вузы были единственными вузами в областных городах: в Гродно – до 1951 г., в Могилеве – до 1961 г., в Бресте – до 1966 г, а в таких городах, как Мозырь, Барановичи, Бобруйск, Орша, Полоцк, Пинск, вузы других направлений вообще не были открыты. То, что абитуриентки отдавали предпочтение региональным вузам, с одной стороны, было обусловлено психологическими факторами (стремление быть ближе к дому из-за привязанности к родителям, большая тревожность, боязнь столицы и большого конкурса столичных вузов), с другой – экономическими причинами: в 1940-х – первой половине 1950-х гг. платное обучение в вузах регионального уровня было значительно дешевле, чем в столичных. Согласно постановлению СНК СССР о введении платы от 2 октября 1940 г. в вузах

Москвы, Ленинграда, а также столичных городов студенты должны были вносить плату за обучение в размере 400 рублей в год, в остальных – 300 рублей [18, с. 547].

Таким образом, общей чертой развития высшего образования в 1945–1950 гг. являлось повышение удельного веса женщин в составе студенческого контингента, обусловленное изменением половозрастной структуры населения. Однако в педагогических вузах из-за длительного отсутствия конкурсов, особенности регионального размещения, влияния традиционных взглядов на роль женщин в советском обществе феминизация приобрела устойчивый характер.

Реформирование системы высшего педагогического образования (1950– начало 1960-х гг.)

До конца первой послевоенной пятилетки система высшего педагогического образования была восстановлена, что позволило возобновить всеобщее начальное, а с 1949 г. начать переход к обязательному семилетнему обучению. В дальнейшем развитие педагогического образования было направлено на решение задач, поставленных государством перед общеобразовательной школой, важнейшей из которых являлось осуществление 7-летнего и развитие среднего обучения.

В целях улучшения качества обучения в школе, а также для предотвращения перепроизводства учителей, в начале 1950-х гг. была осуществлена реорганизация системы высшего педагогического образования. Прежде всего были ликвидированы учительские институты – учебные заведения, которые готовили учителей для 5–7 классов.

Уже с 1950 г. наборы в учительские институты сократились, а в 1954 г. были совсем прекращены. Сами же эти учебные заведения на протяжении первой половины 1950-х гг. были упразднены либо реорганизованы в педагогические институты и училища. Надо отметить, что ликвидация учительских институтов обострила проблему обеспеченности специалистами педагогического профиля. Несмотря на улучшение качественного состава педагогических кадров (в 1950/1951 уч. г. 30,2%, в 1955/1956 – около 50 % учителей БССР имели высшее и неполное высшее образование), обеспеченность школ квалифицированными кадрами в 1950 гг. являлась недостаточной [19, с. 306]. Кроме того, сокращение учительских институтов происходило в условиях увеличения потребности в учительских кадрах, вызванного осуществлением перехода к семилетнему, а с 1958 г. восьмилетнему обучению и расширением среднего образования.

Сокращение учительских институтов, которые играли важную роль в подготовке женщин-специалистов, вызвало рост конкурса в педагогические вузы, который в 1956/1957 уч. г. на историко-географические, историко-филологические отделения и факультеты иностранного языка составлял 4–6 заявлений на место. Повышение спроса на педагогические специальности способствовало снижению удельного веса женщин в педагогических вузах на стационарных отделениях с 81% в 1949/1950 уч. г. до 78% в 1956/1957 и 1957/1958 уч. гг. [17, л. 15, 16, 53; 20, л. 11].

В середине 1950-х гг. в БССР преобразования по улучшению качества подготовки учителей были продолжены следующими мероприятиями: организована подготовка специалистов широкого профиля (по сдвоенным специальностям), педагогические институты республики были переведены на 5-летний срок обучения, открыты факультеты педагогики и методики начального обучения [20, л. 1].

В 1958–1959 гг. в БССР было начато проведение новой реформы всех уровней обучения, в процессе которой предусматривалось введение всеобщего 8-летнего обучения, преобразование средних школ с 10-летним термином обучения в 11-летние трудовые политехнические школы с трудовым обучением, расширение сети вечерних и заочных школ, введение новых учебных планов [21, с. 3–36]. Преобразования общеобразовательной школы требовали от вузов изменения содержания обучения,

подготовки учителя соответствующего типа. По этой причине в педагогических вузах было введено политехническое образование: создавались новые специальности (инженерно-педагогическая – в Гомельском, агропедагогическая – в Брестском педагогическом институте), производственные бригады, организовывалась деятельность производственных кружков. Например, в Гродненском педагогическом институте за 1957/1958 уч. г. 13 выпускниц физико-математического факультета окончили кружки машинной вышивки, 73 студентки – кружок кройки и шитья [22, с. 63–64].

Однако преобразования середины 1950-х гг., как и реформа 1958–1959 гг., не могли решить основной проблемы – дефицита педагогических кадров: после ликвидации учительских институтов, несмотря на увеличение наборов в педагогические институты, общая численность студентов в вузах педагогического направления с 1950 по 1960 гг. оставалась практически неизменной, около 21 тысячи человек, несмотря на то, что рост студенческого контингента в БССР в этот период составил 89% [27, с. 152]. Кроме того, переход к подготовке специалистов широкого профиля, увеличение срока обучения учителей, а в последующем политехнизация высшего педагогического образования усложнили процесс подготовки учителей, способствовали снижению качества их образования. Таким образом, реформы 1950-х гг. не решили поставленной перед ними задачи улучшения качества подготовки учителей и обострили проблему обеспеченности школы специалистами.

Резкое сокращение количества студентов педагогических вузов в 1950–1960 гг. оказало значительное влияние на формирование структуры студенческого контингента в БССР. Во-первых, незначительные темпы повышения количества студентов педагогических институтов в период резкого роста студенческого контингента республики инициировали рост вступительных конкурсов и уменьшение удельного веса женщин на педагогических специальностях. Во-вторых, снижение значения педагогических вузов в процессе подготовки специалистов в БССР (если в 1950/1951 уч. г. в них обучалось 2/3 всего студенческого контингента республики, то в 1960/1961 – только 1/3) сопровождалось сокращением доли женщин в общем числе студентов вузов БССР в 1960/1961 уч. г. – 42%. Именно в этот период наблюдался наиболее низкий удельный вес женщин в вузах БССР за все послевоенные годы, что свидетельствует о ведущей роли педагогических вузов в процессе подготовки женщин-специалистов. В-третьих, увеличение дефицита педагогических кадров в 1950-е гг. создало предпосылки для расширения педагогических вузов и феминизации этой отрасли высшего образования в последующий период.

Основные направления развития высшего педагогического образования (нач. 1960-х–1990 гг.)

В связи с тем, что на протяжении 1960–1980-х гг. среднее образование становилось все более массовым, а потребность в педагогических кадрах более острой, в педагогических вузах БССР была возобновлена тенденция роста студенческого контингента [28, с. 82]. Увеличение наборов на педагогические специальности в 1962–1986 гг. способствовало повышению доли женщин в педагогических вузах (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение женщин по специальностям педагогических вузов БССР (1970-1985 гг.)*

Специальность	Удельный вес женщин в составе учащихся (%)			
	1970/1971	1975/1976	1980/1981	1985/1986
Филология	90%	91%	90%	92%
Математика, математика и физика	84%	80%	87%	91%
Физика, физика и математика	57%	57%	63%	71%
Биология и химия, основы с/х	88%	89%	80%	87%
География и биология	72,5%	75%	73%	72%
История	54%	63%	56%	64%
Черчение и рисование, труд	36%	47%	54%	64%
Педагогика и психология	100%	99%	100 %	99%
Дефектология	91%	95%	93%	24%
Физическое воспитание	22%	19%	20%	24%-
Педагогика и методика начального образования	97%	96%	82%	97%
Общетехнические дисциплины и физика; Общетехнические дисциплины и труд	23%	28%	43,5	42,5%
Музыка и пение	80%	81%	92%	85%
Начальная военная подготовка	–	–	0%	0%
Всего	76%	77%	73%	80%

* Таблица составлена автором на основании данных: 23. л. 11: 24. л. 147: 25. л. 12: 26. л. 67.

В 1980-х гг. проблема феминизации педагогического образования обратила на себя внимание руководства БССР. В докладной записке руководителей отдела просвещения, здравоохранения и культуры Управления делами Совета Министров В. Пархоменко и Н. Боева от 19.10.1984 г. об итогах притмных экзаменов, направленной заместителю председателя Совета Министров БССР Н.Л. Снежковой, отмечалось, что «органы народного образования и вузы недостаточно ведут работу по привлечению на педагогическую работу мужчин», и указывалось на необходимость ректорам вузов усилить работу по профориентации, облизполкомам и райисполкомам изучить потребность в кадрах и в соответствии с этим отработать систему отбора в соответствующие вузы [29, л. 16, 20]. Однако рост удельного веса женщин удалось несколько снизить только в 1989/1990 уч. г.

Несмотря на то, что женщины сохраняли устойчивое преимущество в педагогических вузах, представительство женщин значительно колебалось на разных факультетах и в отдельных вузах. Надо отметить, что, по сравнению с предыдущим периодом, в педагогических вузах значительно увеличилось количество предлагаемых специальностей.

В вузах, подчиненных Министерству просвещения, в 1960–1980-х гг. самыми популярными у женщин были филологические специальности, дефектология, музыка и пение (таблица 1). Большим спросом пользовались факультеты педагогики и психологии, биологические, географические, химические, математики (таблица 1). В 1960-х гг. происходило значительное расширение факультетов математики, физики и химии. Престиж таких специальностей, как «Математика» и особенно «Химия», обеспечивал повышенное внимание руководства страны в 1960-е гг. к точным наукам. На Ноябрьском (1962 г.) и Декабрьском (1963 г.) пленумах ЦК КПСС развитие химии рассматривалось в качестве одной из важнейших задач государства, а химизация народного хозяйства объявлялась «третьей программой партии» [30, с. 9–12]. Большое внимание

уделялось освещению вопроса развития в стране «большой химии» в средствах массовой информации, официальных выступлениях руководителей партии и правительства.

Менее распространенными специальностями среди женщин являлись такие специальности, как физика, история, черчение и рисование (таблица 1). На факультетах физического воспитания, общетехнических дисциплин и военной подготовки представительство женщин в составе студенчества было минимальным. Если специальности учителя физкультуры и технического труда были просто непопулярными среди абитуриентов, о чем свидетельствуют факты постоянного недобора студентов в Институт физкультуры в 1940-е гг. и низкие требования к абитуриентам этого вуза в 1960-е гг., то доступ на факультет военного дела для женщин был закрыт. В частности, в 1980/1981 и 1985/1986 уч. гг. на специальности «Военная подготовка» в педагогических вузах республики не обучалось ни одной женщины [25, л. 36].

Перечень предлагаемых специальностей во многом определял степень феминизации тех или иных педагогических вузов. Например, наибольшее представительство в вузах, подчиненных Министерству просвещения в 1960/1961 уч. г., женщины имели в Институте иностранных языков (85%), Минском педагогическом институте имени М. Горького (81%) и Гродненском педагогическом институте (78%), где проводились большие наборы на такие факультеты, как филологический, физико-математический, библиотечного дела, начальных классов. В Брестском и Витебском институтах, где преимущество отдавалось физико-математическим и естественным дисциплинам, удельный вес женщин составлял соответственно 76% и 73%. Наименьший удельный вес женщин (69%) в этом учебном году наблюдался в Гомельском педагогическом институте, осуществлявшем широкий прием студентов на специальность «Физическая культура» и имевшем нетипичное для данной группы вузов инженерно-педагогическое направление обучения [31, л. 14, 102, 119, 120, 142, 174, 178].

На фоне отмеченного выше общего повышения удельного веса женщин в педагогических вузах в 1960 – начале 1970-х гг. выделяются вузы, имевшие обратную тенденцию. К ним относится Минский институт иностранных языков, где удельный вес женщин за счет переводческого факультета снизился до 79% [23, л. 3]. Наиболее резкое сокращение доли женщин в числе студентов наблюдалось в 1971–1980 гг. в Мозырском институте, в котором из-за расширения специальности «Общетехнические дисциплины и труд» удельный вес женщин снизился с 74% до 60% [23, л. 3; 25, л. 12, 18].

Приобретение статуса университета в 1969 г. Гомельским, а в 1977 г. Гродненским педагогическими институтами сопровождалось увеличением наборов, расширением перечня предлагаемых (в основном непедagogических) специальностей, повышением престижности вузов и значительным сокращением представительства женщин в этих учебных заведениях. В результате в 1971 г. удельный вес женщин в Гомельском государственном университете снизился до 58%, а в Гродненском университете в 1980 г. – до 70% [23, л. 3; 34, л. 51–52].

Вместе с тем характерная для социалистических систем образования профессионализация высших учебных заведений обусловила значительную роль белорусских университетов в подготовке специалистов педагогического профиля, что свидетельствует об утрате этим типом вузов универсального, общенаучного характера. До 1969 г. БГУ являлся единственным университетом БССР и играл важнейшую роль в процессе подготовки специалистов.

Несмотря на большое значение, которое играл университет на протяжении 1944–1990 гг. в процессе подготовки женщин-специалистов, этот вуз был подвержен феминизации меньше педагогических институтов; лишь в конце 1970-х гг. удельный вес женщин в составе студентов начал повышаться (таблица 2). Тем не менее, в Белорусском государственном университете в связи с педагогической направленностью

большинства специальностей доля женщин в составе студенчества была значительно выше, чем в других университетах СССР (средний показатель по университетам Советского Союза в 1970–1976 гг. изменялся между 48% и 51%).

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 2, удельный вес студенток на факультетах БГУ, как и в педагогических вузах, зависел от степени популярности определенных специальностей среди женщин.

Таблица 2 – Удельный вес женщин на педагогических специальностях БГУ в 1946–1981 гг. (очная форма обучения) (%)*

Учебный год	Специальность								Всего по БГУ
	Филология	История	Математика	Физика и математика**	Физика	Химия	Биология	География	
1946/1947	85%	65%		44%		26%	86%	76%	73%
1954/1955	67%	48%		54%		78%	90%	59%	63%
1959/1960	76%	40%	66%		40%	74%	81%	66%	58%
1969/1970	86%	54%	60%		26%	66%	77%	70%	60%
1980/1981	80%	61%	79%		39%	75%	70%	63%	65%

*Таблица составлена автором на основании данных: 14, л. 11; 32, л. 45; 31, л. 170; 33, л. 30; 25, л. 2;

**В 1958 г. физико-математический факультет был ликвидирован в связи с образованием физического и математического факультетов.

Несмотря на возрастающий приток женщин в вузы педагогического профиля, среди абитуриентов этого типа учебных заведений увеличивалось количество тех, кого не привлекала специальность учителя. По результатам опроса, проведенного в 1970 г. кафедрой истории КПСС МГПИ им. А.М. Горького среди учителей шести районов Гомельской, Брестской и Минской областей, число «случайных» педагогов, т.е. тех, кто выбрал педагогическую профессию из-за желания получить высшее образование (диплом), а не специальность педагога, выросло. Так, в 1950–1955 гг. число студентов, поступивших в педагогические вузы по случайным обстоятельствам, а не по призванию, составляло – 8,4%; в 1956–1960 гг. – 12,3%, в 1961–1965 гг. – 15,4%, в 1966–1969 гг. – 15,7 % [35, л. 230]. Особенно остро эта проблема стояла среди студентов БГУ, многие из которых при поступлении вообще не знали, что университет готовит кадры для школы.

В 1980-х гг. среди студентов увеличилось количество недовольных получаемой учительской профессией. Однако по данным социологического опроса 1989 г., в педагогических вузах РСФСР практическая ориентация на профессию учителя среди женщин была более выражена, чем у мужчин. Абсолютно все студентки, ранее работавшие в школе, выразили твердое намерение посвятить себя педагогической деятельности, хотя 22% среди них отдали бы предпочтение не учительской профессии. Среди мужчин – бывших педагогов – желание заняться непедagogической деятельностью изъявили лишь 50% респондентов [6, с. 231]. Отсутствие интереса у мужчин к учительской специальности заключалось в ухудшении материального положения работников образования: отставании размера заработной платы учителей от средней по стране и снижении престижности профессии учителя

Таблица 3 – Среднемесячная заработная плата в СССР (рубли)*

	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1983 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.
Всего по СССР	33,1	43,9	64,2	80,6	122,0	145,8	168,9	180,5	190,1	195,6	202,9
В отрасли просвещения	33,1	48,4	68,9	72,3	108,1	126,6	135,9	138,2	150,0	155,7	165,6

* Таблица составлена автором на основании данных: 36, с. 147–149.

Таким образом, сравнительно низкая оплата труда учителей на протяжении послевоенного времени в сочетании с традиционными взглядами на гендерные роли мужчин и женщин в семье (женщина – мать и хранительница очага, мужчина – кормилец) способствовали формированию устойчивого стереотипа «женской профессии педагога» и оказывали большое влияние при выборе педагогических профессий абитуриентками. В результате, с одной стороны, женщинам в советском обществе была отведена сложная и низкооплачиваемая сфера трудовой деятельности, с другой – увеличивалось число «случайных» специалистов в профессии учителя, росла текучесть педагогических кадров, что усложняло решение кадровой проблемы в сфере среднего образования.

Выводы

Феминизация сферы просвещения является закономерным итогом развития системы высшего педагогического образования на протяжении послевоенного периода. Наибольшие темпы роста удельного веса женщин в педагогических вузах были характерны периоду восстановления экономики БССР, что стало следствием, в первую очередь, таких факторов, как нарушение баланса в половозрастной структуре населения республики и общей тенденции эмансипации советских женщин. В течение 1944–1950 гг. феминизация педагогических вузов была обусловлена трудностями, которые испытывали педагогические и учительские институты при обеспечении растущих наборов, и территориальным расположением вузов. Однако лишь незначительное снижение удельного веса женщин на педагогических специальностях в условиях роста вступительных конкурсов в педагогических вузах в 1950–1960 гг., а также высокий удельный вес женщин в 1960–1990 гг. свидетельствует, что вступительный конкурс не являлся решающим фактором в процессе феминизации педагогических вузов. Большое воздействие на феминизацию студенческого контингента педагогических вузов БССР имели традиционные представления о гендерных ролях женщин и мужчин. С одной стороны, традиционные взгляды на роль женщины в обществе содействовали тому, что, осуществляя профессиональный выбор, женщины отдавали предпочтение специальности учителя. С другой стороны, представления о семейных обязанностях мужчин в условиях ухудшения оплаты труда учителя в 1960–1990 гг. способствовали оттоку мужчин из этой сферы деятельности. Кроме того, как показывает гендерный анализ состава студенческого контингента, степень феминизации педагогических специальностей являлась, как правило, постоянной и зависела от их популярности (непопулярности) среди женщин, а удельный вес женщин в составе студенчества отдельных вузов определялся перечнем специальностей, по которым вуз готовил специалистов.

Феминизация педагогических вузов в условиях роста студенческого контингента свидетельствовала о первостепенной важности наших учебных заведений для женщин данного профессионального направления. Вместе с тем надо отметить, что заметной

проблемой педагогического образования послевоенного периода является рост влияния косвенных факторов на профессиональный выбор студентов и студенток, что способствовало возникновению проблемы профессиональной пригодности многих специалистов и усложняло решение кадровой проблемы в сфере просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кованцева, Г. М. Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии в 1943–1950 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. М. Кованцева ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск, 1955. – 19 с.
2. Красовский, Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – 2-е изд. – Минск : Вышэйшая школа, 1972. – 330 с.
3. Фирсова, Е. И. Подготовка специалистов для народного хозяйства и культуры БССР / Е. И. Фирсова. – Минск : Наука и техника. – 1976. – 176 с.
4. Ильюшин, И. Народное образование в Белорусской ССР / И. Ильюшин, С. Умрейко. – Минск : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения БССР, 1961. – 201 с.
5. Качан, Г. А. Развитие системы высшего педагогического образования в Белоруссии (в период с 1944 по 1960 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Г. А. Качан ; БГПУ. – Минск, 1995. – 19 с.
6. Колесников, Л. Ф. Эффективность образования / Л. Ф. Колесников, В. И. Турченко, Л. Г. Борисова. – М. : Педагогика, 1991. – 265 с.
7. Костаков, В. Занятость: дефицит или избыток ? / В. Костаков // Коммунист. – 1987. – № 2. – С. 78–90.
8. Молодежь и высшее образование в социалистических странах – М. : Наука, 1984. – 142 с.
9. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества – М. : Наука, 1978. – 272 с.
10. Раков, А. А. Население БССР / А. А. Раков. – Минск : Наука и техника, 1969. – 224 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд. 4. – Оп. 17. – Д. 24. Общая переписка с высшими учебными заведениями.
12. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Т. 1. – Д. 480. Сводки Наркоматов и облстатуправлений БССР о высших и средних учебных заведениях по подготовке специалистов на начало 1945/1946 учеб. г.
13. Мазаник, Е. Г. Возмездие: Документальная повесть / Е. Г. Мазаник. – 2-е изд. – Минск : Мастацкая літаратура, 1988. – 190 с.
14. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Д. 821. Отчеты Министерств БССР о работе высших учебных заведений на начало 1946/1947 учеб. г.
15. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 47. – Д. 237. Отчеты, справки планы учебных заведений по научно-исследовательской работе и о составе студентов высших и средних заведений Республики.
16. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 47. – Д. 115. Отчеты и докладные вузов республики о работе за 1946/1947 учебный год. Списки и характеристики состояния педагогических институтов.
17. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Д. 2232. Сводные отчеты министерств и облстатуправлений по вузам на начало 1949/1950 учеб. г.
18. Высшая школа в Белоруссии : сборник основных постановлений, приказов и инструкций. – М. : Советская наука, 1947. – 615 с.

19. Парашкоў, С. А. Гісторыя культуры Беларусі / С. А. Парашкоў. – Минск : Беларуская навука, 2004. – 471 с.

20. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 17. – Д. 94. Справки отдела о состоянии и мерах улучшения учебно-воспитательной работы институтов, справки и докладные Министерства просвещения об увеличении учебной и научной работы в педагогических учебных заведениях, материалы о научно-исследовательской работе института педагогики Министерства просвещения БССР.

21. Аб умацаванні сувязі школы з жыццём і аб далейшым развіцці сістэмы народнай адукацыі ў краіне : Тэзісы ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1958. – 40 с.

22. Габрусевіч, С. А. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы : Гіст. нарыс / С. А. Габрусевіч, І. П. Крэнь. – Гродна : Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы, 2001. – 387 с.

23. НАРБ. – Фонд. 1220. – Оп. 2. – Д. 16. Статистические отчеты высших учебных заведений о распределении студентов по курсам и специальностям на 1 октября 1971 г.

24. НАРБ. – Фонд. 4. – Оп. 73. – Д. 331. Информационные справки ... информация ЦСУ о подготовке специалистов с высшим образованием и использовании их в народном хозяйстве БССР, об итогах учета численности специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве БССР и другие материалы о работе вузов. 1976 г.

25. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 7. – Д. 1990. Сводные статотчеты министерства и статотчеты пединститутов и педучилищ о работе за 1980/1981 и на начало 1981/1982 учеб. гг.

26. НАРБ. – Фонд. 1220. – Оп. 3. – Д. 956. Статистические отчеты о распределении студентов высших учебных заведений по курсам и специальностям Минвуза БССР по ФЗНК на 1 октября 1985/1986 учеб. года.

27. Развитие народного хозяйства Белорусской ССР за 20 лет (1944–1963 гг.) : Статистический сборник. – Минск : Беларусь, 1964. – 214 с.

28. Андреев, В. И. Развитие систем образования в ФРГ и Республике Беларусь : сравнительный анализ / А. Андреев. – Минск : НИО, 1999. – 255 с.

29. Государственный архив Минской области. – Фонд 2. – Оп. 9. – Д. 3658. – Переписка СМ СССР и СМ БССР по планированию к выполнению плана экономического и социального развития 12.12. – 29.12.1984 г.

30. Инструктивное письмо Министерства высшего и среднего специального образования от 27 января 1964 г. № И-3. (О декабрьском пленуме ЦК КПСС 1963 г.) // Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования. – 1964. – № 3. – С. 9–12.

31. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Д. 6603. Сводные отчеты и титульные списки по вузам на начало 1959–1960 учеб. г. по БССР.

32. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Д. 4475. Сводки и сводные отчеты Министерств и статуправлений по высшим учебным заведениям и копии отчетов вузов союзного подчинения на начало 1954/1955 учеб. г.

33. Государственный архив Минской области. – Фонд 1035. – Оп. 1. – Д. 3731. Первичные отчеты по вузам на начало и конец 1969/1970 учеб. года по г. Минску.

34. НАРБ. – Фонд.1220. – Оп. 2. – Д. 25. Статистические отчеты заведений о распределении студентов по курсам и специальностям за 1981 г.

35. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 73. – Д. 289. Документальные материалы о работе высших и средних специальных заведений. 1970 г.

36. Труд в СССР : Статистический сборник / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1988. – 302 с.

***Olesik K.Y.* The preparation of teachers in the higher educational institutions of BSSR in 1944–1990 years**

The dynamics of development of higher pedagogical education from 1944 till 1990 is shown in the article, processes of the feminization of pedagogical institutions and universities are investigated. It brought to light the factors that caused to different degree of women representations on separate specialities. On the basis of statistics it is proved that in the analyzing period pedagogical institutions and universities plays the main role in the process of preparation of women-specialists.

УДК 930.1

А.А. Бидная**ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСТОРИКО-МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК ПАМЯТНИКИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
БЕЛАРУСИ XVI – НАЧ. XVII ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ
«ДНЕВНИКА» Ф. ЕВЛАШЕВСКОГО И БАРКУЛАБОВСКОЙ
ЛЕТОПИСИ)**

Статья посвящена анализу жанрово-стилистических особенностей произведений историко-мемуарного жанра, который появился на территории Беларуси в XVI веке и был тесно связан, особенно на начальном этапе развития, с традициями и канонами летописания. В статье анализируются два произведения начала XVII в., принадлежащие к этому историографическому жанру: «Дневник» Ф. Евлашевского и Баркулабовская летопись. Основной задачей произведений этого жанра является воссоздание событий, свидетелем или участником которых был автор произведения, поэтому основной их особенностью становится субъективно-объективная точка зрения автора, стремящегося с полной достоверностью описывать события. Таким образом, основными жанровыми законами этих произведений являются законы достоверности и субъективности.

Произведения историко-мемуарного жанра являются одним из источников исторических знаний о прошлом. К ним нередко обращаются исследователи с целью воссоздать картину общественно-политической, экономической жизни той или иной страны, но чаще всего, чтобы познакомиться с частной жизнью людей определенной социальной среды в определенную эпоху. Однако при использовании этих произведений в качестве исторических источников необходимо учитывать тот факт, что целью данных произведений не является показать развитие исторического процесса в целом, а лишь описать его конкретные проявления, причем весьма субъективно. Историко-мемуарный жанр является жанром синтетическим, сочетающего признаки художественной прозы и документальных форм повествования. Это обуславливает сложность и разноплановость мемуарного текста, в котором сочетаются беллетризованные и художественно-документальные фрагменты, собственно документальное изложение и, наконец, сами документы или извлечения из них. Такие компоненты мемуарного текста сочетаются в различных пропорциях в общем потоке мемуарного повествования. В ряде случаев некоторые компоненты могут отсутствовать, например, документ или беллетризованная часть, тем не менее сохраняется многосоставность текста обусловленная самой природой жанра. Обращаясь к воссозданию подлинных событий прошлого через преломление их в восприятии автора-повествователя, произведения историко-мемуарного жанра основываются на реальных исторических фактах, являются одновременно и литературным произведением, и своеобразным историческим документом. Документальным в них является авторское свидетельство о событиях и людях прошлого; также документальны и источники, привлекаемые для воссоздания картины прошлого (рассказы очевидцев событий, свое собственное участие в некоторых из них, письменные документы и др.). Таким образом, историко-мемуарный жанр является переходной формой исторического повествования. Известный русский историк В.О. Ключевский отмечал, что переход от летописи к историографии – «это переход не только от одного способа повествования к другому, от наивного к научному, но и перелом мышления; для этого

Научный руководитель – Д.В. Карев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

необходимо одно мирозерцание заменить другим, а это еще труднее. Переходная форма повествования – записки или мемуары о своем времени, а также переписка. Связь и порядок явлений в них уже не летописные – не просто хронологическая последовательность, но отношение к личному существованию. Автор прямо или скрыто – не только главное действующее лицо повествования, но и судья. Но это еще не историография: господствующий интерес биографический, источник – не изучение, а наблюдение, как у летописца; цель – не внутренняя причинная связь явлений, а их внешняя связь с известной личной жизнью. Мемуарист еще не историограф, но уже исторический мыслитель» [7, с. 152].

Среди остальных историографических памятников XVI – нач. XVII вв. произведения историко-мемуарного жанра выделяются, прежде всего, большой достоверностью в отображении понимания истории конкретным человеком и его мировоззрения. Именно этим обусловлено то почетное место, которое занимают мемуары в жанровой иерархии, и объясняется их популярность среди исследователей и читателей. Так, исследователей прежде всего интересовала информация, содержащаяся в произведениях, независимо от их происхождения, времени и условий возникновения этих памятников. Отдельным произведениям этого жанра II пол. XVII в. посвящены исследования А.Ф. Коршунова («Дневнику» Афанасия Филиповича, Б.К. Маскевича, «Воспоминаниям» Яна Цедровского, Адама Каменского Длужика). Мемуарной литературе XVIII в. посвящена монография А. Мальдиса [9]. Некоторым произведениям историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. посвящена глава в «Истории белорусской дооктябрьской литературы», написанная А.Ф. Коршуновым [4]. Жанровым особенностям произведений историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. посвящены статьи А.И. Фрэйда [11, 12] и А.Ю. Мурнаева [10]. Однако, несмотря на изучение произведений этого жанра в истории историографии и истории литературы, ряд вопросов, касающихся определения жанровых особенностей произведений, истории возникновения и распространения их на территории Беларуси, классификации, остается еще неисследованным. Кроме того произведения историко-мемуарного жанра не рассматривались в качестве самостоятельного явления духовной жизни Беларуси XVI – нач. XVII вв.

На территории Беларуси первые произведения, которые можно отнести к историко-мемуарному жанру, появились в XVI в.. Их возникновение было связано с осознанием общественной значимости индивидуального жизненного опыта и обусловленного этим стремления человека понять сущность современных ему исторических событий и своего места в них. Появление произведений этого жанра связано в некоторой степени с влиянием европейской мемуаристики. Однако каким бы важным ни было влияние европейского опыта на зарождение историко-мемуарной традиции в Беларуси, он мог иметь плодотворные результаты только в той степени, в какой само общественное сознание и культура в целом были подготовленными к ее активному восприятию. Возникновение нового жанра всегда обусловлено качественным скачком в развитии общества и литературы. Так, изменения в исторической жизни народа в эпоху Возрождения и Барокко (Люблинская уния 1569 г., усиление социального напряжения и религиозной конфронтации, Брестская церковная уния 1596 г., гуманистическое и реформационное движения и др.) вызвали изменения в мировоззрении людей, в их духовных потребностях и предпочтениях, во всех отраслях белорусской культуры того времени, обусловили особенности развития историографии и литературы. В XVI в. происходит дальнейшая эволюция историко-документальной прозы и трансформация летописного жанра. На основе более-менее однородных в жанрово-стилистическом отношении общегосударственных белорусско-литовских летописей возникают новые литературно-историографические жанры (хронографы, мемуары, так называемые местные летописи). Усилением личностного начала в литературе, повышением интереса к индивиду-

альной судьбе человека, углублением понимания исторической ценности человеческой жизни вызвано появление различных видов историко-мемуарной прозы – дневников, автобиографических записок, описаний путешествий, своеобразных семейных хроник и т.д. Однако необходимо отметить, что среди произведений историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв., мало памятников, имеющих ярко выраженный автобиографический характер, которым отличаются произведения более позднего времени. А также в них наблюдается определенная социальная дифференциация: шляхта высших сословий стремится к написанию воспоминаний, низших – к ведению дневников. Такая тенденция не является случайной. В ней проявились некоторые разграничения в культурно-бытовом положении различных групп шляхетского сословия XVI – нач. XVII вв. Так, создание воспоминаний требовало высокого уровня интеллектуальной культуры автора, литературных навыков, умения исторически рассуждать, что чаще всего оказывалось свойством более образованной части шляхты. Дневники же – менее сложный и более доступный в практике способ фиксации событий и впечатлений – не требовал ни такого развитого исторического мышления, ни литературного мастерства и поэтому более соответствовал духовным потребностям провинциального шляхтича.

По форме произведения историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. продолжают летописную традицию. Создатели этих произведений сознательно осваивают опыт летописания, используют его каноны и приемы повествовательной манеры, но при этом стремятся наполнить старую летописную форму новым содержанием. Так, почти все произведения этого жанра XVI – нач. XVII вв. строятся по летописному принципу, то есть располагают материал по годам, причем сведения автобиографического характера (о происхождении, предках, прохождении службы, получении должностей и наград, различных путешествиях, женитьбе, детях и т.д.) перемежаются в погодных записях со сведениями национальной и государственной важности (о различных военных походах и войнах, жизни королей и королевского двора, дипломатических миссиях и др.). Показательным в этом отношении является «Дневник» Федора Евлашевского (1564–1604 гг.) [6]. Его автор, Фёдор Евлашевский (7.02.1546 – после 1616 гг.), происходил из мелкопоместной шляхты. Отец Евлашевского, Михаил, был представителем древнего боярского рода, который со временем обеднел, но при формировании шляхетского сословия смог получить нобилитацию и пользовался собственным гербом. Сын его, Федор, путем самообразования получил сравнительно глубокие знания по математике и юриспруденции, благодаря чему пользовался исключительным уважением у современников. В 18 лет он начал самостоятельную жизнь и в скором времени привлек внимание не только местных панов, но и таких известных магнатов, как Н. Радзивилл, Я. Ходкевич, К. Острожский, которые поручали ему вести важные судебные дела в различных инстанциях. Так, включая во внимание его юридические способности и практический опыт, новогрудская шляхта в 1579 г. послала Ф. Евлашевского своим поветовым послом на Варшавский вальный сейм, где ему было поручено принять участие в разработке текста «Трибунала Великого княжества Литовского». Когда же в 1592 г. в новогрудском земском суде освободилось место подсудка, воеводская шляхта выбрала Ф. Евлашевского своим кандидатом, а король Сигизмунд III утвердил его на эту должность, которую он занимал вплоть до 1613 г.

В 1603 г. Ф. Евлашевский начал записывать события собственной и общественной жизни, которые казавшиеся важными его внимания. В результате появились мемуары, исследователи в дальнейшем назвали «Дневником». Эти мемуары носят автобиографический характер, сведения располагаются в хронологической последовательности. Внутри погодных записей часто встречаются ежедневные записки дневникового характера с точным указанием месяца и дня, когда происходило то или иное событие. Например, «Року 1572 месяца лютого осмого дня сполнило се мне леть тридцать и на-

сталь рокъ 31... Въ томъ же року вересня 11 дня былемъ въ Менску... Паздерника 5 выехали зъ дому до Туруня... и былемъ в Туруню 23 того месяца паздерника...» [6, с. 137]. «Року 1579 о трохъ королахъ былемъ у Городномъ, маючи потребы немалые. Въ лютымъ засе 23 дня умерла побожна пани Маковецка Анна зъ Синевиць. Въ маю то-гожь 3 дня въ неделе былемъ при великимъ жалю и фарсунку у пана Ивана Баки у Оста-шине, имену его, где му умерла малжонка Александра княжна Крошинская» [6, с. 141].

Основной единицей мемуарного текста следует считать дискретно-аналитическую запись, которая включает в себя разнородные факты, независимые от их внутренних связей и реального значения в судьбе автора и в ходе исторических событий. Одним объединяющим элементом служит само время, которое течет, как и в летописи, от одной погодной записи к другой. Образ автора скрыт за погодной сеткой повествования, а его частная жизнь предстает как цепочка эпизодов в общем потоке событий. Например, «Въ томъ-же року (1578) по святыхъ въ Новгородку, подъ роками земскими, запаливши се въ ночи отъ стодолы пана Андрея Ивановича, писара короля его милости, згорело домовъ 12. Въ тежь часы умеръ панъ Александръ Ходкевичъ, староста городенский, панъ барзо добрый; погребъ былъ тела его у Супрасли 31 дня августа отправеный. О светомъ Михаиле былемъ при его милости у Городне, маючи великие sprawy передъ судом земскимъ.

Того року 1578, 22 октября побито отъ нашихъ Москвы подъ Кесю о два... и арматы немало побрано...

Року 1579 о трохъ королахъ былемъ у Городномъ, маючи потребы немалые...» [6, с.140–141]. В приведенном отрывке соединены разнородные компоненты в одну такую аналитическую запись:

- касающиеся жизни автора;
- касающиеся местной жизни;
- касающиеся политической жизни страны.

Весь «Дневник» построен по следующему принципу. К политическим событиям Ф. Евлашевский не проявляет особого интереса, поэтому он только бегло отмечает такие важные события государственной жизни ВКЛ, как Люблинская уния 1569 г., польско-русская война 1579–1581 гг., Краковский сейм 1603 г., Брестская церковная уния 1596 г. и т.д. Такое безразличие к описанию важных политических событий, которое не является целью повествования, сам автор объясняет очень просто: «опускаю то яко ведаючи отъ иншихъ выписано» [6, с. 135]. Его больше интересуют события и факты частной жизни и быта современников, которых в «Дневнике» множество, например, описание происшествия с ляховичским мельником Янушем, переправа через Неман, рассказ про убийство Яна, сына Евлашевского и др. С особым вниманием Ф. Евлашевский относится и к жизни представителей шляхетского сословия, с особой тщательностью он записывает, когда и где тот или иной пан родился или женился, как умер, где похоронен, чем выделялся при жизни, когда и при каких обстоятельствах автор с ним познакомился. В этом отношении «Дневник» Евлашевского богат на фактический материал и конкретные имена людей, что помогает понять не только саму эпоху, но ту социальную среду, из которой вышел автор.

Как уже было отмечено, в приемах создания произведений историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. наблюдается много общего с традиционным летописанием. Так, эти произведения складывались, как правило, не в результате одновременного акта написания (как будут писаться позднейшие автобиографические произведения), а регулярно, на протяжении определенного промежутка времени. Ф. Евлашевский писал свои заметки, как это видно из его собственных слов, в конце жизни, а именно, в 1603–1604 гг. При этом автор, несомненно, пользовался краткими заметками, которые составлял в течение всей жизни, так как время упоминаемых им событий он определяет весьма точно, обозначая не только год, но и месяц, число, иногда даже день недели, когда эти события происходили.

Еще одной особенностью произведений историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв., сближающей их с летописанием, является то, что записи хронологически доводились до момента их составления, включали в себя материал, самый приближенный к действительности, продолжались иногда вплоть до последних месяцев жизни автора. Характерное для многих мемуаров XIX – XX вв. чувство исторической дистанции между созданием автобиографического повествования и описываемыми событиями, не было еще развито в произведениях XVI – нач. XVII вв.

Интересным памятником историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв., который занимает промежуточное положение между местным летописанием и мемуарами и соединяет в своей структуре особенности этих двух литературно-историографических жанров, является так называемая Баркулабовская летопись (начало XVII в.) [1]. Среди исследователей до сих пор нет четкого определения жанровой принадлежности этого произведения. Так, некоторые исследователи относили ее к летописной традиции Беларуси, принимая во внимание форму повествования (В. Вольский [3]), другие отмечали своеобразие этого произведения, соединяющего некоторые черты летописания и новых форм развития исторического знания (З.Ю. Копыцкий, В.В. Чепко [8], В.А. Чемерицкий [13], Н.Т. Войтович [2]); наконец, третьи относят это произведение к историко-мемуарному жанру (А.Ф. Коршунов [4], М.К. Добрынин [5]). Так, по внешним, формальным признакам Баркулабовская летопись, как и «Дневник» Ф. Евлашевского, придерживается летописных традиций, в соответствии с которыми события и факты располагаются в хронологической последовательности, каждая запись соотносится с определенным годом. Однако этому произведению не присуща та монолитность текста и стиля, которая отличала белорусско-литовское летописание. Если внимательно присмотреться к содержательной стороне летописи, к описываемым историческим событиям и фактам, то можно заметить, что она, скорее, напоминает «домашние записки, чем погодные записи государственного характера» [5, с. 271]. В отличие от летописца, автор Баркулабовской летописи «смотрит на мир глазами не государственного летописца, а обычного жителя, который сам хочет хорошо жить и желает, чтоб и другие тоже жили хорошо. Вопросы государства, его борьбы за независимость мало интересуют автора, хотя он и находится в центре происходящих событий» [5, с. 272]. Соглашаясь с такой точкой зрения, Баркулабовскую летопись можно отнести к историко-мемуарному жанру, а говорить о ней как о местной летописи можно только условно [4, с. 262].

В летописи описываются события конца XVI – нач. XVII вв. на территории Могилевщины – в селе и замке Баркулабове, Быхове, Могилеве и других местах Беларуси. Начальные записи – об основании замка в Могилеве в 1526 г. и заселении города пришлыми людьми, а также об основании замка и села Баркулабово в 1564 г. – носят, несомненно, вводный характер. Именно этими сведениями и начинается летопись. Сообщением же о появлении самозванца Дмитрия Ивановича и походе его войск на Москву летопись заканчивается или обрывается, так как запись под 1608 г. производит впечатление незаконченного текста. Затем помещена заметка под 1635 г. о взятии королем Владиславом Смоленска, вероятно, являющаяся позднейшей припиской, так как приведенные сведения органически не связаны с остальным текстом. Обращает на себя внимание характер повествовательной манеры этого произведения. Оно написано в традиционной для летописи форме погодных записей, которые, однако, не всегда отличаются строгим соответствием исторической хронологии. Записи до 1585 г. преимущественно краткие, написаны сухо и сжато, в них часто нарушается хронологическая последовательность событий. Например, автор дважды под разными датами записывает одно и то же событие: под 1587 г. и под 1588 г. – избрание польским королем шведского королевича Сигизмунда III Вазу [1, с. 177]; под 1586 г. и под 1588 г. – смерть польского короля Стефана Батория [1, с. 177]. События внешние по отношению к жизни села Баркулабово – войны, коронация королей, назначение епископов и другие события политической жизни страны – излагаются непоследовательно, нередко хро-

нологически неверно. Например, взятие Пскова относится к 1580 г. вместо 1581 [1, с. 175], смерть полоцкого епископа Варсанофия записана под 1570 г. вместо 1576 г. [1, с. 175], сообщается, что царь Иван убил сына Федора вместо Иоанна [1, с. 176], Борис Годунов дважды назван неверно Стефаном [1, с. 176, 187] и др. Большой точностью отличаются только сведения из жизни баркулабовской шляхты. С 1586 г. появляются короткие заметки, носящие местный, бытовой характер. Появляются сведения о погодных явлениях, о сельскохозяйственных работах (под 1588, 1592, 1596, 1600, 1601 гг.) к концу летописи они становятся все более подробными. После 1594–1596 гг. сообщения отличаются большей последовательностью, расширенным содержанием, детальностью, под одним годом помещается сразу несколько сообщений. В этих записях мы встречаем подробный материал про казацкие походы, о судьбе казацких атаманов [1, с. 182]. Обращает на себя внимание и тот факт, что в летопись включено много сведений о жизни князя Богдана Соломерецкого и его семьи (около 14 заметок). Вероятно, что именно по его поручению и начала составляться летопись, в которую были включены сведения семейной хроники князя, а также, возможно, и некоторые материалы из семейного архива. Так, в текст летописи вставлено несколько документов: Лист от послов великого князя московского [1, с. 176], Лист короля Сигизмунда III [1, с. 179], Универсал рокоша 1606 г. [1, с. 185]. Таким образом, Баркулабовская летопись включает в себя материал, взятый из самых разнообразных источников. В одном случае – это собственные наблюдения автора, в другом – письма, рассказы и воспоминания очевидцев событий, в третьем – официальные частные и государственные документы и, наконец, народные предания и легенды.

Из важных общественно-политических событий автор более полно описывает Варшавский вальный сейм 1587 г., Брестский церковный собор 1596 г., Сандомирский шляхетский рокош 1606 г. Меняется характер изложения, когда автор рассказывает о развернувшейся борьбе против церковной унии в конце XVI в., летописец явно выступает против нее. При всем разнообразии сюжетов, сведений, внешне не связанных друг с другом, Баркулабовская летопись все же имеет единый замысел – осудить церковную унию. Для аргументации этого автор описывает бедственное положение народа. Баркулабовская летопись, с точки зрения методологии и методики, является уникальным произведением; антиуниатская концепция придает ей идейную направленность и структурную целостность, определяет своеобразную форму аргументации. Летописная форма приобрела в этом произведении новую функцию – средства создания единого по замыслу труда, в котором унию осуждает прошлое, настоящее, сверхъестественные силы и сама жизнь [8, с. 14].

Таким образом, на основе вышеизложенного материала мы делаем следующие выводы:

- в XVI – начале XVII вв. наблюдается переход от летописного способа отражения действительности к связно-целостному мемуарному повествованию и выделению на первый план личности автора с его индивидуальной биографией и духовным миром;
- в произведениях историко-мемуарной литературы XVI – нач. XVII вв. отражается определенный склад мышления человека переходной эпохи, который не в полной мере порвал связь со средневековым мировоззрением, он еще ощущает себя растворенным в историческом потоке событий, но им уже движет дух новаторства, стремление выйти за границы безличия летописи, проявить себя и свою жизнь, выразить свои взгляды;
- основной задачей произведений историко-мемуарного жанра является воссоздание событий, свидетелем или участником которых был автор, поэтому основной их особенностью становится субъективно-объективная точка зрения автора произведения, который становится единственным авторитетом, судьей описываемых событий;

- поскольку автор стремится к полной достоверности описываемых событий, основными законами жанра историко-мемуарной прозы становится достоверность и субъективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баркулабовская летопись // ПСРЛ. – Т. 32 : Хроники : Литовская и Жомойтская, и Быховца. Летописи : Баркулабовская, Аверки и Панцырного ; сост., ред. и автор предисл. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1975. – С. 174–192.
2. Вайтовіч, Н. Т. Баркулабаўскі летапіс / Н. Т. Вайтовіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 205 с.
3. Вольскі, В. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры эпохі феадалізму / В. Вольскі. – Мінск : Педагагічнае выдаўніцтва Міністэрства асветы БССР, 1958. – 162 с.
4. Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры : у 2 т. / рэд.-кал.: В. В. Барысенак [і інш.] ; АН БССР, Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – Т. 1 : 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. – 448 с.
5. Дабрынін, М. К. Беларуская літаратура. Старажытны перыяд / М. К. Дабрынін. – Мінск : Дзяржаўнае выдаўніцтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1952. – 305 с.
6. Дневникъ новгородскаго подсудка Федора Евлашевскаго // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. – Киев, 1886. – Т. XIV январь. – С. 124–160.
7. Ключевский, В. О. Сочинения в 9 т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1989. – Т. 7 : Специальные курсы. – 508 с.
8. Копыцкий, З. Ю. Историография БССР. Эпоха феодализма : учеб. пособие / З. Ю. Копыцкий, В. В. Чепко. – Минск : Университетское, 1986. – 172 с.
9. Мальдзіс, А. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: Нарысы быту і звычаяў / А. Мальдзіс. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1982. – 255 с.
10. Мурнаев, А. Ю. О проблеме терминологического определения жанра мемуарной литературы / А. Ю. Мурнаев // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Вопросы теоретической и исторической поэтики. – Гродно, 1998. – Ч. 2. – С. 144–149.
11. Фрэйд, А. І. Фарміраванне мемуарнага жанру ў беларускай літаратуры XVI – перш. пал. XVII стагоддзяў у святле летапіснай традыцыі / А. І. Фрэйд // Вестні Нацыянальнай акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 1999. – № 3. – С. 112–118.
12. Фрэйд, А. І. Дакладнасць як асноўная уласцівасць жанру мемуарнай літаратуры / А. І. Фрэйд // Вестні Нацыянальнай акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 1996. – № 1. – С. 86–90.
13. Чамярыцкі, В. А. Сведкі нашай мінуўшчыны / В. А. Чамярыцкі // Беларускія летапісы і хронікі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 3–22.

Bidnaya H.A. The memoirs as a source of the development of the historical thought in Belarus in the XVIth - big. XVIIth centuries (on the basis of F. Evlashovskij's "Dnevnik" and Barkulabovskaja annal)

The article is devoted to the analysis of stylistic and genre peculiarities of the memoirs. The genre of the memoirs appeared on the territory of Belarus in the XVIth century and was connected with traditions and canons of the annals. The main task of the memoirs was creating the events, the author participated or heard. So, the major characteristic of the memoirs is subjective-objective author's point of view, whose aim is also to certify the described events. And the main laws of that genre are the authenticity law and the subjectivity law.

УДК 32

Н.В. Скок

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются основные типологии политической культуры, сложившиеся в современной политической науке. Все многообразие классификаций автор сводит к двум основным подходам, образующим более общие основания, указывающие на универсальные черты разнообразных стилей политического сознания и поведения людей. Первый подход исходит из признания роли внешнего окружения политической культуры, прежде всего, характера функционирования и типа политической системы; второй – из значимости внутренних ее составляющих, таких, как политические позиции, ориентации, ценности.

Политическая культура представляет собой комплекс определенных элементов и феноменов общественного сознания, которые в значительной мере влияют на формирование, функционирование и совершенствование политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом, политической деятельности и поведению широких масс населения. Понятие “политическая культура” вошло в систему категорий социальных и политических наук в 1950-х годах. И в этот же период перед исследователями возникает задача упорядочивания, или организации теоретического и эмпирического материала о политических культурах. Стремление проникнуть в суть конкретной политической культуры, соотнести и обобщить, систематизировать ее частные характеристики, выявить качественную определенность данной культуры как системы ставит исследователя перед проблемой ее типологической идентификации.

В целом, под типологизацией понимается метод поиска устойчивых сочетаний признаков изучаемых объектов, позволяющий распределить их по относительно однородным группам [10, с. 167]. Корректное использование типологического метода имеет немаловажное познавательное значение. Он позволяет сгруппировать конкретные политические культуры в определенные типы с учетом наиболее существенных признаков. Знание основных типологических признаков помогает обнаружить в национально-специфических особенностях политической культуры наиболее существенные, коренные, устойчивые черты и свойства, которые дают основания отнести ее к определенному социально-историческому типу.

Наконец, типология политической культуры может и должна быть использована для сопоставительного анализа и оценок действительной роли политической культуры в жизни общества. Это имеет принципиальное значение для изучения политической динамики, учитывая огромное воздействие на политическую сферу общественной жизни.

Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении и обобщении ведущих – как специализированных, так и общих – типологий политической культуры, представленных в современной отечественной и западной политической науке.

Существует несколько основных теоретико-методологических подходов к типологизации политических культур. Первый подход, обозначим его как “системный”, берет за основу классификации отличия в роли и месте политической культуры в связи с характером власти, властных отношений, политического устройства общества и его политической системы.

Данный подход представлен марксистской школой политической социологии. Одну из самых известных типологий предложил польский социолог Ежи Вятр. Взяв за основу связь политических культур с политическими системами и лежащими в их ос-

нове общественно-политическими формациями, он выделил в качестве основных три разновидности – “традиционную”, “буржуазно-демократическую” и “политическую культуру социалистической демократии”, которые дополняются второстепенными: “политической культурой сословной демократии”, “автократической” и “реликтовой автократической”. При этом буржуазно-демократическая культура выступает в виде или консервативно-либеральной, или либерально-демократической: первая признает в качестве главных ценностей гражданские права и свободы, но в то же время отрицает общественно-реформаторский аспект политической культуры, тогда как для второй характерны социальные реформы, осуществляемые государством.

Авторитарная политическая культура, по Е. Вятру, признает в качестве идеала сильную власть, включающую развитые демократические права и свободы граждан, однако не ориентирует людей на активное участие в политической жизни, нацеливая их на послушное поведение. Тоталитарная политическая культура объединяет культ лидера, сильной власти с активным привлечением граждан к участию в политической жизни в соответствии с принципами, установленными лидером. В этих условиях внешняя политическая активность граждан не означает демократической свободы выражения своих мнений, плюралистической выработки политических решений.

В период радикальных политических преобразований начала 90-х годов XX века советское обществознание, отказываясь от своего “социалистического прошлого”, наиболее активно обсуждало вопросы, связанные с переходом от авторитарной к демократической модели развития. Необходимым условием, определявшим осуществление этого перехода, стал соответствующий тип политико-культурных переменных. Востребованной оказалась типология, предложенная М.Х. Фарукшиным и А.Н. Юртаевым, выделившими два основных типа политической культуры: *тоталитарный и плюралистический* [11, с. 149–150].

Тоталитарный тип политической культуры основывается на идеях о принципиальной одномерности социальной, экономической и духовной жизни общества и о его тяготении к стиранию всякого разнообразия. Эти идеи определяли в СССР практические установки на недопущение открытого проявления специфических целей и интересов различных социальных групп, на вытеснение из политической жизни возможности выбора, любой альтернативности: один “исторический выбор”, один тип собственности, одна партия, один кандидат на одно место и т.д.

Тоталитарные структуры целенаправленно формируют жестко одномерные: политическую социализацию, массовое сознание, тип личности, воспринимающий внешний мир только в черно-белом свете. Массовому сознанию, в свою очередь, навязываются простейшие парные стереотипы (“наши – не наши”, “кто не с нами – тот против нас”, “что плохо для противника, то хорошо для нас” и т.д.).

Своеобразная двоичность тоталитарного сознания подкрепляется культивированием “образа врага”, наделенного чертами абсолютного зла и лишеного всех человеческих черт.

Важной особенностью тоталитарной политической культуры являются всякого рода культы, особенно – культ борьбы. Отсюда – ориентация на конфронтацию, на решение сложных проблем с позиции силового давления и воспитание таких качеств, как нетерпимость к малейшему инакомыслию и непримиримость. И наоборот, стремление к компромиссу и консенсусу, к учету позиций и интересов каждой из взаимодействующих сторон рассматривается в рамках анализируемого типа культуры как признак слабости.

В тоталитарной политической культуре этатистские тенденции с их культом власти и сакрализацией людей достигают гигантских размеров. Закрепляются патернализм, безусловный примат державного начала над всеми другими, государства – над чело-

веком и принцип беспрекословного подчинения последнего так называемым “высшим интересам”. Стираются границы между политической и неполитической сферами.

Плюралистическому типу политической культуры внутренне присущи демократические ценности и идеалы. Она может нормально развиваться, функционировать и стать доминирующей только при наличии следующих базовых условий:

1. Плюрализм экономической и социальной жизни. Только существование различных видов собственности, прежде всего частной, разных форм хозяйствования и самостоятельных субъектов экономической жизнедеятельности порождает политический плюрализм.

2. Приоритетная роль гражданского общества, которое формирует политические институты, передает государству столько полномочий, сколько считает нужным.

3. Определенный консенсус между основными группами и представляющими их политическими партиями и движениями относительно главных ценностей, идеалов и целей общественного развития.

4. Юридически и фактически обеспеченная суверенность личности.

Качества этой культуры конкретно проявляются в общенациональном согласии относительно принципов организации и функционирования политической системы и ее ядра – государственной власти, относительно целей и норм политической деятельности. При этом в обществе наличествует поле убежденности в том, что все необходимые и желательные перемены могут быть интегрированы в существующую политическую систему.

Отличительными чертами плюралистической культуры являются наличие прочных установок на демократические принципы и нормы жизни, сформировавшиеся практические демократические навыки и традиции. Этот тип культуры включает в себя признание необходимости и неизбежности плюрализма взглядов, толерантность к инакомыслию и инакомыслящим.

Общественным мнением признается неизбежность социальных конфликтов как следствие асимметрии целей, материальных и духовных интересов и потребностей различных социальных групп. Однако доминирует установка на то, что демократические цели достигаются только демократическими средствами, механизмами и процедурами. Такая установка способствует значительному снижению уровня политического насилия и преобладанию гражданских процедур в улаживании конфликтов. В результате укрепляется доверие в политических взаимоотношениях между различными социальными группами, вырабатывается стиль политического сотрудничества классов, групп, слоев общества.

Неотъемлемыми чертами плюралистической культуры являются высокое место демократии в иерархической структуре ценностей, наличие прочных установок на демократические принципы и нормы жизни, формирование демократических традиций. Этот тип культуры включает в себя признание необходимости и неизбежности плюрализма, толерантность к инакомыслию и инакомыслящим.

Западная политическая наука также вывела критерии, которые обосновывают существование зависимости между политической системой и соответствующей ей политической культурой. Д. Каванах в работе “Политическая наука и политическое поведение” выделяет четыре известных в западной науке типа:

а) *гомогенная политическая культура, присущая англо-американской системе*, – граждане разделяют общие ценности, либо им удается соединить ценности, они проявляют терпимость в отношении иных взглядов. Рольевые структуры, такие, как партии, группы давления и средства коммуникации, дифференцированы и относительно автономны; индивиды принадлежат к множеству различных, частично совпадающих групп;

б) *фрагментированная культура континентальной Европы* – политические культуры расколота на соперничающие субкультуры, укоренившиеся в различные институты, групповые лояльности усиливаются или существуют параллельно друг другу;

в) *смешанная политическая культура* – общий недостаток понимания, осознания режима и его норм, что обнаруживается в доиндустриальных обществах;

г) *искусственная гомогенная политическая культура* – апатия соединена с общей недостаточной приверженностью к нормам режима; характерна для тоталитарных систем [6, с. 72].

В пределах стран так называемой “западной демократии” политическая культура классифицируется, в зависимости от характера, *на системы, основанные на консенсусе* (Великобритания); *системы, интегрированные механически*, внутреннее сцепление которых обеспечивается исключительно принципом разделения политической ответственности (США); *общинные системы*, основанные на отношениях солидарности между обособленными группами [7, с. 38–39].

Достаточно интересна классификация политической культуры, которая учитывает влияние государства и рынка как двух универсальных феноменов. В результате можно получить множественные модификации двух основных типов политической культуры: *этатистской* (с главенствующей ролью государственных институтов в организации политической жизни и определении условий участия в ней индивидов) и *рыночной* (где политика понимается как разновидность бизнеса и рассматривается в качестве акта свободного обмена деятельностью граждан).

Этатистская культура обуславливает течение и развитие политических процессов в условиях жесткого государственного регулирования, когда интересы государства, класса или одной партии ставятся выше интересов других групп и организаций, а конкурентная борьба и социальные конфликты в случае необходимости могут быть упорядочены силовыми методами.

Рыночная культура представляет собой такой тип культуры, который ориентирован на подход к политическим явлениям и процессам как к актам свободного, плюралистического обмена продуктами политической деятельности, как к средствам, реализующим, по словам М. Дюверже, “интеграцию всех граждан в общество и создание справедливого государства”. Это – культура, где конкурентная борьба понимается как универсальный принцип функционирования и развития общества, как условие развития оснований политического бытия необходимых для самосовершенствования индивидов и на ограничение бюрократизма в политике.

Д. Элазар, исходя из данных критериев, разработал типологию американской политической культуры. Последняя, по его представлению, уходит корнями в две контрастирующие концепции американского политического порядка. В одном случае политический порядок рассматривается как рынок, во втором случае политический порядок выступает как содружество.

Вырастая из взаимодействия “рынка” и “содружества”, американская политическая культура представляет собой синтез трех основных типов политических культур. Для *индивидуалистической политической культуры* характерно отчетливое звучание мотивов рыночной ориентации. Политика есть “бизнес”, который, подобно всякому другому бизнесу, ведет соревнование за таланты и вознаграждает тех, кто связывает свою карьеру с политикой.

Вторая модель – *моралистическая политическая культура* – воплощение модели “содружества”: политика есть одна из основных форм деятельности человека в поисках хорошего общества, общественная служба во имя достижения общественного интереса, а государство – “позитивный инструмент”, в обязанности которого входит способствовать “всеобщему благу”.

Третий тип – *традиционалистская политическая культура*. Идеал этой культуры – иерархическое общество, где власть находится в руках узкой элитарной группы, связанной тесными узами на протяжении многих поколений [2, с. 55–57].

Все три типа политической культуры распространены на территории всей страны, хотя каждая из них привязана – генетически и функционально – к определенным регионам.

В научной литературе встречается разделение на традиционную (соответствующую аграрному этапу развития общества), модернистскую (развивающую свои традиции и ценности на основе индустриального способа производства) и постмодернистскую (формирующую нормы, исходя из доминирования постматериальных ценностей, качественного повышения политической роли электронных СМИ, новейших информационных технологий властвования) разновидности политических культур.

Специфика социально-политической культуры традиционного общества состоит в том, что существование ее не непосредственно, а опосредованно. Это значит, что собственно политической сферы жизнедеятельности общества еще нет. Политика не отделена от экономики, социальных отношений, духовной жизни, что делает ее отличной от политики современной, также и политическая культура оказывается вплетенной в культуру экономическую, художественную, религиозную и т.п. и не выступает как самостоятельный вид культуры, но лишь в связи и связанности с другими ее видами. Социальная определенность индивидов, социальных групп в добуржуазных обществах тождественна их политической определенности, то есть они выступают как единая социально-политическая определенность.

Модернистская политическая культура является следствием промышленной революции, следствием увеличения социальной мобильности населения, которые приводят к изменению всей социально-политической сферы: она превращается в социальную сферу и политическую сферу. Политическая определенность индивида и социальной группы становится не автоматической и предопределенной, а делом свободного выбора того или иного субъекта. Политические смыслы политическим субъектам уже не задаются от рождения, а устанавливаются в соответствии с их политической деятельностью. Кроме того, эти политические смыслы не обязательно квалифицируются с точки зрения юридических норм.

Одновременно с классовым структурированием и освобождением социальных связей от политических происходит личное освобождение индивида от заданных связей. Это приводит к возможности свободного индивидуального выбора жизненного пути. Появляется современный индивид и индивидуализм. Освобождение человека от сословных, общинных, корпоративных уз приводит его и к потере защищенности, которую давала индивиду принадлежность к традиционным общностям. Индивид и социальные группы начинают поиск новых связей и на новой основе.

Новая идентичность и новые социальные связи первоначально сосуществуют со старыми. Отсюда сложность определения детерминант в политической и социальной активности. Р. Арон писал: “Постепенно исчезает уважение к традиционным социальным иерархиям. Распространяются так называемые рационалистические и материалистические мировоззрения. Привилегированные группы из прошлого, которые современная пропаганда окрестила феодальными, то есть традиционная аристократия, теряет власть и авторитет” [5, с. 275].

Классовая принадлежность стала основным социальным статусом. Именно классовому осмыслению действительности в капиталистическом обществе принадлежит основная роль в политической культуре. Поэтому основная характеристика политической культуры этой стадии развития общества – классовость.

Кратко суммируя основные черты этого типа политической культуры, можно отметить: классовость политической идеологии и политической активности; партии как основной организационный механизм борьбы за власть и выражения классовой позиции в политике; выборность политической власти; принципиальное ориентирование на право как основной регулирующий механизм; равноправие как принцип действия правовой и политической системы.

Политическая культура Постмодерна. Во второй половине XX в. в развитых индустриальных странах происходят серьезные изменения: усложнение производства, углубление профессионализации, изменение идентификаций и самоидентификаций социальных групп, изменение гендерных ролей, общественной инфраструктуры. Происходят изменения в ценностных ориентациях жителей развитых индустриальных стран. Сущность этих изменений – переход от материализма (приоритет физических средств существования и безопасности в системе ценностей) к постматериализму (большой акцент на проблеме самореализации, самовыражения, качества жизни).

Плюрализация ценностных ориентаций, гетерогенность культурного мира на уровне общества, социальной группы и индивида порождает смещение политического осмысления и придания ему принципиально разнородного характера. Ценностно-ориентационные сдвиги, наблюдаемые в последние десятилетия, не единомоменты, а постоянны, что говорит о существовании тенденции в политико-культурных изменениях современного постиндустриального общества.

Ценности, присущие современной постиндустриальной политической культуре, изучает Рональд Инглхарт. Согласно его концепции, сдвиг к ценностям Постмодерна происходил и в социалистических странах, а реформирование в 1990-х гг. некоторых из них, и особенно стран бывшего СССР, в определенном смысле способствовало отказу от ценностей Постмодерна и восприятию модернистских условий, когда все ценности и цели диктуются необходимостью выживания, т.е. по мере деградирования экономики люди возвращались к традиционным целям, культурным ориентациям и укладам, вопреки политическим изменениям.

С учетом большой роли политических институтов в воспроизводстве образцов мышления и поведения различают также официальную (поддерживаемую государством) и реальную (воплощающую ценности и соответствующие им формы практического поведения значительной части населения) культуры. Так, в ряде стран Центральной и Восточной Европы, где идеи социализма внедрялись под давлением государства, при первых же демократических преобразованиях (“бархатных революциях”) официальные приверженности сразу уступили место действительным ценностным ориентирам граждан.

Итак, в рамках данного подхода особый интерес представляют многообразные зависимости, существующие между политической системой, типом утвердившегося в ней политического режима, ее центральными институтами (прежде всего государством) и политической культурой определенных стран.

Второй подход – “структурный” – акцентирует внимание на различиях в характере и степени участия людей в политике, в связи с их политическими ориентациями и установками, а также политическим устройством общества. Сюда можно отнести классическую классификацию, созданную основоположниками теории политической культуры – Г. Алмондом и С. Вербой. Американские политологи выделяют три основных типа политической культуры: “приходскую”, культуру подчинения и культуру участия.

“Приходская” политическая культура характеризуется полным отрывом населения от политической системы и отсутствием знаний о ней. Люди мало восприимчивы к глобальной политической культуре, к национальной целостности. В таких обществах отсутствуют специализированные политические роли, основные акторы (вожди, шаманы и др.) реализуют одновременно и политические, и экономические, и религиозные

функции. Кроме того, не дифференцируются политические, экономические и религиозные ориентации населения. Преобладает территориальная и социально-культурная идентификация: человек идентифицирует себя, в первую очередь, как часть локального сообщества, т.е. люди оставляют без внимания национальное государство и обращаются, прежде всего, в сторону более ограниченной политической подсистемы (деревня, клан, племя). Эта черта отличает многие молодые государства, которые объединяют разнородные общности. В этом случае общенациональная политическая культура зачастую представляет собой наслоение местных политических культур – субкультур.

“Подданническая” политическая культура: люди знают, что есть политическая система, являются политически сознательными, но остаются политически пассивными. Они считают себя как бы вне и выше политической системы. Они ждут от нее благ (услуг, пособий и т.д.), боятся с ее стороны чрезмерных налогов или диктата и при этом даже не мыслят принимать участие в ее действиях, т.е. у людей преобладает своего рода потребительско-патерналистское отношение к политической системе. Такой тип политической культуры можно встретить в обществах, где отсутствует четкое выделение входных каналов политической системы, а индивиды не рассматривают себя в качестве политических акторов.

Зато в культуре участия или партисипаторной политической культуре “подданные” становятся подлинными “участниками”, настоящими гражданами. Они хотят воздействовать на политическую систему, направлять или поправлять ее действия различными способами: выборами, демонстрациями, петициями и т.д. Активное участие индивидов в политической жизни основано на достаточно высокой политической грамотности граждан и их убежденности в способности повлиять на процесс принятия политических решений посредством собственного участия. Такие общества характеризуются относительно высокой степенью функциональной дифференциации: различные сферы общественной жизни относительно автономны, а подсистемы достаточно развиты и разветвлены.

Понимая, что в “чистом виде” эти модели в реальной жизни встречаются достаточно редко, Г. Алмонд и С. Верба вычленили три типа смешанных политических культур на основе предложенной выше методологии: *провинциалистско-подданническую, подданническо-партисипаторную и провинциалистско-партисипаторную*.

Специфика *первого смешанного типа* состоит в том, что “значительная часть населения отвергает исключительные притязания диффузной племенной, деревенской или феодальной власти и проявляет лояльность в отношении более сложной политической системы со специализированными центральными правительственными структурами”. Это тип культуры, характерный для перехода к единому централизованному государству.

Особенности *подданническо-партисипаторного типа культуры* заключается в том, что при нем у значительной части общества появляется “специализированная ориентация” по отношению к политической системе и ее элементам, равно как и “активистские самоориентации”. Но при этом существенная часть населения продолжает ориентироваться на авторитарную правительственную структуру и придерживается пассивной системы самоориентаций.

Провинциалистско-партисипаторная политическая культура характерна для многих развивающихся стран. Политическая система в большинстве из них характеризуется провинциалистской фрагментарностью, и проблема состоит в том, чтобы обеспечить активное участие граждан в политической жизни.

Особый смешанный тип политической культуры составляет так называемая “гражданская культура”, которая наиболее характерна для США, в какой-то степени для Великобритании.

По мнению Г. Алмонда, одного из авторов концепции “гражданской культуры” (наряду с С. Вербой), гражданская культура отличается “равновесием несоединимых составляющих”: умеренным политическим участием, внушающим сдержанность политическим вождям и правительственным чиновникам; политической вовлеченностью, не являющейся ни вполне прагматичной, ни чисто эмоциональной; формой включенности в политический процесс, которая, будучи динамичной, подчиняется общепризнанным нормам гражданского единства” [8, с. 127].

Авторы концепции гражданской культуры утверждают, что она опирается на античную традицию “смешанного правления”, представителями которой являлись Аристотель, Полибий, Цицерон. Этот тип культуры предполагает, во-первых, наличие трех фрагментов политической культуры в обществе (патриархальной, подданнической и партисипаторной); во-вторых, наличие качеств подданных и патриархов даже у активных участников. Г. Алмонд и С. Верба подчеркивали, что патриархальные и подданнические ориентации уравнивают активность и политическое участие индивида, обеспечивая тем самым устойчивость и стабильность демократии.

Это культура, в которой в основном существует консенсус относительно легитимности политических институтов, направления и содержания общественной политики, широко распространены терпимость в отношении плюрализма интересов и убеждение в их примиримости, а также чувство компетентности и взаимной веры в граждан. В рамках гражданской политической культуры многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль подданных. Роль участника просто добавляется к таким двум ролям. Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов гражданина, причем, как правило, не очень важную их часть [1, с. 122–134].

Рассматриваемая типология интересна и полезна тем, что показывает, как в историческом развитии меняются ориентации субъекта в отношении политических институтов и их политическая активность. Однако очевидны и недостатки: модель гражданской культуры рассматривается не только как присущая в той или иной степени демократическим системам, но и как эталонная. Кроме того, в этой типологии практически обойдены вопросы о политическом поведении индивидов и групп, о специфике функционирования политических систем.

В середине 1990-х гг. голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс пытались усовершенствовать типологию политических культур Г. Алмонда и С. Вербы, дополнив ее новыми типами: “гражданская партисипаторная культура”, “клиентелистская культура”, “протестная культура”, “автономная культура” и “культура наблюдателей”. Эти типы политической культуры также необходимо рассматривать как идеальные типы, отражающие основные характеристики субкультур, представленных в рамках национальных культур.

Исходя в целом из заданной Г. Алмондом и С. Вербой схемы операционализации понятия “политическая культура”, Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс предложили совокупность индикаторов измерения этого явления. В качестве индикатора ориентации в отношении политической системы в целом (про- или антисистемной) они рассматривали степень интереса индивидов к политике. Так, в качестве индикатора ориентации относительно “выхода” системы использовался уровень доверия к государственным институтам и управленческому аппарату. Индикатором ориентации относительно собственной политической компетентности выступала оценка возможности личного участия в политической жизни и воздействия на политику. Каждый из выделенных типов политических культур описывался особым сочетанием значений данных индикаторов.

Все виды политических культур, согласно взглядам Ф. Хьюнкса и Ф. Хикспурса, делятся на две группы: активные и пассивные. Такое разделение проведено в соответ-

ствии со значениями уровня ориентации индивидов на самих себя как субъектов политического процесса, измеряемого в рамках социологического исследования посредством вопроса о готовности принять участие в различных политических акциях, в том числе и протестных, и о реальном участии в таких акциях.

Уровень интереса к политике и политического доверия использовался для выявления различных типов внутри этих двух больших групп политических культур. Обосновывая расширенную типологию, авторы указывали на существование различных типов политических культур внутри западного общества, а также отмечали необходимость пересмотра “классической” типологии Г. Алмонда и С. Вербы в связи с произошедшими за последние тридцать лет изменениями.

Рассмотрим отличия выделенных групп и типов. Для пассивных политических культур в целом характерна политическая апатия, граждане не считают, что могут оказывать влияние на политику и не желают участвовать в политических акциях. Активным культурам свойственен активизм как ориентация на прямое действие, позволяющее достичь определенных позитивных политических или общественных результатов. Люди убеждены в своей возможности влиять на политические решения и высказывают намерения участвовать в политических акциях.

Таким образом, Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс, вслед за Г. Алмондом и С. Вербой, предприняли попытку описания национальных политических культур и их динамики с помощью выявления совокупности субкультур (идеальных типов политических культур), характерной для той или иной страны. Результаты расчетов, проведенных по данным опросов 1990–1991 гг., свидетельствовали, что в современных западных обществах наиболее распространены субкультуры из группы “активных политических культур”.

Анализ динамики особенностей национальных субкультур за три десятилетия (конец 1950-х – начало 60-х гг. – начало 90-х гг.) позволил сделать следующие выводы. “Гражданская” культура, для которой характерны относительно высокий уровень доверия населения к представителям власти, относительно высокий интерес к политике, осталась важным типом политической субкультуры в Великобритании и США, а также широко распространилась и в Германии. В англосаксонских странах, по сравнению с 1960-ми гг., стала менее распространенной “гражданская партисипаторная” субкультура, для которой характерно отсутствие доверия к государственным служащим в сочетании с высоким уровнем интереса к политике.

В западных странах появилась и сохраняется “автономная культура”, для которой характерно отсутствие доверия властям при невысоком интересе к политике. Наряду с этим, в обществах постепенно исчезают пассивные типы политической субкультуры (патриархальная и подданническая).

Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс показали, что распространенность отдельных субкультур среди различных социальных групп неодинакова и зависит от социально-демографических и социально-статусных характеристик. В частности, гражданская субкультура имеет достаточно широкое распространение только среди высокостатусных категорий населения, автономная и партисипаторная субкультуры также широко представлены среди представителей высших социальных групп, а также лиц с высшим образованием и мужчин; клиентелистская, патриархальная и подданническая в наибольшей степени распространены среди представителей низкостатусных групп [4, с. 119–123].

В настоящее время достаточно распространенной является типология, основанная на дополнительном критерии – наличие или отсутствие консенсуса. Автором данной классификации также является Г. Алмонд, который выделил два “полярных” типа политической культуры – поляризованный и консенсусный типы (большинство национальных культур можно расположить на оси от поляризованного к консенсусному типу).

Консенсусные политические культуры характеризуются значительной степенью сплоченности граждан вокруг ведущих ценностей, целей государства и общества. Поэтому здесь, как правило, высока и лояльность граждан к правящим кругам, политическим ориентациям режима. Консенсусная политическая культура базируется на согласии большинства. В ней преобладают центристские, умеренные ориентации (примерно 55%), лишь около 10% граждан занимают радикальные позиции.

В поляризованной политической культуре преобладают крайние право- и лево-радикальные ориентации. К центру относятся только 25% населения, в то время как к крайним – 45%. Нет согласия большинства по поводу приоритетных ценностей развития, сложившиеся в обществе субкультуры отличаются очевидным несовпадением базовых ценностей и ориентиров политической деятельности населения (расколом горизонтального расположенных субкультур), элиты и электората (разрывом вертикальных субкультур). В странах с многосоставной политической культурой обычно отсутствует согласие между группами граждан относительно целей общественного развития, методов реформирования, моделей будущего.

Поскольку степени взаимонепонимания различаются в зависимости от страны, в рамках поляризованной культуры выделяются и особые подтипы. Например, в сегментированных (разделенных) культурах все-таки существует определенный консенсус относительно самых основных – национальных – ценностей. Вместе с тем, здесь местная лояльность нередко преобладает над национальной, слаба действенность правовых, легитимных процедур. Распространено весьма сильное недоверие социальных групп друг к другу, а приходящие к власти правительства нестабильны и недолговечны. Сегментированные политические культуры характерны для переходных обществ или тех государств, где идет процесс нациообразования на базе основного этноса. Такому подтипу культуры присущи солидная доля апатичных и отчужденных от власти групп населения, острые политические дискуссии о целях и способах общественных преобразований.

В настоящее время использование данного критерия (наличие или отсутствие консенсуса) является достаточно распространенным и дает неплохие результаты.

В целом модели политической культуры, разрабатываемые западными политологами, являются достаточно интересными и удобными для соответствующих политологических и социологических исследований. Вместе с тем они имеют и узкие места:

1) авторы рассматриваемой типологии выдвигают в качестве эталонной политическую культуру лишь двух стран – США и Великобритании. Получается, что политические культуры остальных государств как бы “менее развитые”;

2) критерии, по которым определяется количество носителей различных видов политических культур, весьма расплывчаты;

3) типология не учитывает, что в определенные исторические периоды развития политическая активность различных общественных групп может резко возрастать и “распространяться” на обычно политически не активные социальные слои;

4) попытки показать, что переход к “гражданской культуре” лежит через увеличение количества участвующих, опровергается статистикой. Опыт США показал, что переход страны к постиндустриализму и “особой” – “гражданской культуре” – не увеличил количества постоянно участвующих в политике, а содействовал дифференциации их политических ориентаций и ценностей.

В третьем подходе особое внимание обращается на характерные национальные признаки и особенности политической культуры в связи с ее цивилизационными основами формирования, доминантами ее развития и функционирования. На основании комплексного использования этих подходов складывается кросскультурный анализ социодинамики и синтеза политики и культуры различных обществ, производится моде-

лирование политических культур [3, с. 102]. Данный подход и основанные на нем типологии политических культур были рассмотрены автором ранее [9, с. 101–105].

Основываясь на вышеназванных классификационных критериях политической культуры, можно обозначить существующую политическую культуру Беларуси как:

– консенсусную (в основе социального консенсуса лежит как идеологический плюрализм, так и социально-политический);

– этатистскую (государство и институты государственной власти в Республике Беларусь пользуются наибольшим политическим доверием среди всех других социально-политических институтов);

– по преимуществу модернистскую (основываясь на концепции постматериальных ценностей Р. Инглхарта, можно сказать, что на сегодняшний день белорусское общество пока находится “во власти” материальных ценностей, т.е. ценностей выживания, а не самовыражения и качества жизни, характерных для Постмодерна);

– гомогенную со слабовыраженным регионализмом;

– подданически-партиципаторную.

Таким образом, научная разработка типологии политических культур, моделирование их структур и ориентаций субъектов позволяют добиваться более глубокого понимания сущности политической жизни и процессов, определения вероятной направленности и перспектив политического развития каждого конкретного общества. Она дает возможность интегрировать современные методы исследования социальных и политических ориентаций и установок людей в единый междисциплинарный подход для выявления реальных механизмов и закономерностей реализации политических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
2. Баталов, Э. Я. Политическая культура современного американского общества / Э. Я. Баталов. – М. : Наука, 1990. – 256 с.
3. Ирхин, Ю. В. Социология культуры : учебник / Ю. В. Ирхин. – М. : Экзамен, 2006. – 525 с.
4. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е. Ю. Мелешкиной – М. : Издательский дом ИНФРА-М, 2001. – 304 с.
5. Политология (проблемы теории). – СПб. : Изд-во Лань, 2000. – 384 с.
6. Проблемы политической культуры в работах американских буржуазных политологов (Обзор) // Современная буржуазная социально-политическая философия : сб. ст. / АН СССР, Ин-т философии ; отв. ред. В. В. Мешваниерадзе. – М. : АН СССР, Ин-т философии, 1984. – 143 с.
7. Савельев, В. Л. Несостоятельность буржуазных концепций политической культуры социализма / В. Л. Савельев, М. Х. Фарукшин. – Киев : Политиздат Украины, 1986. – 159 с.
8. Салмин, А. М. Современная политика под знаком Аристотеля / А. М. Салмин // Полис. – 1992. – № 5–6. – С. 19–27.
9. Скок, Н. В. Цивилизационное измерение политической культуры / Н. В. Скок // Весн. Гродн. дзярж. ун-та. – Сер. 1. – 2007. – № 1. – С. 101–105.
10. Сморгунов, Л. В. Современная сравнительная политология : учебник / Л. В. Сморгунов. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. – 472 с.
11. Фарукшин, М. Х. От культуры конфронтации к культуре диалога / М. Х. Фарукшин, А. Н. Юртаев // Полис. – 1992. – № 3. – С. 146–151.

Skok N.V. Political culture: the main typologies

The very article is devoted to the main typologies of the political culture that have been made up in the modern political science. The author puts all the diversity of the classification into two main approaches forming more common foundations and specifying universal features of the varied styles of the political awareness and human behavior. The first approach arises from the recognition of the role that the external environment plays in the political culture, first of all, the character of the functioning and the type of the political system. The second one arises from the significance of its internal components such as political positions, orientation, values.

УДК 32.001:001

С.В. Решетников, Т.С. Решетникова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Общественная роль политической науки во многом объясняется теми функциями, которые она выполняет. Экспланаторная или объясняющая функция политической науки заключается в объяснении того, зачем возникают определенные процессы и явления и почему им присущи те или иные особенности. Эти вопросы формулируются с целью выяснения характеристик как взятых в совокупности явлений, так и взаимодействующих в рамках целого.

Инструментальная функция политической науки используется с целью установления достоверного диагноза положения вещей, выбора наиболее адекватных действий, принятия соответствующих решений для достижения желаемого результата.

В современных управленческих системах государственное управление проводится в жизнь, инструментализуется посредством сложной системы административных служб. Эти службы выполняют наибольшую часть работы правительства и, таким образом, влияют на граждан более прямо и непосредственно, чем иные правительственные институты. Тем не менее, для аналитиков нет острой необходимости быть слишком связанными и зависимыми от государственного администрирования (т.е. всех тех структур и процессов, включенных и задействованных на стадии инструментализации управления), несмотря на то, что агентства и службы имеют значительную свободу действий (в том смысле, что имеют выбор среди альтернатив) в проведении управления в рамках их юрисдикции. Они не всегда автоматически выполняют все то, что исходит от законодательных органов или других центров принятия решений, хотя всегда представляют, что именно от них требуется [4].

Классической особенностью литературы по общественно-государственному управлению (public administration) является утверждение, что управление и администрирование – это отдельные, различающиеся между собой сферы деятельности [5, с. 60]. Управление связано с формулированием воли государства и проводится в жизнь (управляется) «управленческими отраслями» правительства, такими, как органы законодательной и исполнительной власти. Администрирование, с другой стороны, связано с инструментализацией, выполнением воли государства и с достижением эффекта более или менее автоматического выполнения решений управленческих центров. Администрирование всегда связано с постановкой вопроса, что мы имеем на сегодняшний день, а не с тем, что желательно сделать. Администрирование сосредоточено и направлено на достижение наиболее эффективных и оптимальных путей для наилучшего инструментализации, проведения в жизнь управления. Аналитик в своем исследовании может остановиться на стадии принятия управленческого решения. Однако, за исключением небольшого числа плохо информированных людей, никто из ученых на сегодняшний день не исключает из расчета управленческо-административную дихотомию [6].

Административные службы часто оперируют широкими и двусмысленными, установленными законом мандатами, что оставляет за ними значительную свободу действий в определении того, что они должны и чего не должны делать. При этом они часто ссылаются на народные интересы и общественную необходимость тех или иных решений. Такие законодательные полномочия являются ничем иным, как директивами для ведомств, которые дают возможность осуществлять управление и принимать решения, относящиеся к компетенции ведомств. Те лица, которые принимают решения на уровне законодательной власти, часто бывают не в состоянии четко оценить возможно-

сти реализации своих решений, особенно по проблемам, являющимся потенциально конфликтными в масштабах общества, региона и т.д. Только после уяснения всех неточных положений и двусмысленностей законодательные поручения могут быть выполнены. Недостаток времени, информации, компетенции также может способствовать делегированию широких полномочий службам и ведомствам.

Управленческие решения довольно часто облечены в общие положения, которые, перемещаясь по административным каналам, приобретают более определенный вид, становятся более применимыми для согласования интересов конфликтующих групп общества. В этих условиях административный процесс становится продолжением законодательного процесса, и администраторы оказываются вовлеченными в управление.

Хотя законодатель делегирует многие полномочия по принятию решений административным службам, было бы неверно предполагать, что законодательная власть не может действовать прямо и направленно. Примером может быть законодательство Республики Беларусь по вопросам социальных гарантий малообеспеченным слоям населения, где точно определяются размеры пособий, сроки их выплат и другие условия. В таких обстоятельствах административный процесс выполнения принятых решений превращается в рутинную обыденную работу, не способствующую возникновению противоречий и конфликтных ситуаций.

В то время как административные службы являются первичными исполнителями государственного управления, многие другие акторы также вовлекаются в этот процесс. В процесс принятия решений вовлечены законодательные органы, суды, группы интересов, общественные организации. Они могут быть также непосредственно вовлечены в управленческое инструментирование или действовать опосредованно, влияя со стороны на административные службы, а иногда и так, и иначе одновременно.

Какова же роль законодательных органов Республики Беларусь в администрировании управления? Парламент может влиять на администрирование различными путями. Чем более детализированное законодательство прошло через парламент, тем меньшей свободой действий располагают административные службы. Соответствующий комитет зачастую сопровождает законопроект предложениями по поводу того, каким образом данное законодательство должно быть инструментировано. Данные предложения не имеют законодательной силы, но они могут быть проигнорированы администраторами только под страхом наказания. Законодательные органы и соответствующие комитеты часто стремятся влиять на службы, находящиеся в пределах их компетенции. Утверждение парламента требуется при назначении на многие высшие административные посты во многих странах, и эта практика может использоваться как рычаг управленческого влияния. Парламентское вето также служит важным инструментом, позволяющим парламенту и его комитетам влиять достаточно эффективно на административное управление на конкретных направлениях. Некоторые законы проводятся в жизнь, главным образом, через судебные процедуры и действия. Применение законов, связанных с уголовными преступлениями, – наиболее характерный пример. В Республике Беларусь наиболее важные дела рассматриваются Конституционным судом.

В некоторых случаях суды могут быть прямо вовлечены в административное управление.

Наиболее важным является то, что суды воздействуют на администрирование управления через толкование, интерпретацию законов, административных правил и постановлений, через пересмотр административных решений в случае их несоответствия закону. Суды вправе способствовать или отменять инструментирование по конкретным делам, принимая по данному поводу свое решение.

Поскольку законодательство наделяет административные службы значительной свободой действий, после того, как закон принят, социальные интересы перемещаются

из законодательной на административную арену. Те группы, которые способны использовать в своих интересах известную свободу действий административных служб, получают возможность эффективно влиять и на достижение своих целей, и на формирование государственного управления в целом. Иногда отношения между службами и группами интересов становятся настолько тесными, что может привести к «захвату» группами интересов отдельных административных служб, которые становятся в таком случае «базами» влияния, «зоной особых интересов» и т.д.

На локальном, местном уровне важную роль в инструментировании управления играют общественные организации. Они обеспечивают прохождение таких вопросов, как отбор программ сервисного обслуживания населения, обеспечивают финансовую поддержку программ землеустройства под эгидой Министерства сельского хозяйства, занимаются программами помощи бедным, т.е. общественные организации во многом способствуют отбору сервисных программ, подготовке и подбору исполнителей этих программ. На стадии инструментирования управления задействованы все возможные категории участников, указанных выше. Ранг участников варьируется в зависимости от тех или иных сфер применения управления. Значит, управленческий анализ должен охватывать всех тех, кто так или иначе влияет на инструментирование управления.

Что же такое административный процесс? Термин «административный процесс» используется для обозначения функционирования административной системы во времени [7]. Главные усилия дальнейшего анализа будут сосредоточены на некоторых аспектах административного процесса, которые имеют решающее влияние на инструментирование, содержание и последствия управления. Эти аспекты включают в себя рассмотрение административных организаций, административного управления и процесса административного принятия решений.

Следует стремиться создавать не статические, а динамические объяснительные модели. Влияние политических институтов на динамику формирования политики и имплементацию программ очевидно. Многоуровневые отношения и интеракции процессов принятия решений имеют влияние на политический результат (outputs), исключая институты сами по себе. Экспланаторная модель, которая фокусируется на этих динамических процессах, является решающим элементом в арсенале аналитиков публичной политики. В модели, акцентирующей внимание на динамических факторах, публичная политика это не только то, что правительство намерено делать, но также то, что оно делает в действительности. Здесь анализируются два процесса: принятия политических решений и политической имплементации, которая показывает политику как результат [8, с. 992].

Термин «политическая имплементация» относительно недавно вошел в научный оборот. Для понимания имплементации публичной политики важны следующие четыре фактора:

- 1) коммуникации, определяющие направления действий субъектов, реализующих политику;
- 2) необходимые ресурсы;
- 3) статусные позиции (или диспозиции);
- 4) структура административной иерархии, посредством которых осуществляется процесс имплементации.

Российский ученый А.А. Дегтярев выделяет три группы методов, используемых в политическом познании: общенаучные, социально-гуманитарные и специально-научные. Далее А.А. Дегтярев пишет: «Первая общенаучная группа методов состоит из двух основных компонентов или подгрупп познавательных средств: логико-эвристических приемов и философско-аксиологических принципов изучения политической жизни. В данном случае речь идет о таких хорошо известных всякой

науке методах, как индукция и дедукция, анализ и синтез, диагноз и прогноз, определение и классификация, сравнение и аналогия, дескриптивно-конкретное описание и абстрактно-объяснительная интерпретация, наблюдение и эксперимент, статистический анализ и логико-математическое моделирование, верификация и фальсификация и т.д.» [3, с. 571–572].

Объяснение обычно имеет большое значение для профессиональных политических аналитиков. Разграничение между экспланаторными моделями основано на источниках публичной политики и специфике динамических процессов в политической сфере. Наиболее обобщенными среди таких моделей выделим пять: системная модель политической системы; модель структуры власти; партийная (электоральная), организационная модель; институциональная / конституциональная модель.

Системная модель как наиболее обобщающий и абстрактный анализ элементов, вовлеченных в политическую жизнь, описана Дэвидом Истоном. Политические аналитики разработали самые разнообразные и специфические версии взаимодействия между «окружением» и «публичной политикой». Модель политической системы по сути описывает политический процесс как конверсию импульсов «входов» (факторов окружения) в «выходы» (различные виды публичной политики), которые, в свою очередь, через «петлю обратной связи» идут опять на «вход». При применении этой модели аналитик обеспечивает объяснение публичной политики, основанной на позиции, что они (т.е. публичные политики) представляют собой реакцию политических авторов и институтов на влияние «общего окружения». Эта модель может считаться *функциональным объяснением политики*. Публичная политика является продуктом системы, которая функционирует для того, чтобы транслировать внешнее влияние в приемлемую реакцию. Вовлеченные силы окружения могут быть физическими (климат, физические характеристики ландшафта, кондиции почвы), социально-экономическими (доходы на душу населения, уровень образования, уровень урбанизации), психологическими (общественное мнение), историческими (нормы и традиции). В модели политической системы действует медиаторный механизм между публичной политикой и факторами окружения. Предполагается, что факторы окружения и есть источники правительственных действий и заявлений [1, с. 51].

Модель структуры властного отношения строится на предположении, что акции и заявления правительства продуцируются на базе приказа, влияния и убеждения. Власть есть взаимоотношение между, по крайней мере, двумя субъектами «А» и «В». Власть включает четыре решающих компонента:

1. Иметь власть – это значит иметь ресурсы, с помощью которых осуществляется влияние и возникает возможность легального использования принуждения.

2. Наличие ресурсов и возможность использовать их, являются двумя различными проблемами, причем решающим фактором является возможность применять ресурсы во властных отношениях.

3. Для осознанного осуществления и эффективного применения власти необходима «претенциозность» части властных ресурсов для того, чтобы использовать их в данной ситуации.

4. Обладание властью должно означать наличие «иных» индивидов и групп, стремящихся и способных к применению ресурсов. Этот компонент, возможно, является наиболее значительным из четырех, т.к. в нем заключается важная суть идеи, что власть есть взаимоотношение с «иной» частью, партией, оппонентами и т.д. При этом власть есть не внутренне присущая характеристика отдельной личности; власть достигается через социальные интеракции с другими личностями и существует только внутри взаимоотношений.

Это объяснение власти и ее главных компонентов помогает понять предпосылки моделей властной структуры публичной политики. Большинство моделей власти представляют собой широкий класс рационального объяснения, поскольку использование власти является намеренным и целевым, т.е. те, кто обладает властью, используют ее для достижения своих целей и задач.

Мы описали различные структурные компоненты властного отношения. Связать их воедино, выявив специфику внутренних взаимоотношений, удалось российскому политологу А.А. Дегтяреву. Ниже мы приводим упрощенную схему «политологического ромба» [2, с. 43] (рисунок 2). (Дегтярев, А. А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. – 1996. – №3).

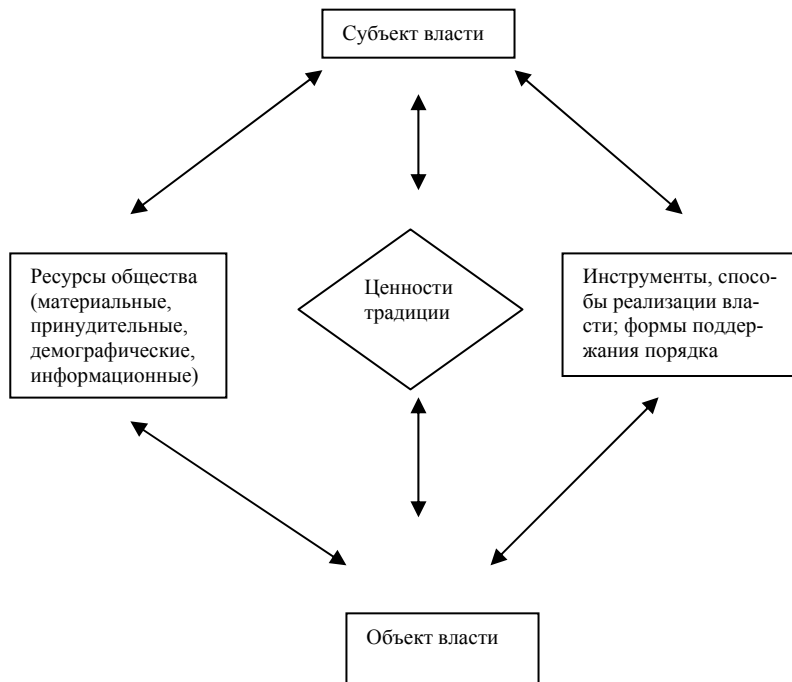

Рисунок 1 – Структура властного отношения: «политологический ромб»

Партийная (электоральная) и организационная модели. В политической системе есть много элементов, которые имеют различные цели и задачи. Для активных акторов политическое участие (politics) есть средство для достижения целей публичной политики, и их деятельность обычно включена во властные модели политики. Другие акторы участвуют в политическом процессе для того, чтобы получить контроль над чиновниками: т.е. некоторые люди участвуют в выборах или ищут назначений по службе ради своих собственных интересов. Они более заинтересованы в том, чтобы стать депутатами Парламента или местных Советов и т.д. Для этих лиц публичная политика есть средство на пути получения места в выборном органе либо в правительственном учреждении. Это стремление к службе (в офисе) есть сердцевина партийной/электоральной организационной модели. В ряде стран политические партии нацелены на парламентский тип деятельности как возможность дальнейшего влияния на формирование правительства. На выборах партии выполняют роль брокеров, которые обеспечивают голоса для кандидатов. Партии формулируют программы и обещают их реализовать после победы на выборах. И эта адаптация к выборщикам делает партийную/электоральную организационную модель потенциальным средством в объяснении публичной политики. Там, где есть соревнующиеся неидеологизированные партии, публичные политики пол-

ностью отражают пакет программ организаций, выигравших выборы. Содержание каждого пакета предположительно детерминировано требованиями групп избирателей. Политические программы, как правило, содержат достаточно обещаний, необходимых для того, чтобы убедить выборщиков проголосовать.

Институциональная (конституциональная) модель основана на том, что формальные и неформальные структуры политической системы имеют влияние на публичную политическую деятельность. Для ряда научных школ именно институционально-конституциональная модель является базовой, поскольку она содержит в себе механизм, через который общественные проблемы могут быть решены.

Итак, после завершения стадии принятия управленческого решения начинается этап инструментализации управленческих решений. Провести резкую границу между принятием управленческого решения и его исполнением довольно трудно.

В управленческое инструментирование как непосредственно, так и опосредованно могут быть вовлечены законодательные органы, суды, группы интересов, общественные организации.

Решающая роль в инструментировании управления принадлежит административным службам и их окружению. Окружение включает: законы, правила, процедуры, концепции правил игры, начальников исполнительных органов; систему парламентского надзора; суды, иные административные службы; группы интереса; средства массовой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелин, В. Н. Опыт развития прикладной политологии в России / В. Н. Амелин, А. А. Дегтярев // Полис. – 1998. – № 3.
2. Байме, К. Политическая теория: эмпирическая политическая теория / Политическая наука: новые направления ; пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука ; науч. ред. Е. Б. Шестопап. – М. : Вече-Москва, 1999.
3. Дягтерев, А. А. Методы политологических исследований / А. А. Дягтерев // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность : хрестоматия ; отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. – М. : Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – 684 с.
4. Гвишиани, Д. М. Организация и управление / Д. М. Гвишиани. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998. – 332 с.
5. Гибсон, Дж. Организации: поведение, структура, процесс / Дж. Гибсон, Д. Иванцевич, Д. Доннели. – М. : ИНФА, 2000.
6. Гиг, Дж. Ван. Прикладная общая теория систем / Дж. Ван Гиг. ; пер. с англ. – М. : Мир, 1981. – 733 с.
7. Государственная служба. Организация, кадры, управление. – М., 1999.
8. Общая и прикладная политология : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. – М. : МГСУ ; изд-во «Союз», 1997. – 992 с. – Режим доступа : <http://grachev62.narod.ru/Krasnov/contents.htm>. – Дата доступа : 13.06.2007.

Reshetnikov S., Reshetnikova T. Functional analysis in the political science: instrumental technologies

Author's attention turns to policy implementation or administration, which involves those players, organizations, procedures and techniques concerned with carrying policies into effect in an endeavor to attain their goals. In actuality, however, it is often quite difficult to differentiate neatly the adoption of policy from its implementation. Once again, the line between functional activities is smudgy.

УДК 327. 339. 9 (427)

В.Ф. Дудик

СТРАНЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье исследуются разнообразные аспекты взаимодействия Республики Беларусь со странами Северо-Восточной Азии в контексте национальных интересов Республики Беларусь. Национальные интересы Республики Беларусь трактуются согласно закону «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь». В соответствии с данной трактовкой проанализированы перспективы отношений со странами региона по десяти направлениям: от содействия построению стабильного, справедливого, демократического миропорядка, базирующегося на общепризнанных принципах международного права, до участия в международном сотрудничестве в области поощрения и защиты прав человека. В сфере политических отношений наиболее перспективны взаимодействия с такими странами СВА, как КНР, КНДР и Монголия, при этом отношения с КНР имеют несомненный приоритет. В сфере экономических отношений наибольшее значение как источники инвестиций, технологий и обладатели перспективных платежеспособных рынков имеют КНР, ее провинция Тайвань, Япония и Южная Корея.

Введение

Значение взаимодействий со странами Северо-Восточной Азии для проведения в жизнь внешнеполитических и внешнеэкономических интересов Беларуси подтверждается наличием посольств нашей страны в Китае, Японии, Республике Корея. Кроме этого, дипломатическое присутствие Республики Беларусь в указанном регионе усилено за счет активного использования нашей страной института почетных консулов. В настоящее время почетные консулы Республики Беларусь успешно отстаивают и продвигают интересы нашего государства (в первую очередь, торгово-экономические) в Сеуле (Республика Корея), в регионе Западная Япония, Улан-Баторе (Монголия). В свою очередь, интересы государств Северо-Восточной Азии в Республике Беларусь представлены посольствами КНР, Японии, Республики Корея (по совместительству), консульским пунктом Монголии (в Бресте), торговым представительством КНДР.

Национальные интересы Республики Беларусь в области внешней политики раскрываются в законе «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь». Согласно закону, «стратегическими целями внешней политики Республики Беларусь являются:

защита государственного суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь;

защита прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и государственных интересов» [8].

Закон также выделяет следующие основные задачи внешней политики Республики Беларусь:

«содействие построению стабильного, справедливого, демократического миропорядка, базирующегося на общепризнанных принципах международного права;

равноправная интеграция Республики Беларусь в мировое политическое, экономическое, научное, культурное и информационное пространство;

Научный руководитель – С.А. Кизима, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры идеологии и политических наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь

создание благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий для повышения уровня благосостояния народа, развития политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала государства;

формирование добрососедских отношений с сопредельными государствами;

обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь за границей;

содействие реализации национальных, культурных и иных прав и законных интересов этнических белорусов, выходцев из Республики Беларусь и лиц, идентифицирующих себя как белорусы, проживающих за пределами ее территории;

содействие укреплению международной безопасности, нераспространению оружия массового поражения и контролю над вооружением;

расширение международного сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, охраны окружающей среды, в информационной и гуманитарной сферах;

привлечение внешних интеллектуальных и научных ресурсов в интересах образовательного, научного и культурного развития Республики Беларусь;

участие в международном сотрудничестве в области поощрения и защиты прав человека» [8].

Автором были исследованы:

– источники, являющиеся официальными документами Республики Беларусь, выступления и доклады президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко и руководителей других государств, архивные материалы архива Министерства иностранных дел Республики Беларусь (в том числе текущие архивы), а также официальные сообщения об итогах визитов и переговоров на высшем уровне; документы договорно-правовой базы Республики Беларусь с государствами СВА, сборники документов и материалов по внешней политике Беларуси, документы Министерства статистики и анализа Республики Беларусь. Исследуемая информация дает возможность определить основные направления внешнеполитических и внешнеэкономических взаимодействий Беларуси в контексте ее национальных интересов со странами Восточно-Азиатского региона;

– труды ученых, посвященные проблемам внешней политике и экономической дипломатии, помогающие в исследовании данного региона и определении направлений развития международных отношений в Северо-Восточной Азии. Профессор Р.Д. Самуэльс проанализировал основные направления большой стратегии Японии до начала XXI века. Профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь Л.Е. Криштапович и советник посольства Республики Беларусь в КНР профессор В.М. Мацель в своем научном труде изучили причины успеха Китая, включая особенности его взаимоотношений с Беларусью. Профессор В. Янлинг проанализировал особенности распространения технологий в контексте торговых отношений на примере Кореи и Японии. Профессор ГУ-ВШЭ М.В. Братерский рассматривает особенности политики США с «проблемными» странами Азии. Председатель комиссии по законодательству и государственному строительству Совета Республики Н. Андрейчик сравнила ситуацию с оценкой прав человека западными странами в КНР и Беларуси.

Страны Северо-Восточной Азии часто рассматривают как ключевой регион для развития человечества в XXI века. В статье исследуются особенности, направления и перспективы сотрудничества Республики Беларусь со странами СВА в контексте реализации национальных интересов Республики Беларусь, раскрываются факторы, оказывающие влияние на их содержание и динамику.

Страны СВА и национальные интересы Республики Беларусь

Для реализации таких задач внешней политики Республики Беларусь, как «действие построению стабильного, справедливого, демократического миропорядка, базирующегося на общепризнанных принципах международного права» и «равноправная интеграция Республики Беларусь в мировое политическое, экономическое, научное, культурное и информационное пространство», из стран СВА приоритетное значение имеют КНР, КНДР и Монголия. Почти миллиардный товарооборот и тесное политическое взаимодействие Беларуси и Китая по ключевым вопросам (включая регулярные межмидовские консультации [10]) свидетельствуют об успехах в выстраивании отношений стратегического партнерства. КНДР также является стабильным внешнеполитическим сторонником Республики Беларусь. Так, принимая 11 декабря 2007 г. верительные грамоты посла КНДР, Президент Республики Беларусь отметил: «Беларусь и КНДР имеют во многом схожие позиции по ключевым вопросам мирового устройства и международных отношений» [2]. КНР и КНДР придерживаются дружественной к Республике Беларусь позиции, поддерживая нашу страну на мировой арене. Ситуация с Монголией сложнее, зависит существенным образом от экономической ситуации в этой самой маленькой стране региона. Обладая слабой, мало диверсифицированной экономикой, Монголия существенно зависит от международной помощи, получаемой, главным образом, от западных стран и подчиненных США и ЕС финансовых и экономических организаций. В силу этого в последние годы возникло понятие «многоопорности» внешней политики Монголии, когда руководство страны пытается быть в хороших отношениях со странами, позиция которых на международной арене по ключевым вопросам современной политики существенно отличается. Как полагают некоторые эксперты, «в последние годы внешняя политика Монголии пытается ориентироваться на вектор США. О положительных взаимоотношениях между этими странами говорит и количество совершенных официальных визитов в эту страну в 2006 г. представителей администрации США» [7]. В то же время, укрепляя отношения с США, президент Монголии Н. Энхбаяр после визита в Россию в декабре 2006 г. отметил, что «до настоящего времени отношения между Россией и Монголией строились как традиционно добрососедские и партнерские. Настоящий визит поднял эти отношения на качественно новый уровень, на уровень стратегического партнерства» [13]. Значимым для Монголии является и взаимодействие с КНР, подкрепленное статусом наблюдателя в ШОС. Маленькая Монголия, расположенная между огромными Россией и Китаем, выдвинула концепцию «третьего соседа»: «под «третьим соседом» подразумевается не какая-то конкретная страна, а мировое сообщество в целом, со странами и международными организациями, движениями и процессами. В этом смысле «третий сосед» ... – это не столько географическое понятие, сколько экономическое, социальное, культурное и политическое» [9]. Можно ожидать, что под влиянием усиливающегося политического и экономического взаимодействия с Россией и КНР, стабилизацией экономики этой страны, в результате чего экономическая поддержка западных стран утратит свое значение, внешняя политика Монголии по своим основным параметрам будет все более соответствовать внешнеполитическим интересам Беларуси. Япония, в свое время под принуждением США отказавшаяся от собственной армии, соответствующей реальному уровню ее развития и статусу, все еще чрезмерно зависит от военной защиты США, хотя и наращивает в последние годы свои вооруженные силы. В связи с этим политика Японии в отношении стран, к которым США настроены недружелюбно, не может существенно отходить от этой же схемы. Напряженные отношения, сложившиеся в белорусско-американских контактах в связи с претензиями США на вмешательство во внутренние дела Беларуси, делают затруднительным выход на принципиально новые позиции и белорусско-японского диалога.

Несмотря на усилия, предпринимаемые странами региона, в СВА сохраняются «узлы» напряженности, препятствующие становлению стабильного миропорядка, главными из которых являются:

- корейский вопрос, выраженный стремлением руководства КНДР к освоению ракетно-ядерного оружия;
- тайваньская проблема, в которой переплелись интересы КНР, Тайваня и США;
- спор между Россией и Японией о принадлежности Курильских островов;
- противоборство за острова Сенкаку, на которые одновременно претендуют КНР, Тайвань и Япония;
- военные приготовления стран данного региона и международная торговля оружием, провоцирующие в СВА гонку вооружений.

Решение таких внешнеполитических задач, как «создание благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий для повышения уровня благосостояния народа, развития политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала государства», «расширение международного сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, охраны окружающей среды, в информационной и гуманитарной сферах», «привлечение внешних интеллектуальных и научных ресурсов в интересах образовательного, научного и культурного развития Республики Беларусь», требует взаимодействия со всеми странами СВА. Политика Республики Беларусь в отношении стран данного региона всегда была нацелена на создание благоприятных внешнеполитических условий, предлагая политику сотрудничества и партнерства всем заинтересованным в этом странам. В сфере создания благоприятных внешнеэкономических условий отметим, что из стран Северо-Восточной Азии в двадцатку основных внешнеэкономических партнеров Республики Беларусь по итогам 2006 г. вошел лишь Китай. Оценивая состояние и перспективы сотрудничества Республики Беларусь и КНР в области торговли, Президент А.Г. Лукашенко отметил: «Нет в мире таких других государств, кроме России и Китая, с кем бы у нас столь динамично развивалось торгово-экономическое сотрудничество» [6, с. 100]. При этом необходимо указать настораживающие тенденции в динамике товарооборота с Китаем: по сравнению с 2005 г., общий товароборот вырос на 132,6% составив 947,7641 млн. долларов, но экспорт Республики Беларусь составил 92,6% от уровня 2005 г., а импорт Китая возрос сразу на 193,1%, результатом чего стало отрицательное сальдо в размере 149,4663 млн. долларов. Одним из факторов, способствующих образованию отрицательного сальдо, стало использование предприятиями Республики Беларусь предоставленных Китаем кредитных ресурсов, главным условием которых является закупка оборудования, произведенного на предприятиях КНР. Таким образом, отрицательное сальдо в товарообороте с Китаем хотя и является досадным фактом, но, тем не менее, не влечет за собой угрозы национальным интересам Республики Беларусь, поскольку привлечение китайских кредитов на выгодных условиях способствует модернизации экономики Беларуси, а закупаемое в Китае оборудование часто производится по лицензиям ведущих мировых компаний и удовлетворяет по соотношению цена/качество как средство перевооружения экономики.

Большое значение для повышения уровня благосостояния народа, развития потенциала государства, расширения международного сотрудничества имеет инвестиционный импорт из Южной Кореи, Японии и Тайваня. В то же время рациональный внешнеполитический выбор, сделанный руководством Республики Беларусь в отношении признания единого Китая, не позволяет ожидать значимых перспектив от сотрудничества с Тайванем. Одной из основных составляющих наших отношений со странами

СВА является также военно-техническое сотрудничество, в котором уже Беларусь служит источником современных технологий. В целом, потенциал для привлечения внешних интеллектуальных и научных ресурсов из стран СВА может быть виден по следующей статистике: «В 2005 году наибольшее количество патентов на изобретения получили Япония (300,6 тыс.), США (почти 150 тыс.), Германия (47,6 тыс.), Китай (40,8 тыс.), Южная Корея (32,5 тыс.), Россия (17,4 тыс.), Франция (11,4 тыс.), Великобритания (10,4 тыс.), Тайвань (4,9 тыс.) и Италия (3,7 тыс.)» [1]. Таким образом, четыре государства СВА из шести входят в десятку стран, владеющих наибольшим количеством патентов на изобретения. Гонконг, Тайвань, Япония и Южная Корея также входят в двадцатку ведущих территорий мира по степени «сетевой готовности», под которой подразумеваются наилучшие показатели «предложения услуг, развития и внедрения в экономику, социальную сферу высоких технологий» [14]. Что касается получения от стран СВА современных технологий, то тут есть определенные надежды. Например, Япония делится новыми технологиями с большей готовностью, чем другие высокоразвитые страны. Она является главным поставщиком новых технологий для Южной Кореи, в которой существуют значительные антияпонские настроения в связи с ужасами японской оккупации в первой половине XX в., а США и Западная Европа делится технологиями с Южной Кореей на современном этапе не стремятся – как отмечают специалисты, «связанное с торговлей распространение технологий и повышение продуктивности значительно связано с Японией, и одновременно незначительно со стороны других стран ОЭСР» [16, с. 4]. Потенциал привлечения новых технологий из Южной Кореи также выглядит высоким: в апреле 2006 г. директор Корейско-евразийского центра сотрудничества в области промышленных технологий (КЕЦСПТ) Ли Сан Моком отметил, «... что в настоящее время КЕЦСПТ ставит перед собой задачу реализации ежегодно, как минимум, двадцати белорусско-корейских проектов» [3]. Такое интенсивное сотрудничество является не некой благотворительностью со стороны Южной Кореи, а признанием высокого потенциала белорусской экономики.

Монголия и КНДР на современном этапе важны как потенциальный рынок для сбыта продукции промышленного сектора Беларуси, но их значимость ограничивается низкой покупательной способностью (так, КНДР в связи с этим не смогла в 1994 г. оплатить поставленную в страну партию грузовых автомобилей «МАЗ» и неоднократно откладывала заседание второй Совместной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству [11]). В области охраны окружающей среды, в информационной и гуманитарной сферах наибольшее значение имеет содействие со стороны Японии и КНР, в значительной степени связанное с проблемой ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Перспективным в этом плане является взаимодействие и с Южной Кореей.

Для содействия укреплению международной безопасности, нераспространению оружия массового поражения и контролю над вооружением Республика Беларусь наиболее тесно сотрудничает с такой ключевой страной СВА, как КНР. Белорусские специалисты, анализируя взаимодействия Китая и Беларуси, отмечают «высокий уровень сотрудничества стран в рамках ООН» [5]. Политика США, в связи с постоянным курсом на вторжение во внутренние дела других стран, вплоть до готовности к военным вторжениям, что доказали события в Югославии, Афганистане и Ираке, отнюдь не содействует укреплению международной безопасности. Япония, Южная Корея и Тайвань, как союзники США в регионе, вынуждены придерживаться общей линии их патрона. Все три вышеуказанных актора из стран СВА активно модернизируют свои вооруженные силы, расходуя все большие суммы на эти цели год от года. Особое несоответствие между размерами территории, населения и армией демонстрирует Тайвань, пытающийся предотвратить воссоединение с КНР. Южная Корея и Япония являются местом рас-

положения крупных военных баз Соединенных Штатов. Военные базы США в Южной Корее и Японии рассматриваются руководством КНР в качестве дестабилизирующего фактора для мира в регионе. Им было принято решение на создание атомного оружия как средства противостояния попыткам агрессии со стороны США и его союзников. Руководство КНР также предпочло бы видеть американских военных в удалении от ключевого для развития Китая региона, понимая, что американские военнослужащие с этих баз могут быть использованы для вмешательства во внутренние дела Китая, в особенности при попытке воссоединения Китая с его мятежной провинцией. Проамериканская позиция Тайваня и постоянно декларируемая готовность США прийти ему на помощь при возникновении конфликта с КНР также являются дестабилизирующим миропорядок фактором. По мнению эксперта, «... интеграционные процессы в Северо-восточной Азии, возглавляемые КНР, могут представить действенную альтернативу региональному блоку США – Япония – Южная Корея» [4, с. 190]. И руководство Республики Беларусь полностью определилось в своей позиции поддержки интеграционных процессов, возглавляемых Китаем.

Значимым является и влияние стран СВА на «формирование добрососедских отношений с сопредельными государствами» у Республики Беларусь. Наибольшее значение имеет Китай, ядерное государство, с которым у Беларуси сложились отношения стратегического партнерства. Неуклонный рост экономики, сопровождающийся закономерным укреплением внешнеполитического влияния Китая, делает Китай все более значимым центром влияния на международной арене. Поскольку его экономические контакты с соседями Беларуси неуклонно расширяются, Китай будет оказывать все большее влияние и на их внешнюю политику. Это со временем приведет к улучшению отношений сопредельных государств с Беларусью, которые от обвинительной риторики в сфере прав человека, попыток изменить политическую систему или желания получить контроль над экономическим потенциалом, либо упразднить суверенитет перейдут в сферу прагматических, признающих равноправный статус отношений с Республикой Беларусь. Существенным моментом, гарантирующим стабильность стратегического партнерства с Китаем, является географическая удаленность двух стран, которая исключает наиболее болезненные в партнерских отношениях вопросы спорных границ, диктата с позиции силы и соседских поучений. Напомним, что два из этих трех факторов (территориальный спор и высокомерные поучения Китая со стороны советского руководства, не учитывающего гордости китайцев, выработавшейся за тысячелетия истории этой страны) привели, в свое время, к разрыву коммунистического Китая с СССР и переходу спустя некоторое время к партнерству с далеко расположенными США. Поэтому географическая удаленность Китая нивелирует то громадное демографическое, военное и территориальное превосходство этого государства, которое могло бы сделать партнерство с ним Беларуси неравновесным в случае территориального соседства.

Говоря о роли кооперации Республики Беларусь со странами СВА по вопросу участия в международном сотрудничестве в области поощрения и защиты прав человека, необходимо отметить схожие проблемы в трактовке прав человека западными странами как в Китае, так и в Беларуси. Председатель Комиссии по законодательству и государственному строительству Совета Республики Н. Андрейчик 21 ноября 2007 г. во время встречи с китайской парламентской делегацией «провела параллель между нарушением прав человека в Беларуси и «тибетским вопросом». В обоих случаях, считает парламентарий, применяется политика двойных стандартов» [5]. Эта тактика имеет вполне очевидные причины – «за респектабельным фасадом борьбы за права человека или другими благовидными предложениями просматривается стремление определенных сил в США сознательно или подсознательно «сдержать» КНР, воспрепятствовать превращению ее в сверхдержаву» [12, с. 171]. Стремление сдержать благоприятное эконо-

мическое и политическое развитие, укрепление реального суверенитета наблюдается со стороны западных государств и в отношении Беларуси. Пристальному вниманию в области прав человека со стороны США и его союзников подвергается также КНДР и периодически Монголия. Это делает актуальным для Беларуси, КНР, КНДР и Монголии сотрудничество в области реализации общего понимания прав человека и продвижения консолидированной политики в данном направлении. Наименьшее взаимопонимание в области сотрудничества в сфере прав человека наблюдается между Беларусью и Японией. Активное участие в правозащитной риторике, с точки зрения США, используется Японией как своеобразный сигнал своей лояльности лидеру западного мира. Совсем не случайно две новейшие инициативы в области внешней политики Японии, выдвинутые в 2007 г., идут рука об руку. Укрепление сотрудничества с блоком НАТО сочетается с декларацией о борьбе за демократию и права человека в постсоветских странах (скрывающей, главным образом, желание добраться под благовидным предлогом до богатых ресурсов Центральной Азии). Япония, наряду со странами Евросоюза и США, регулярно является соавтором резолюций в ООН о нарушении прав человека в Беларуси. Япония по-прежнему предпочитает быть «авианосцем» США, боясь остаться в одиночестве перед лицом стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, бывших жертвами бесчеловечной оккупации перед и во время Второй мировой войны. Таким образом, по-прежнему продолжает доминировать «доктрина Йошиды», согласно которой «Япония поддерживает позицию США в международной политике в обмен на военную защиту и торговые преимущества ...» [15, с. 57], что препятствует полноценному сотрудничеству Японии и Беларуси в большинстве сфер. Прозападная трактовка прав человека присуща в целом и Южной Корее.

Говоря про такие задачи внешней политики Республики Беларусь, как «обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь за границей» и «содействие реализации национальных, культурных и иных прав и законных интересов этнических белорусов, выходцев из Республики Беларусь и лиц, идентифицирующих себя как белорусы, проживающих за пределами ее территории», надо отметить, что в странах СВА не сформировалось значимых диаспор выходцев из Беларуси. В целом, права, свободы и законные интересы граждан Республики Беларусь на территории стран СВА в должной степени защищены правительствами данных стран.

Заключение

Анализ внешнеполитических и внешнеэкономических взаимодействий Республики Беларусь со странами Северо-Восточной Азии в контексте национальных интересов нашей страны свидетельствует о том, что страны СВА имеют важное значение для независимого и успешного развития Беларуси. Ключевое значение в контексте национальных интересов имеют отношения с КНР. Китай выступает надежным внешнеполитическим партнером, источником дешевых кредитов, технологий и гуманитарной помощи. Япония является второй по значимости страной СВА для Беларуси – ее значение смещается в экономическую, технологическую и гуманитарную области. Потенциал Южной Кореи, особенно технологический, будет важным фактором для реализации национальных экономических интересов Беларуси. Значение Тайваня для Беларуси также находится в плоскости экономических интересов. В отличие от Японии, Южной Кореи и Тайваня, значимость КНДР и Монголии для Республики Беларусь заключается большей частью в сфере политического сотрудничества на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова, А. Мирская наука в цифрах [Электронный ресурс] / А. Александрова // Информационно-рекламное агентство «Биржа плюс». – 2007. – Режим доступа : <http://www.birzhaplus.ru/print.php?10826>. – Дата доступа : 21.10.2007.
2. Беларусь – открытая для диалога страна // Вечерний Минск. – 2007. – 12 декабря. – С. 3.
3. Беларусь – Республика Карэя // Вестник Министерства закежных спраў. – 2006. – № 2. – С. 91–92.
4. Братерский, М. В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. / М. В. Братерский. – М. : МОНФ, ИСК РАН, 2005. – 240 с.
5. Депутат Наталья Андрейчик. Руководство США проводит политику давления на Беларусь, направленную на изменение политического и экономического строя страны [Электронный ресурс] / БЕЛТА. – Минск, 2007. – Режим доступа : <http://news.tut.by/politics/98439.html>. – Дата доступа : 21.11.2007.
6. Криштапович, Л. Е. Китайская Народная Республика на пути в XXI век : монография / Л. Е. Криштапович, В. М. Мацель – Минск : Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь, 2000. – 131 с.
7. Монголия [Электронный ресурс] / Международный институт современной политики. – 2007. – Режим доступа : <http://iimp.kz/bullets/shos/news7.html>. – Дата доступа : 25.09.2007.
8. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-3 [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2007. – Режим доступа : <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=h10500060>. – Дата доступа : 17.10.2007.
9. Обновление государственной службы Монголии. Многовекторная внешняя политика Монголии (Лекция Президента Монголии Н. Энхбаяра в Академии Государственной службы при Президенте РФ) [Электронный ресурс] / сайт Президента Монголии. – 2007. – Режим доступа : http://www.president.mn/show_module.php?index=intvw&intvwid=27. – Дата доступа : 25.11.2007.
10. О межмидовских консультациях // Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 13 (за 2003 г.). – Д. 13–28. – Т. 4. – Л. 102.
11. О согласовании сроков проведения заседания совместной комиссии // Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 13–27 (за 2002 г.). – Д. 54. – Т. 3. – Л. 5.
12. Остроухов, О. Л. Внешняя политика Китая в эпоху реформ / О. Л. Остроухов // Постиндустриальный мир: Центр, периферия, Россия. Сборник 2. Глобализация и периферия. – М. : МОНФ, 1999. – С. 154–178.
13. По приглашению Президента Российской Федерации В. В. Путина Президент Монголии Намбарын Энхбаяр 4–9 декабря 2006 года посетил с официальным визитом Российскую Федерацию [Электронный ресурс] / Пресс-релизы Посольства России в Монголии. – 2007. – Режим доступа : http://www.mongolia.mid.ru/press_13.html. – Дата доступа : 25.09.2007.
14. Представители [World Economic Forum](http://www.weforum.org) [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2007. – Режим доступа : <http://pravo.by/showtext.asp?1176270985233>. – Дата доступа : 15.09.2007.

15. Samuels, R. J. Japan's Emerging Grand Strategy / R. Samuels // Asia Policy. – 2007. – № 3. – P. 57–64.

16. Yanling, W. Trade-related Technology Diffusion and Productivity Gains in Korea: implications for a Free Trade Agreement with Japan / W. Yanling // Globalization and Regionalism of the Northeast Asian Economies. Ed. by. Doowon Lee, Shunfeng Song, Hyung-Do Ahn. – Seoul : Yonsei University Press, 2005. – P. 3–17.

Dudik V.F. Countries of North-East Asia in the context of national interests of the Republic of Belarus

The article investigates different aspects of the interactions between the Republic of Belarus and countries of North-East Asia in the context of national interests of the Republic of Belarus. National interests of the Republic of Belarus are treated according to the law «About approval of main directions of interior and foreign policy of the Republic of Belarus». According to this interpretation, perspectives of relations with countries of the region are analyzed in accordance with ten directions: from assistance in building of stable, just, democratic world order, based on the common agreed principles of international law up to participation in the international cooperation in the domain of incentive and defense of human rights. In the sphere of political relations the interactions with such NEA countries as China, North Korea, and Mongolia are looking most perspective, and the relations with China have undoubted priority. In the area of economic relations main meaning have China, his province Taiwan, Japan and South Korea, as the sources of investment, technologies and possessors of perspective solvent markets.

УДК 159.9

Е.А. Бирюкевич

ОСОЗНАНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ У ЛИЦ С РАЗЛИЧИЯМИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ

В статье представлено описание эмпирического исследования, посвященного изучению осознания собственных индивидуальных особенностей у лиц с различиями в мировоззрении. Автор обосновывает проблему и методы исследования, подробно описывает основные результаты. Используемые методы позволили определить конкретный тип мировоззрения каждого из испытуемых, а также установить свойственные им особенности осознания себя и понимания задач саморазвития. Обнаружены типичные варианты сочетания особенностей мировоззрения и осознания себя. Автор делает вывод о необходимости проведения дальнейших исследований на иных по объему и составу выборках.

В последние годы в психологической науке происходит постепенная смена подходов к изучению личности: вместо столь популярной в советский период проблемы «формирования нового человека» на первый план выходит проблема человека как самостоятельного субъекта своей жизни. Актуальные прежде вопросы «как?» и «почему?» индивид превращается в личность, «каковы механизмы его развития?» уступают место относительно новым вопросам: «как и ради чего действует развитая личность?», «почему она действует тем или иным способом?» и др. Это означает, что внимание исследователей все больше начинает привлекать проблема *функционирования личности*, предполагающая обращение к процессам ее *саморегуляции и самодетерминации*. Такой – функциональный – взгляд на личность неизбежно приводит к изучению ее содержательно-смысловых характеристик (ценностей, идеалов, жизненных принципов и т.п.) как *оснований* типичных для личности способов поведения. Смысловые образования определяют главные и относительно постоянные отношения человека к миру, другим людям и самому себе, образуют свойственную каждому человеку мировоззренческую позицию и тем самым как бы конституируют личность. Еще на заре персонологии эта проблема была обозначена в трудах В. Штерна, У. Джемса, Э. Шпрангера [5; 9; 10]. Проблема жизненных целей личности как причины индивидуальных различий ставилась А. Адлером. Наиболее полно содержательно-смысловые аспекты личности рассматривались в гуманистической психологии, особенно в трудах В. Франкла. Эта проблема привлекала внимание и А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.С. Братуся, В.И. Слободчикова и др.

Постановка проблемы исследования

Сегодня можно считать общепризнанным положение о том, что личность как психическое образование с момента своего возникновения призвана обеспечивать сознательную регуляцию социального поведения человека (А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейн и др.). Благодаря возникновению личности человек обретает способность поступать так, как должно, а не как хочется, т.е. способность быть «субъектом мотивационного самоотношения» (С.Л. Рубинштейн). Субъективно такая регуляция внешнего поведения выступает как управление собственными побуждениями, сопряженное с сознательной ориентировкой человека в собственных ценностях, принципах, смыслах (В.В. Столин) и с волевыми усилиями (В.А. Иванников). Поэтому человек как личность обнаруживает себя в актах *самодетерминации* в самых разных сферах (пове-

дения, мотивации, переживаний и т.п.), которые по своей сути есть *свободный и сознательный выбор, основанный на процессах осознания себя* (личностной рефлексии).

В наших предшествующих работах [1; 2] была обоснована возможность распространения функции самодетерминации личности и на *собственные индивидуальные особенности человека*. Это означает, что, будучи личностью, человек оказывается в состоянии ставить перед собой и решать задачи самопознания, саморазвития и самосовершенствования, обнаруживая активное и деятельное отношение не только к своему характеру, но и к любым другим своим индивидуальным особенностям (от внешности или соматического здоровья до особенностей собственных жизненных принципов и идеалов). Мы предположили, что характер отношения человека как личности к собственным особенностям разного уровня может рассматриваться в качестве интегральной характеристики индивидуальности. Одним людям свойственно пассивное и бездеятельное отношение к своим индивидуальным характеристикам, восприятие своей индивидуальности как данности, выражающееся в отсутствии стремления познавать свои особенности и развивать их. Этот вариант логично рассматривать как наиболее примитивный (низший). Иной – высший – вариант может состоять в деятельном и активном отношении человека к собственной индивидуальности, выражающемся в сознательном «проектировании» и «созидании» им своих особенностей. Все другие варианты индивидуально-своеобразного отношения человека к своим особенностям могут рассматриваться как промежуточные и расположенные между обозначенными низшим и высшим вариантами (уровнями).

Известный современный московский психолог Б.С. Братусь в ряде своих работ высказал идею о том, что нормативное развитие человека можно рассматривать как реализацию человеком его родовой сущности [3; 4]. Очевидно, что способность к свободному и сознательному выбору, составляющая сущность функции самодетерминации, относится к числу родовых способностей человека как личности. В контексте этой идеи *нормативно-идеальным вариантом осуществления человеком его родовой сущности в отношении собственной индивидуальности* является такое осознание своих индивидуальных особенностей разного уровня в их системных взаимосвязях, которое позволяет *ставить и решать задачи саморазвития*, ибо только в этом случае человек обретает подлинную свободу в отношении своей индивидуальности.

Степень близости конкретного человека к описанному нормативно-идеальному варианту определяется тем, предпринимает ли он усилия, чтобы *познавать себя*; как он *оценивает* обнаруженные особенности, принимая или отвергая их в себе; стремится (или нет) к *сохранению и/или изменению* этих особенностей. Выделенные параметры отношения человека к собственной индивидуальности, созвучные высказанным еще в начале XX века положениям У. Джемса о процессах самосознания [5], фиксируют, так сказать, *функционально-динамический* аспект целостной индивидуальности.

Другой – *содержательно-смысловой* – аспект отношения к своей индивидуальности составляют его *ценностные основания*. Они обнаруживаются в том, почему и ради чего человек ведет себя именно так, а не иначе, в отношении к своим индивидуальным особенностям. Так, человек может хотеть изменить какую-либо черту своего характера, т.е. демонстрирует осознанное, критичное, деятельное отношение к этой черте, но он может это делать и ради своего собственного «удобства», и ради карьерного роста, и ради кого-то из своих близких и т.п.

Что же придает осознаваемым индивидуальным особенностям тот уникальный субъективный смысл, который обуславливает постановку конкретных задач саморазвития? Для ответа на данный вопрос в первую очередь следует обратиться к принципам и ценностям, которыми руководствуется каждая конкретная личность, т.к. именно они

являются основными содержательными характеристиками личности, составляют стержень ее мировоззрения.

Понятие «мировоззрение» чаще используется как философское, нежели как психологическое. Вся история философии – науки о наиболее общих законах природы, общества, человека – фактически является историей различных мировоззрений. В философии под мировоззрением понимают «систему представлений о мире и о месте в нем человека, об отношении человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими представлениями жизненные позиции и установки людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации» [8, с. 366]. В психологии же мировоззрение выступает как психическое образование, воплощающее в себе *уникальную картину мира конкретного человека* и выполняющее важную роль в регуляции его поведения. Если бы человек не искал ответов на такие вопросы, как «что есть человек?», «как устроен мир и каково мое место в нем?», «для чего я пришел в этот мир?» и т.п., то он был бы обречен жить вне какой-либо «системы координат», быть во власти обстоятельств или чужой воли, ориентируясь лишь на то, что происходит «здесь и сейчас».

Мировоззрение каждого человека глубоко индивидуально. Оно несет в себе черты, обусловленные индивидуальной биографией человека, его воспитанием и образованием, профессиональной деятельностью, особенностями той исторической эпохи, в которой довелось жить человеку и т.д. Однако помимо различий в мировоззрениях людей есть и общие черты, наличие которых позволяет выделять типы мировоззрения. Первыми психологами, кто обратился к особенностям мировоззрения конкретного человека, были В. Дильтей и Э. Шпрангер. Они полагали, что важнейшим структурным компонентом мировоззрения являются ценности, к которым устремлен человек. Однако предложенная этими авторами типология мировоззрений базировалась на достаточно произвольном выделении шести основных ценностей (истина, выгода, красота, власть, любовь, Бог). Отсутствие ясного теоретического обоснования выделения именно этих ценностей не позволяет обсуждать их соподчинение по отношению друг к другу.

Позже С.Л. Рубинштейн в своем труде «Человек и мир» обосновал положение о том, что наиболее важным основанием мировоззрения конкретного человека является его *отношение к миру и самому себе* [6]. Человека отличает социальный образ жизни, и мир для него выступает не столько своей физической стороной, сколько отношениями с людьми. Поэтому отношение человека к миру можно понимать и как *отношение к другому человеку*. Отталкиваясь от мысли о том, что Другой составляет первейшее из условий жизни любого человека, и различив *отношение к Другому как к цели и как к средству*, С.Л. Рубинштейн обосновал типологию мировоззрения, которую можно назвать этико-психологической. Б.С. Братусь продолжил и развил данную идею, указав на неразрывную взаимосвязь отношения человека к другому и к самому себе. На основе доминирующего способа отношения к себе и другому человеку Б.С. Братусь наметил несколько принципиальных отличающихся уровней в развитии личности, т.е. создал типологию личности. Фактически эта типология личности может рассматриваться также и как типология мировоззрений.

Значительный эвристический потенциал этой типологии для объяснения содержательно-смысловых оснований индивидуальных различий между людьми пока еще не оценен по достоинству. А исследования, посвященные изучению взаимосвязей между мировоззрением человека и процессами его личностной саморегуляции, малочисленны и разрозненны. Проведенное под нашим руководством дипломное исследование А. Дубиной (2007 г.) было посвящено изучению *осознания собственных индивидуальных особенностей у лиц с различиями в мировоззрении*. Мы предположили, что отношение к собственным индивидуальным особенностям и характер их осознания не могут

быть одинаковыми у людей с разным мировоззрением. Для проверки этой гипотезы было организовано исследование со следующими задачами: (1) выявление особенностей мировоззрения каждого испытуемого, (2) выявление индивидуальных особенностей его сознания и самосознания и (3) установление типичных вариантов соотношения обнаруженных особенностей мировоззрения с особенностями самосознания.

Организация и проведение исследования

В нашем исследовании приняли участие 20 испытуемых женского пола в возрасте от 20 до 23 лет. Выбор именно данной возрастной группы был обусловлен тем, что именно в этом возрасте, т.е. в период так называемой «ранней взрослости», благодаря осознанию своих жизненных целей и принципов, происходит интенсивное становление мировоззрения. Здесь особое значение приобретают процессы сличения, согласования, «выстраивания» системы личных нравственных, культурных, духовных ценностей, поэтому вера, мировоззрение, идеалы приобретают устойчивую форму, появляется стремление к духовному, возвышенному. В то же время, в этом возрасте человек, стремясь к обретению «подлинной взрослости», способен отнестись к себе реалистично и критично, принять минусы своей индивидуальности и одновременно научиться использовать плюсы и выгодные стороны своей личности и характера, обратить их на пользу своему развитию. Ограничение выборки только лицами женского пола было обусловлено стремлением исключить влияние гендерной принадлежности.

Для выявления особенностей *мировоззрения* испытуемых на первом этапе исследования нами была проведена индивидуальная *клиническая беседа*. Такая беседа близка к естественной форме общения, позволяет варьировать формулировки вопросов, их порядок, допускает возможность задавать ряд дополнительных вопросов, что предполагает активную позицию исследователя, позволяет получать данные не только прямым, но и косвенным способом. Все это способствует более глубокому проникновению во внутренний мир испытуемого и позволяет выявить его личностные ценности, лежащие в основе особенностей его мировоззрения. В разработанный нами план беседы были включены темы отношения к жизни как ценности (например, вопрос о правомерности смертной казни как наказания за особо тяжкие преступления), жизненных принципов испытуемых (например, вопрос о жизненных достижениях испытуемого), а также отношения данного человека к чужим людям, к близким и к себе как ценности (вопросы о прощении, обиде, зависти). Кроме того, данные вопросы позволяли выявлять наряду со известными смысловыми содержаниями также и действительные личностные ценности, осознанные и принятые человеком, наиболее общие смыслы его жизни.

На втором этапе эмпирического исследования для выявления *индивидуальной системы категорий восприятия и осознания себя и других*, мы применили *модифицированный вариант методики репертуарных решеток Дж. Келли (Rep – тест)*. Выбор этого метода был обусловлен тем, что он позволяет реконструировать уникальную систему представлений конкретного человека через выявление личной системы конструктов. На основе анализа репертуарной решетки появляется возможность выделить *базовые конструкты*, лежащие в основе конкретных оценок и отношений, а также вскрывать бессознательные компоненты самоотношения. В нашей работе исследуемой областью выступила не просто сфера межличностных отношений, но и категории восприятия себя. Поэтому мы составили список элементов (ролей) не по формальным основаниям («мать», «сосед», «врач»), а с учетом эмоционального отношения испытуемого («человек, который вызывает у вас уважение», «человек, который вас часто удивляет», «человек, на которого вы бы хотели быть похожи»). Кроме того, в список были внесены различные модальности «Я», по которым испытуемый мог охарактеризовать себя в прошлом, настоящем, будущем, а также идеальное «Я». Этот список элементов был ап-

робирован и уточнен в пилотажном исследовании. В окончательный вариант методики вошли 18 элементов. Помимо количественной обработки результатов, которая осуществлялась при помощи статистической компьютерной программы SPSS-13.0, был проведен и качественный анализ содержания конструкторов, а также структуры отношений между ними.

На третьем этапе для изучения индивидуальных особенностей самооценки каждого испытуемого нами был применен *модифицированный вариант методики исследования самооценки Т. Дембо – С. Рубинштейн*. С помощью данной методики мы стремились выявить уровень и содержание ретроспективной, актуальной и желаемой (потенциальной, идеальной) самооценок каждого испытуемого в отношении той системы категорий (базовых конструкторов), которая была обнаружена в результате применения Реп-теста, а также разницу между этими модальностями самооценок, их динамику и характер обоснования. В беседе задавались вопросы, уточняющие причину произошедших изменений («Как Вы считаете, почему произошли эти изменения?») и мотивацию желаемых изменений («Что изменится в Вашей жизни, если это произойдет?»), а также активную или пассивную позицию испытуемого по отношению к своим индивидуальным особенностям («Что должно случиться, чтобы это произошло?»).

На заключительном этапе исследования все полученные результаты подвергались соответствующей качественной и количественной обработке (см. ниже), что позволило сопоставить тип мировоззрения испытуемых и особенности осознания ими других и самих себя.

Полученные результаты

Результаты, полученные в ходе клинической беседы, были проанализированы на основе *типологии мировоззрений*, лежащей в основе модели Б.С. Братуся [3, 4]. Заметим, однако, что в концепции Б.С. Братуся эгоцентрический и группоцентрический варианты отношения к другим людям теоретически разведены, хотя на деле группоцентрический тип отношения может быть обусловлен не только идентификацией со своей этнической, социальной, профессиональной группой, но также и со своей семейной группой. В этом последнем случае отделить эгоцентрическую ориентацию от группоцентрической на практике оказывается весьма затруднительно. Так, еще У. Джемс [5] указывал, что наши близкие являются частью нас самих, т.е. относятся к так называемому «физическому Я» человека. Наше отношение к родным как к ценности тесно переплетается с позитивным отношением к самому себе: проявляя любовь к близким, человек заботится также и о себе. В нашем исследовании группоцентрическая ориентация испытуемых обычно выражалась в идентификации со своими близкими, поэтому было решено объединить эти два способа отношения к себе и другим в один тип: *эгоцентрический и/или группоцентрический*.

На основе ответов испытуемых вся выборка была разделена следующим образом. *Первую группу* составили 7 испытуемых, для ответов которых были характерны: ориентация исключительно на себя и своих близких, выражающаяся в признании собственной ценности и ценности близких людей и сочетающаяся с потребительским отношением к другим людям; отсутствие развернутой рефлексии и самокритичности; восприятие действий окружающих, задевающих их самолюбие, как зла, на которое необходимо отвечать тем же. Такие люди не склонны что-либо прощать другим людям, а если и решаются простить, то это может быть лишь близкий человек; они открыто признают, что не испытывают раскаяния, если обижают другого, т.к. всегда находят оправдание своим действиям. Обычно эти люди верят лишь в себя и в помощь близких, иногда в Бога как «помощника» в жизни, а также мало задумываются о чувствах других,

особенно посторонних, людей и о последствиях своих действий для окружающих. Этот тип мировоззрения был обозначен как *эгоцентрический и/или группоцентрический*.

Вторую группу составили 5 испытуемых, для которых характерна фиксация на принципе равенства и справедливости по отношению ко всем людям. Эти люди обычно поступают в соответствии с принципом «как ты ко мне, так и я к тебе» вне зависимости от близости человека; они не умеют или не хотят прощать предательство, измену, обман, чрезмерный контроль, лень кому бы то ни было; стараются реализовывать в жизни принцип равенства и справедливости: не стремятся отвечать злом на зло, но и не хотят терпеть собственного унижения. Обычно эти люди верят в родных и в свои силы, а их вера в Бога основана на понимании Его как воплощения справедливости. Подобную мировоззренческую ориентацию, по Б. С. Братусю, можно обозначить как *гуманистическую*.

Третью группу испытуемых составили 3 человека, ответы которых отличали следующие особенности: они отвергали смертную казнь, подчеркивая безусловную ценность жизни каждого человека; говорили, что готовы прощать всем людям вне зависимости от типа деяния и степени родства; утверждали, что способны к смирению и раскаянию за собственные поступки. Основой такого отношения к людям является вера в Бога, которая придает смысл их жизни. Они стремятся «жить по Божьим законам и исполнять Его волю». Эти испытуемые признают, что в жизни нет случайностей. Их вера в Бога, в любовь и добро позволяет им сознательно выбирать принцип непротивления злу насилием: «если вас ударили по одной щеке, то подставь другую». Подобный тип мировоззрения можно обозначить как *духовный*.

Кроме указанных трех групп, нами была выделена еще одна группа испытуемых, для мировоззрения которых характерна внутренняя противоречивость. Мы обозначили эту четвертую группу как «*противоречивый*» тип (5 испытуемых). Это люди, для которых фактическим, т.е. реально действующим, является эгоцентрическо-группоцентрический тип отношения к себе и другим, а гуманистический или даже духовный способ отношения выступает как «*знаемый*», т.е. осознаваемый испытуемым как важный для презентации своего «Я» вовне, для других людей.

Примером такого противоречивого варианта мировоззрения могут быть ответы одной испытуемой, которая в ответ на вопрос об отношении к смертной казни сказала, что «мы не вправе лишать кого-то жизни. Государство не может выполнять роль Господа Бога». На вопрос, чего бы она не смогла простить другому, ответила: «Всё простила бы, всем и всегда. Главное, чтобы Бог простил». Таким образом, эти ответы свидетельствуют, что здесь имеет место признание ценности другого человека, свидетельствующее о духовном мировоззрении. Однако из других ответов испытуемой следует, что такие суждения оказываются формальными. Так, на вопрос о собственных достижениях эта же испытуемая отвечает: «сейчас живу для себя», а на вопрос об обидах – «я злюсь, хочу, чтобы он [другой человек] знал, что меня надо уважать», «иногда специально обижаю, чтобы он о чем-то задумался», что говорит об эгоцентрической позиции.

Модифицированный вариант методики репертуарных решеток Дж. Келли был использован нами для выявления *индивидуальной системы категорий восприятия и осознания себя и окружающих* (конструктов, по Келли). Полученные данные были подвергнуты процедуре кластерного и факторного анализа. На основе корреляций между единичными конструктами для каждого испытуемого была составлена индивидуальная дендрограмма (дерево классификации). Факторный анализ позволил определить ядерные конструкты индивидуальной системы восприятия других и себя, которые выражали наиболее значимые для человека понятия, используемые им для объяснения окружающего мира, людей и себя, для контроля и предсказания событий, своего поведения.

Дальнейший анализ был направлен на выявление сходства и различия в содержании выявленных ядерных конструктов (т.е. конструктов, имеющих максимальную

факторную нагрузку) у испытуемых, отнесенных нами к одному и тому же типу мировоззрения. Было установлено, что для испытуемых *эгоцентрическо-группоцентрического типа* довольно часто ядерные конструкты выражают поверхностные и формальные характеристики людей («молодость», «националистки», «флиртующие с парнями», «родные» и т.п.), что может свидетельствовать об отсутствии глубокой содержательной рефлексии себя и других. Кроме того, часто встречались такие конструкты, как: «активность», «упорство», «властная, деловая», «независимость», «ценят себя», «саморазвитие», «спокойствие», «целеустремленность», «реализованность», «любопытность», «умные», рациональность («обдумывающий каждый шаг») и т.п. Таким образом, для данных испытуемых наиболее важными характеристиками людей (и себя) являются те, в которых выражено стремление к каким-либо собственным достижениям и к реализации себя. Кроме того, испытуемые данной группы иногда упоминали качества, описывающие людей как партнеров по общению («доброжелательный», «общительный», «постоянный»).

Для большинства испытуемых *гуманистического типа* также были характерны конструкты, выражающие особую значимость активности и собственных усилий человека («целеустремленность», «реализованность», «успешность», «самостоятельность», «независимость»), стремления к познанию («стремление познавать новое», «любопытность», «общаться с новыми людьми»). Ряд конструктов указывал на важность для данных испытуемых сферы межличностных отношений («общительность», «общение с людьми», «понимающий, внимательный», «нетерпимый, вспыльчивый», «веселый», «верный», «надежный»), в которой оба партнера для обеспечения оптимального взаимодействия должны находиться на равных позициях («равенство», «имеют свое мнение», «не настроенные понравиться», «самодостаточность», «самостоятельность»). На первый взгляд, выделенные группы конструктов сходны с теми, которые были обнаружены у лиц с эгоцентрическо-группоцентрической ориентацией. Однако есть и отличия. У испытуемых с гуманистической ориентацией практически не встречались формальные, поверхностные конструкты, а частота упоминания конструктов, связанных со сферой общения, существенно выше. Обращает на себя внимание и тот факт, что здесь появляются конструкты, в которых фиксируются «надбытийные» понятия («правда», «красота», «совершенство», «равенство», «любовь», «дружба», «чувство юмора»). Наличие этих конструктов указывает на то, что в системе мировоззрения данных испытуемых нашли свое отражение экзистенциальные ценности.

Для испытуемых с *духовным типом* мировоззрения наиболее значимыми оказались следующие конструкты: «любовь к Богу», «вера в Бога», «смысл жизни», «спасенная жизнь», «умение жертвовать», «любовь к окружающим». Эти конструкты явно указывают на то, что данные испытуемые, хотя и упоминают важные для практической жизнедеятельности категории («любопытство», «целеустремленность», «доверчивость»), все же объясняют окружающий мир преимущественно через понятия, определяющие их духовную, обычно христианскую, ориентацию – вера, любовь, спасение, жертва.

Для испытуемых с *противоречивым* мировоззрением было характерно сочетание противоположных по своему содержанию понятий. Например, в индивидуальной системе конструктов «эгоизм» мог соседствовать с «дружелюбием», а «прощение всех обид, надежда на Бога» с «жадностью, ленью». Зачастую выявляемые конструкты были весьма неопределенными и абстрактными. В целом, можно сказать, что содержание ядерных конструктов у данных испытуемых не позволяло сделать вывод о целостности и согласованности их системы категорий восприятия себя и других. Следовательно, противоречивость мировоззрения данных испытуемых, здесь сочеталась и с отсутствием единой содержательно-смысловой направленности в критериях оценки поведения

других (и себя), что, скорее всего, может выражаться и в ситуативности поведения этих людей.

Таким образом, анализ содержания базовых конструктов во многом подтвердил данные, полученные в результате беседы, и позволил уточнить тип мировоззренческой ориентации каждого испытуемого. Однако для проверки выдвинутой гипотезы необходимо было также изучить *особенности осознания себя* каждым испытуемым. Исходными фактами здесь выступили, во-первых, само содержание конструктов, в терминах которых испытуемые описывают различные модальности собственного «Я», и, во-вторых, данные изучения их самооценки (методика Т. Дембо – С. Рубинштейн), которые были проанализированы с учетом не только традиционных показателей (уровень самооценки, ее дифференцированность и т.п.), но и с учетом так называемых диспозиций (Ю.А. Веретенников).

В процессе детального анализа было установлено, что 5 из 7 испытуемых, отнесенных к *эгоцентрическо-группоцентрическому типу* ориентации, продемонстрировали диспозицию *«достигнутая ценность»* по конструкту «человек, которого можно назвать состоявшейся личностью». Данная диспозиция выражается в совпадении положения актуальной и прогностической самооценок с областью положительного полюса шкалы, а ретроспективная самооценка оказывается отнесенной к отрицательному полюсу. Это означает, что для всех испытуемых характерно определенное *самодовольство, самодостаточность*, т.е. они полагают, что в своем развитии как личности уже достигли всего того, к чему стоило бы стремиться. В то же время некоторые из этих испытуемых продемонстрировали диспозицию *«развитие»* (выражающуюся в том, что ретроспективная самооценка оказывается отнесенной к области негативного полюса, актуальная – к середине, а прогностическая – к области положительного полюса) по конструктам (шкалам) «хороший характер», а также «упорство», «активность», «целестремленность», «деловой властный», «умеющий ценить самого себя» и др. Это означает, что у данных испытуемых есть осознание, что их характер в целом и некоторые конкретные его качества все же еще нуждаются в совершенствовании и развитии. В качестве основной *мотивации* необходимости изменяться большинство испытуемых данной группы указывают собственное благополучие и жизненные достижения. А вот в качестве *причины* возможных изменений эти испытуемые чаще всего называют какие-либо влияния извне, т.е. внешние обстоятельства и события, которые могут произойти, но никак не собственные усилия. Это означает, что испытуемые данной группы способны ставить задачи саморазвития, но связывают их в основном с качествами, важными для собственного благополучия и достижений, причем представители данной группы обычно не осознают необходимость прилагать собственные усилия для решения этих задач.

Принципиально иные результаты были обнаружены при анализе данных, полученных в обследовании испытуемых с *духовной* мировоззренческой ориентацией. Здесь также основными диспозициями были *«достигнутая ценность»* и *«развитие»*, но содержание соответствующих им качеств было совершенно иным. Так, представители этой группы зачастую в качестве достигнутого называли такие качества, как «любящий Бога», «спасенная жизнь», «люди, которые верят». Иными словами, у них актуальный уровень самооценки по этим шкалам совпадал с идеальным, желаемым уровнем. А вот по шкале «человек, которого можно назвать состоявшейся личностью» все испытуемые данной группы продемонстрировали диспозицию *«развитие»*. Смысл этого факта состоит в следующем: испытуемые не удовлетворены имеющимся положением дел и стремятся в развитии своей личности к чему-то большему (актуальная самооценка находится в области середины шкалы, идеальная – в области положительного полюса), но, вместе с тем, признают, что определенный путь в движении к желаемому состоя-

нию они уже совершили (уровень ретроспективной самооценки находится существенно ниже актуальной самооценки). К этому стоит добавить, что *причину* происходящих в них изменений эти испытуемые обычно видят в вере в Бога, в следовании Его заповедям и исполнении Его воли, но при этом подчеркивают важность собственной активности в саморазвитии и самосовершенствовании. В качестве доминирующей *мотивации* желаемых изменений эти испытуемые называют исполнение воли Бога, Его прославление и спасение собственной души.

Испытуемые, чье мировоззрение было определено как *гуманистическое*, занимают как бы промежуточное положение между описанными выше двумя основными группами. Для них характерно стремление улучшить свой характер и состояться как личность, что выражается в наличии диспозиции «развитие». Однако диспозиция «достигнутая ценность» в этих шкалах также встречается. Кроме того, испытуемые этой группы проявляют стремление приобрести качества, необходимые для самореализации и оптимизации взаимодействия в социуме («терпеливость», «целеустремленность», «реализованность» и др.). Причину уже произошедших изменений и возможность будущих изменений эти испытуемые видят в познании собственных особенностей и взглядов, в изменении своего отношения к ним, т.е. эти испытуемые отчетливо выделяют задачи самопознания и саморазвития, решение которых, по их мнению, обусловлено не столько влиянием обстоятельств и окружающих людей, сколько собственными усилиями. В качестве мотивации возможных (и желаемых) изменений обычно назывались цели собственного благополучия и оптимизация социального взаимодействия, зачастую опять же ради собственного спокойствия, успеха, самореализации и т.п.

И, наконец, испытуемые с *противоречивым типом* мировоззрения обнаружили столь разнообразные характеристики в осознании и формулировке задач саморазвития, что выделить какой-либо целостный вариант оказалось весьма затруднительно. Так, причину происходящих в них изменений они видят в равной степени и в не зависящих от них обстоятельствах, и в сознательной работе над собой. Мотивация желаемых изменений обычно основана на стремлении к собственному благополучию. Формальное признание ценности другого человека выразилось в том, что испытуемые не продемонстрировали готовность изменяться ради блага окружающих людей. Даже оптимизация социального взаимодействия не выступала здесь как специальная цель саморазвития. В содержании задачи саморазвития также трудно было обнаружить единую направленность.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование позволило обнаружить взаимосвязи между типом мировоззрения и характером осознания собственных индивидуальных особенностей. Однако выявленные тенденции сочетания типов мировоззрения и вариантов осознания себя нуждаются в изучении на других по объему и составу выборках, что может стать предметом дальнейшей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюкевич, Е. А. К вопросу об интегральных характеристиках индивидуальности / Е. А. Бирюкевич // Вучоныя запіскі БрДУ імя А. С. Пушкіна. – 2006. – Т. 2, ч. 1. – С. 163–177.
2. Бирюкевич, Е. А. Характер и личность в структуре индивидуальности: выбор между согласием и разладом / Е. А. Бирюкевич // Вестник Брэсцакага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2005. – № 3 (24). – С. 80–88.
3. Братусь, Б. С. Двойное бытие души и возможность христианской психологии / Б. С. Братусь // Вопросы психологии. – 1998. – № 4. – С. 71–79.

4. Братусь, Б. С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века / Б. С. Братусь // Вопросы психологии. – 1993. – № 1 – С. 6–13.
5. Джемс, У. Психология / У. Джемс ; под ред. Л. А. Петровской. – М. : Педагогика, 1991. – 368 с.
6. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1973. – С. 255–385.
7. Слободчиков, В. И. Антропологический принцип в психологии развития / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 3–17.
8. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
9. Шпрангер, Э. Основные идеальные типы индивидуальности. Психология личности. Тексты / ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырей. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 55–59.
10. Штерн, В. Персоналистическая психология / В. Штерн // История зарубежной психологии. Тексты. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 186–198.

Birukevich E. A. The realization of self-individual peculiarities of persons with different outlooks

The description of empiric research, devoted to the study of realizing of individual peculiarities of persons with different outlooks, is given in the article. The author substantiates the problem and methods of research, describes the main results of the survey in detail. The applied methods permits both: to define the specific type of the outlook of each surveyed and to ascertain peculiarities of realizing themselves, as well as to understand the tasks of their self-development. The typical variants of combinations of peculiarities of the outlook and self-assertion are revealed. The author concludes that there is a necessity to do further research based on different surveys which are to be more in volume and structure.

УДК 159.922.1

Г.В. Лагонда

СЕКСУАЛЬНОСТЬ И БРАК: ГРАНИ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются психологические закономерности, связывающие между собой интимную сферу личности, сексуальность человека и его брачные отношения. Приводятся авторские определения указанным феноменам, описываются их общие стороны и различия. Рассматривается структура, функции и динамика развития интимной сферы личности. Перечисляются типичные брачные потребности современного человека. Автор обосновывает правомерность выделения такой супружеской интенции, как потребность одного супруга в подтверждении собственной уникальности со стороны другого, доказывает положение о ее высокой субъективной значимости для современного брака. Исследователь связывает удовлетворение этой потребности с символической функцией сексуальности. В работе приводятся аргументы в пользу правомерности выделения данной функции наряду с такими общепринятыми, как рекреативная, прокреативная и коммуникативная.

Введение

Выраженность научного интереса к проблематике интимных отношений носит в нашей стране волнообразный характер. Волна публикаций начала 90-х годов сменилась более чем десятилетним «латентным периодом». Последние же несколько лет снова наблюдается эскалация интереса к теме отношений мужчины и женщины. Эта тенденция особенно важна для реалий современного белорусского общества, в котором брак и семья оказались в центре социальной политики государства [1].

Однако нельзя не признать, что данное направление социальной политики может быть эффективным только в том случае, если оно научно обосновано, поэтому повышенную значимость приобретают научные изыскания в области психологии семьи, гендерной психологии, сексологии, а также расположенные на пересечении трех этих проблемных полей психологические исследования брачных отношений. К сожалению, по настоящее время в обозначенных отраслях науки наблюдаются многочисленные расхождения взглядов относительно содержания многих ключевых для понимания предмета науки понятий. Эти «нестыковки» в равной степени наблюдаются как в рамках каждой отдельной отрасли знания, так и в «междотраслевом диалоге». Причем подобное положение вещей, как правило, обусловлено не методологическими причинами, а простым пренебрежением авторов к чистоте и четкости научных понятий.

На наш взгляд, построение жизнеспособных теоретических конструкций, описывающих и объясняющих (с позиций психологии) реалии брачных отношений, невозможно без дефиниции таких понятий, как интимность, сексуальность, брак, брачные потребности. Данная статья направлена на решение двух задач: во-первых, на создание соответствующих определений, во-вторых, на выявление связей между упомянутыми феноменами. Хотя в целом работа носит теоретический характер, в основе ее лежат не только результаты анализа литературных источников, но и данные эмпирических исследований, а также клинические наблюдения.

Содержание и дефиниции ключевых понятий

Термины «интимность» и «интимный», как правило, используются авторами без рефлексии на их какое-либо специфическое содержание. Им отводится место слов-маркеров, указывающих на то, что речь будет вестись на тему близких (скорее всего, сексуальных) отношений. Иногда исследователи (С. Пэйдж, Дж. Баттон, М.Т. Кузнецов,

Л.Б. Шнейдер и др.) намекают на возможность использования данных терминов в более широком контексте, однако, в чем конкретно состоит эта возможность, не поясняют.

Мы считаем, что в психической реальности человека существует особая область переживаний, которая может быть названа *интимной сферой личности* или *интимным Я*. Это тайное, неповторимое, своеобразное содержание психической реальности человека, которое значимо для поддержания жизни и принадлежит только его Я, скрыто от посторонних людей, являясь для них невидимым и недоступным. Обладая специфическим содержанием и структурой и выполняя определенные функции, интимное Я представляет собой, таким образом, функциональный орган [2].

Интимная сфера личности выполняет функцию поддержания интегрированности и чувства идентичности личности, укрепления ее психологической автономности, то есть сохранения Я человека как условия его уникальности. В качестве обязательных компонентов она включает в себя тайну; феномен лжи; воображение и фантазию; феномен понимания; религиозное чувство; дружеские отношения; любовь и сексуальные отношения. Вполне возможно, представления о структуре интимного Я могут быть расширены. Однако важно другое: каждый из перечисленных структурных компонентов интимной сферы личности появляется в определенном хронологическом возрасте и вносит свою лепту в функционирование интимной сферы личности. Кроме того, как показало проведенное нами эмпирическое исследование, все эти компоненты, будучи объединены системообразующими связями, представляют собой достаточно устойчивую во времени структуру.

Таким образом, сексуальные отношения хотя и являются неотъемлемой частью интимного Я взрослого человека, вовсе не исчерпывают содержания этой сферы психической реальности. С другой стороны, следует признать, что далеко не все проявления сексуальных отношений скрываются человеком от окружающих. Женщины стремятся акцентировать внимание окружающих на своей женственности, а мужчины – на своей мужественности. Они, как правило, выбирают разные профессии и стремятся к разным социальным ролям и к разному социальному статусу в целом. Это самые типичные примеры открытых проявлений сексуальных (или, в более модной терминологии, – гендерных) отношений.

Обсуждение содержания и специфики сексуальных отношений приводит к необходимости теоретического рассмотрения детерминирующего их феномена сексуальности. К сожалению, несмотря на свою значимость для сексологии, понятие «сексуальность» в настоящее время определено недостаточно четко. В лучших случаях предлагаются дефиниции, которые носят крайне неконкретный характер (И.С. Кон, В.Е. Каган, Ю.П. Прокопенко и др.) На их основании не представляется возможным судить о сущности явления. В большинстве же источников (даже в сексологических словарях) определение отсутствует вовсе. Создается впечатление, что содержание феномена прозрачно и уточнять его совершенно излишне. Однако на самом деле разночтения оказываются настолько существенными, что понятие в буквальном смысле теряет признаки научного, поэтому мы предлагаем собственную дефиницию.

По нашему мнению, *сексуальность* может быть определена как функциональная система анатомо-физиологических и психологических особенностей индивида, обуславливающих возможность и особенности его сексуальных отношений (включенности во взаимоотношения полов) [3]. Другими словами, осуществление любых форм сексуальных (половых, гендерных) отношений требует задействования определенных резервов (элементов и свойств) организма и психики. Состав этих элементов и свойств варьируется в зависимости от задачи, на решение которой направлен соответствующий поведенческий акт. При поцелуе набор задействованных элементов будет одним, при от-

стаивании феминисткой прав женщин во время митинга – другим. Таким образом, сексуальность можно и должно рассматривать именно как функциональную систему.

Принято считать, что до появления на Земле вида *Homo Sapiens* данная система «отвечала» за две функции, неотделимые одна от другой. Это функции прокреации (продолжения рода) и рекреации (отдыха, расслабления и получения удовольствия). Благодаря наличию сознания, человек преобразовал этот установленный природой порядок. Во-первых, создав контрацептивы, а затем и институты усыновления и суррогатного материнства, он разделил эти функции. Получение удовольствия стало возможным и без последующего деторождения. Возможной стала (как это ни парадоксально) и обратная ситуация. Во-вторых, сексуальность начала выполнять коммуникативную функцию, то есть функцию общения. Даже если сузить представления о сексуальности до рамок половой близости, следует признать, что каждое любовное соитие несет в себе коммуникативную нагрузку. Оно, помимо всего прочего, является сообщением о тех чувствах, которые партнеры испытывают друг к другу. Эта информация закодирована во взгляде, поцелуях, прикосновениях, их однообразии или разнообразии, желании доставить партнеру физическое удовольствие и т.д. Соответственно, близость может «говорить» и о любви, и о простой симпатии, и о пренебрежении партнером.

Сексуальность человека проходит целый ряд закономерных этапов развития, охватывающих всю его жизнь от рождения до смерти. В этой цепи развития правомерно выделять две качественно отличающиеся друг от друга группы периодов. Одна из них охватывает эпоху детства, другая – эпоху взрослости. Несмотря на эти различия, главная цель, на которую оказывается ориентированной сексуальность, является создание и развитие сперва брачных, а затем и семейных отношений. Как справедливо отмечал З. Шнабль, «сексуальность ориентирована на брак» [4, с. 96].

Для того чтобы эта связь предстала более рельефно, необходимо наполнить психологическим содержанием понятие «брак». С нашей точки зрения, *брак* можно определить как форму межличностных гендерных взаимоотношений, обладающую свойствами системы и являющуюся способом удовлетворения определенной группы (брачных) потребностей.

Обобщив существующие в настоящее время в литературе представления о наиболее специфических для брака потребностях, мы решили выделить семь позиций: потребность в продолжении рода; потребность в любви; потребность в сексуальном удовлетворении; потребность в самоактуализации; потребность в материальном благополучии; потребность в присоединении; потребность одного супруга в подтверждении собственной уникальности со стороны другого [5].

Следует отметить, что отдельные брачные потребности у разных людей могут не только отличаться по своей значимости и выраженности, но и вовсе отсутствовать. К примеру, у супругов, выбравших сознательно бездетный брак, по всей видимости, отсутствует потребность в продолжении рода. Возможна и противоположная ситуация. Список потребностей, удовлетворение которых ожидается в браке, отдельными людьми может расширяться. Поэтому перечни брачных потребностей, приводимые разными авторами, варьируют. Мы отдаем себе отчет в том, что представленный выше список является поводом для дискуссии, что, к примеру, можно объединить вторую и седьмую позицию или сделать более дробной четвертую. Тем не менее, этот вариант кажется нам в настоящее время оптимальным.

Брачные потребности и функции сексуальности

Как известно, функция представляет собой сферу жизнедеятельности, непосредственно связанную с удовлетворением определенной потребности [6]. Относительно предмета нашего разговора данное положение следует интерпретировать в том смысле, что, благодаря функционированию сексуальности, человек получает возможность удовлетворять свои

брачные потребности. Именно в этом, на наш взгляд, заключается психологическая связь сексуальности и супружества, позволившая З. Шнаблю говорить об ориентированности сексуальности на брак. Именно эти связи мы попытаемся проследить более тщательно и предметно.

Следует заметить, что схема «одна функция – одна потребность» чересчур примитивна и лишь приблизительно соответствует реальности. На самом деле каждая функция сексуальности в той или иной мере способствует реализации нескольких брачных (и не только) потребностей. Хотя, как правило, одна из связей оказывается значительно более тесной по сравнению с остальными.

Наиболее явной и наиболее специфичной представляется связь между прокреативной функцией сексуальности и потребностью в продолжении рода. Для ее описания в научном обиходе широко используется понятие «репродуктивное здоровье». Репродуктивное здоровье, как и сексуальность в целом, имеет соматическую и психологическую составляющие. Первая сводится к исправному функционированию системы размножения организма, вторая – к собственно желанию и психологической готовности рожать, воспитывать и содержать детей, (не секрет, что бесплодие, как нарушение репродуктивного здоровья, может иметь и соматические, и психологические причины [7]).

В этом плане интерес представляют и наблюдения за поведением женщин племени Мури, сделанные путешественником В. Эдвином. В упомянутом племени разрешены добрые сексуальные связи. Тем не менее, несмотря на отсутствие контрацептивов, до вступления в брак женщины Мури практически никогда не беременеют. Этот факт особенно наглядно свидетельствует о роли психологической составляющей в реализации такой, на первый взгляд исключительно биологически детерминированной, функции сексуальности, как прокреация.

Достаточно специфичной представляется и связь рекреативной функции сексуальности с потребностью в сексуальном удовлетворении. На психологическом уровне реализация этой функции проявляется целым «букетом» выраженных положительных эмоций. Организм же реагирует на интимную близость выбросом в кровь ряда биологически активных веществ, а также физиологическими изменениями, которые отследили в условиях эксперимента и детально описали У. Мастерс и В. Джонсон [8].

Наименьшей специфичностью обладает, пожалуй, менее всего изученная функция сексуальности – коммуникативная. В определенной степени она «обслуживает» каждую из брачных потребностей. Это не вызывает удивления, поскольку общение (по определению) является способом реализации любых форм актуальных отношений [9]. Ни интимные, ни сексуальные, ни брачные отношения здесь исключениями не являются.

При этом осуществление коммуникативной функции сексуальности сопряжено с использованием как вербальных, так и невербальных средств. В одних случаях супруги отдают предпочтение словам, в других неоспоримые преимущества оказываются «в распоряжении» у невербальных средств. Так, учитывая, что апогеем сексуальной близости являются оргастические переживания, нельзя не согласиться, что для признания в любви «язык тела» обладает несоизмеримо большими экспрессивными возможностями по сравнению с «языком слов».

Отдельно хотелось бы остановиться на той брачной потребности, которая приведена в нашем списке последней. Речь идет о потребности каждого из супругов получать подтверждение в браке собственной уникальности. Наши исследования свидетельствуют о том, что для большинства людей она является наиболее значимой из всех перечисленных выше и столь же часто эта интенция не осознается [10]. Ее удовлетворение связано, на наш взгляд, с еще одной функцией сексуальности. Хотя психоаналитические тексты буквально «пропитаны» мыслью о ней, по настоящее время она остается понятийно и терминологически не отраженной. Эту функцию можно обозначить как символическую.

Дело в том, что брак до сих пор мы рассматривали исключительно как форму межличностных взаимоотношений. Однако он, несомненно, является и социальным институтом, и, как любой социальный институт, призван организовывать и регулировать определенные сферы отношений, основываясь на общественных интересах. Если проанализировать те определения супружества, которые предлагают социологи и социальные психологи, то придется признать, что брак регламентирует именно отношения сексуальной близости, половую жизнь человека. Благодаря этому у общества появляется возможность контролировать рождение и социализацию детей; распространение инфекций, передающихся половым путем; миграционные процессы; родственные отношения, которые были догосударственной формой общественного устройства и составляют потенциальную угрозу государству и пр.

Нельзя также не отметить тот факт, что в современном мире преобладает моногамный брак, который подразумевает избирательный характер сексуальной близости. Социум посредством создаваемых им норм, традиций и законов культивирует эту избирательность. Ярким примером такого влияния являются законы, недавно введенные в некоторых провинциях КНР, согласно которым сексуально неверных супругов ожидают два года пребывания в исправительных лагерях.

Таким образом, брак в сознании человека прочно ассоциируется с исключительным правом на сексуальные контакты с супругом. Соответственно, и сама половая близость воспринимается как подтверждение собственной неповторимости, символизирует ее. Именно поэтому переживания измены и предательства возникают у человека не тогда, когда партнер по браку вступает во внебрачную сексуальную связь, а тогда, когда первому становится об этом известно. Осознание наличия такой связи приводит к ущемлению чувства уникальности своего Я. Подобные переживания, как правило, носят весьма бурный и тягостный характер. На наш взгляд, это происходит потому, что рассматриваемая интенция чаще всего занимает ведущее место в иерархии брачных потребностей.

Рассуждая о сексуальности человека и выполняемых ею функциях, нельзя не отметить, что последние могут быть связаны не только с браком, но и с рядом других потребностей. Даже если сузить представления о сексуальности до феномена половой близости, то можно выделить достаточно много мотивов, не связанных с супружеством, которые она позволяет реализовать. В этот перечень могут быть включены такие интенции, как удовлетворение сексуального любопытства, самоутверждение, месть, продвижение по служебной лестнице и приобретение власти, материальное вознаграждение, избегание наказания, избавление от невротических тревожных состояний и т.д. [11]. Соответственно, имея много общего как с брачными отношениями, так и с интимным Я каждого из супругов, их сексуальность в целом и половая близость в частности не сводимы ни к одному из этих феноменов.

Заключение

Существуют закономерные основания для того, чтобы рассматривать интимность, сексуальность и брак в качестве самостоятельных феноменов, имеющих как общие, так и существенно специфические компоненты. Под интимной сферой личности мы понимаем тайное, неповторимое, своеобразное содержание психической реальности человека, которое значимо для поддержания жизни и принадлежит только его Я, скрыто от посторонних людей, являясь для них невидимым и недоступным. Брак может быть определен как форма межличностных гендерных взаимоотношений, обладающая свойствами системы и являющаяся способом удовлетворения определенной группы (брачных) потребностей. Наконец, сексуальность, по нашему мнению, – это функциональная система анатомо-физиологических и психологических особенностей индивида, обуславливающих возможность и особенности его сексуальных отношений (включенности во взаимоотношения полов).

Традиционно принято выделять три функции сексуальности: рекреативную, прокреативную и коммуникативную. Все они (с определенной степенью избирательности) обеспе-

чивают возможность удовлетворения человеком своих брачных потребностей. С нашей точки зрения, сексуальность человека выполняет еще одну функцию – символическую. Она находит выражение в потребности одного супруга получать подтверждение собственной уникальности со стороны другого. Согласно полученным нами данным, для большинства людей данная интенция не осознается, но занимает при этом ведущее место в иерархии брачных потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Забота государства о семье – важнейшая задача социальной политики (актуальные вопросы нравственного здоровья нации) : информационный материал. – № 3 (16). – Минск : Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь. – 31 с.
2. Лагонда, Г. В. Феноменология интимности / Г. В. Лагонда, Е. Н. Голубева // Психология и школа. – 2006. – № 2. – С. 98–106.
3. Лагонда, Г. В. Половое воспитание и сексуальное развитие / Г. В. Лагонда // Работа с родителями : пособие для учителей начальных классов общеобразовательных учреждений ; под ред. М. П. Осиповой, Г. А. Бутрима. – Минск : УП «Экоперспектива», 2003. – С. 376–392.
4. Узы брака, узы свободы. Проблемы семьи и одиночества глазами ученых : сб. статей / сост. Т. Разумовская. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 222 с.
5. Лагонда, Г. В. К проблеме создания психологической теории брака / Г. В. Лагонда // Психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 72–81.
6. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб. : Питер, 1999. – 656 с.
7. Бесплодие в супружестве / под ред. И. Ф. Юнды. – Киев : «Здоровья», 1990. – 463 с.
8. Мастерс, У. Основы сексологии / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодны. – М. : Мир, 1998. – 423 с.
9. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект-пресс, 2000. – 375 с.
10. Лагонда, Г. В. Психологическое содержание феномена «супружеская измена» / Г. В. Лагонда // Вестник Брестского государственного политехнического университета. Гуманитарные науки. – 2004. – № 6 (30). – С. 228–230.
11. Шикун, А. И. Отношение молодежи к сексуальным проблемам / А. И. Шикун, Г. С. Стасевич, Г. В. Лагонда : материалы IX съезда работников профилактической медицины Республики Беларусь, Минск, 26–27 сентября 1996 г. / Министерство здравоохранения Республики Беларусь. – Минск, 1996. – Том 1. – С. 163–164.

Lagonda G.V. Sexuality and marriage: verges of intimate relations

The article deals with the psychological conformities to natural laws, uniting person's intimate sphere, sexuality and matrimonial relations. The author's definitions to the above mentioned phenomena, their similarity and differences are described. The structure, the functions and the dynamics of the development of the intimate sphere of a person are considered. The typical marriage requirements of a modern person are enumerated. The author grounds the rightful apportionment of such a marriage requirement as the need of one spouse for proving his/her being unique from the other's side, proves the statement about its high subjective significance for a modern marriage. The researcher links the substitution of this requirement with the symbolist function of sexuality. The article gives arguments in favor of the lawful apportionment of the given function equally with such accepted ones as recreative, procreative and communicative.

УДК 159.9 + 37.013.42

Е.А. Клещёва**ПОВТОРНОБРАЧНАЯ СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ**

В статье представлен теоретический анализ научной и научно-популярной литературы, статистические данные и данные эмпирических исследований по проблеме повторнобрачной семьи. Проанализированы подходы к определению различных понятий, описывающих семью повторного брака. Автор дает обоснование применения термина «повторнобрачная семья» для их обозначения. Проанализированы особенности функционирования повторнобрачной семьи, выделены основные психологические проблемы межличностного взаимодействия ее членов. Представлены результаты исследования представлений людей разного возраста о необходимости вступления в повторный брак, о закономерностях его развития и функционирования, о возможных последствиях для развития детей в семьях данной категории. В статью включены также данные исследования эмоционального компонента отношений ребенка и матери в условиях повторнобрачной семьи.

Введение

Феномен семьи повторного брака прочно вошел в круг научных интересов многих исследователей в области психологии. Стремительный рост числа семей данной категории дает основание к изучению причин и особенностей ее создания, функционирования ее членов, особенностей взаимодействия супружеской, детско-родительской и сиблинговой подсистем. Статистические данные 2006–2007 годов отделов ЗАГС Республики Беларусь подтверждают, что в 2006 году в Брестской области зарегистрировали брак 32 842 пары. Несмотря на то, что в 2006 году число браков заметно увеличилось, уже в 2007 году количество браков превысило показатели прошлого года на 6,3%. При этом почти 30% от общего числа зарегистрированных браков – это повторные браки. Следует отметить, что в среднем на каждые три зарегистрированных брака приходится более двух официальных разводов.

Поскольку развод значительно чаще является причиной прекращения брака, чем смерть супруга, то и среди общего числа вступающих в повторные браки намного больше разведенных, чем вдов и вдовцов. К тому же наблюдаются гендерные и культурные особенности вступления в повторный брак. Возможности вступления в повторный брак у мужчин выше, особенно в странах, где культурные традиции формируют негативное отношение к разведенным женщинам. Эти особенности семьи проявляются в детско-родительских отношениях, что определяет дополнительный предмет исследования и психологической практики помощи семье – взаимодействие и отношения неродного родителя с неродным ребенком. В этой статье мы анализируем различные подходы к описанию семьи повторного брака. Реализовывая поставленную цель, мы столкнулись с рядом противоречий: нет единого определения данной категории семей и общей точки зрения на ее особенности. Это связано с отсутствием единой терминологии, описывающей семью повторного брака, нет структурированного феноменологического анализа этих семей, недостаточно эмпирических и экспериментальных отечественных исследований их функционирования и развития.

Основная часть

Немногочисленные термины используются теми исследователями, которые

Научный руководитель – И.Е. Валитова, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии развития Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

тезисно описывают эти семьи и только обозначают их существование как психологическую проблему. Так, Д. Леви описывает «повторные семьи», основанные на повторном (не первом) браке, где вместе с супругами могут находиться дети от данного брака и дети кого-либо из супругов, приведенные ими в новую семью [1, с. 124]. Автор обозначает порядок вступления в брак, юридический статус семьи, качественный состав семьи (дети и родители) и возможную позицию одного из супругов до вступления в брак (вдовец, разведенный, мать/отец-одиночка). В. Сатир предложила термин «смешанная семья» [2, с. 116], и в описании этих семей она делает акцент на регулятивный компонент в отношениях неродных детей и неродных родителей. Поскольку в пространство такой семьи психологически включены и бывшие мужья, и бывшие жены, то они будут включены и в детско-родительские отношения в «смешанной», «перестроенной» семье. В. Сатир относит семьи повторного брака к проблемным семьям, требующим дополнительного внимания со стороны психолога.

Понятие «семья с приемными родителями» использовал А.И. Медков [3, с. 72]. Доминирующую роль в детско-родительских отношениях в такой семье автор отводит ребенку, который как бы «отбирает» для себя неродного родителя при помощи жестких к нему требований. Следовательно, неродной родитель, приходя в семью с уже установившимися семейными правилами и стереотипами взаимодействия, должен успешно пройти процесс интеграции, чтобы стать ее членом. Разделяя понятия «семья» и «брак», исследователь считает, что «лишь наличие триединого отношения супружества – родительства – родства позволяет говорить о конструировании семьи как таковой в ее строгой форме» [3, с. 67].

В.М. Целуйко называет такие семьи «сводными», тем самым изначально определяя позицию неродного родителя как чужого. Она пишет, что «у ребенка нет выбора: от него ждут и требуют вполне определенного отношения к чужому человеку, он должен жить с ним в одной семье, как с близким родственником» [4, с. 63]. Тогда как В.Н. Дружинин отмечает, что повторнобрачная семья является «нормальной», «обеспечивающей требуемый минимум благосостояния, социальной защиты и продвижения ее членам и создающей потребные условия для социализации детей до достижения ими психологической и физической зрелости» [5, с. 12]. Э.Г. Эйдмиллер не разграничивает семью первого и повторного брака. По его мнению, любая семья определяется как «группа совместно живущих людей». Это может быть как биологическая нуклеарная семья, так и семья с приемными родителями или детьми.

Основные типы повторных браков описал С. Кратохвилл [6]: союз разведенного мужчины среднего и пожилого возраста с молодой, свободной и бездетной женщиной; союз разведенного мужчины, дети которого остались с матерью, с разведенной женщиной с ребенком или несколькими детьми; брак вдовца со вдовой. Он отмечал позитивное значение повторного брака в создании новой семьи и предложил психологическое описание динамики отношений ее членов, состоящих в конкретном типе повторного брака. С. Кратохвилл предлагает рассматривать психологические проблемы взаимодействия с точки зрения выполнения и принятия той или иной роли каждым членом семьи.

Мы считаем, что наиболее оптимальным является термин «повторнобрачная семья», так как в нем отражены и порядок вступления в брак, и юридический статус семьи. В определении мы осознанно не делаем акцент на особенностях ролевых позиций членов семьи, так как каждая из семейных систем уникальна в своих особенностях взаимодействия. Опираясь на трактовку семьи по Т.А. Андреевой [7], мы можем дать определение повторнобрачной семьи. Повторнобрачная семья – это контактная группа родственников лиц (или юридически приравненных к ним), составляющих единое целое и ощущающих себя этим целым. Следовательно, для семьи повторного брака также ха-

рактерны нормативная заданность, гетерогенность состава, закрытость, полифункциональность, тотальность включенности и историчность.

Повторный брак рассматривается как ненормативный семейный кризис. Существующие исследования повторнобрачных семей позволяют выделить следующие аспекты ее изучения. Важной отличительной особенностью семьи является отсутствие кровного родства между некоторыми членами, составляющими ее ядро: детьми и родителями. Новые для изучения семейные роли отчима/мачехи и пасынка/падчерицы определяют недостаточно исследованные особенности семейного и детско-родительского взаимодействия. Включение нового человека в семейную систему предполагает установление качественно новых отношений с родителями супруга. Эта проблема актуальна и для семей первого брака. Однако отношения осложняются тем, что на вновь прибывшего супруга возможно проецирование старых отношений со стороны членов семьи. И, наконец, вызывает интерес исследователей непосредственное взаимодействие супругов в семье повторного брака.

Таким образом, все исследователи особенностей повторнобрачных семей делятся на две непропорциональные группы. Первая группа исследователей убеждены, что повторнобрачная семья в связи с невозможностью выполнения основных функций является либо полностью, либо частично (А. Бросс) дисфункциональной системой. Эта точка зрения отражена в представлениях о повторнобрачной семье, которые имели место в 70–80 годах XX века. Вторая группа исследователей (Н. Пезешкиан, Д. Теннов, В. Квинн, Т.В. Андреева и др.) считают, что повторный брак является осознанным актом человеческого поведения. Повторнобрачная семья – это естественный, необходимый, многофункциональный социальный институт, который в полной мере выполняет все свои функции.

В своем исследовании мы выясняли, каков характер представлений молодежи о повторнобрачной семье: как о дисфункциональной системе или как о системе, выполняющей свои функции [8, с. 42]. Фактически выявлялись стереотипные представления, так как у части респондентов нет опыта проживания в семьях повторного брака. В результате исследования мы пришли к выводам о том, что повторнобрачная семья рассматривается респондентами как частично дисфункциональная в воспитании неродных детей. У респондентов выявлены представления о возрастных особенностях нарушений коммуникативной функции: они полагают, что качество и время, требуемое для установления эмоционального контакта с неродным родителем, зависит от возраста ребенка на момент создания повторнобрачной семьи.

Представим далее результаты теоретического анализа и эмпирических исследований психологических проблем повторнобрачных семей. Практически во всех ее аспектах достаточно полно эту проблематику описала В. Сатир, [2]. Исследователь отмечает, что все смешанные семьи сталкиваются с трудностями уже с первого момента их существования. Она связывает это с тем, что в новой семье объединены люди, ранее уже состоявшие в иных семейных системах. Такая семья может состоять (в различных вариантах) из жены/мужа, детей жены/мужа, детей, рожденных в новом браке, и бывших супругов. Хотя все перечисленные люди, скорее всего, не могут вести совместного хозяйства, они в той или иной степени присутствуют в жизни друг друга, занимая определенное место. По мнению В. Сатир, смешанная, или повторнобрачная, семья живет и развивается благополучно при условии, если каждый ее член имеет определенную значимость.

Во взаимодействии супругов наиболее актуальной является проблема доверия. Чаще это относится к тем, кто уже пережил развод, сопровождающийся разочарованием в отношениях. В новом браке к новому супругу предъявляются более жесткие, повышенные требования, предполагающие оправдание вновь созданного образа идеаль-

ного супруга с иными качествами, чем у предыдущего. Мужчина и женщина не вступают в повторный брак, если обнаруживают у кандидата те же или сходные недостатки с бывшим супругом. Однако констатируем, что люди, побывавшие однажды в браке, оказываются более подготовленными к семейным ролям, более умелыми в организации быта и взаимоотношений.

По мнению В. Сатир, женщины, повторно выходящие замуж, подвержены стереотипному представлению о том, что ребенок может быть искусственно навязан новому отцу, тем самым они ограничивают их в открытом взаимодействии. Это порождает ряд новых проблем: невозможность, а порой и нежелание со стороны отца демонстрировать свой авторитет, отстранение от родительских обязанностей, частые конфликты с детьми, несоблюдение отцом семейных традиций из-за их непонимания или самостранения и т.д. Семейные традиции в семейной системе стабилизируют ее, а новый член семьи, безусловно, пытается внести в них свои коррективы. Хранителями традиций мы считаем близких родственников, входящих в систему (родители супругов, их предки старшего поколения и другие родственники), с мнением которых необходимо считаться.

Детско-родительские отношения в повторнобрачных семьях выстраиваются в условиях постоянного взаимодействия новых и бывших супругов. Есть данные, которые подтверждают, что для семейного благополучия важны согласованные требования к ребенку, который вынужден жить в ситуации, когда родители не только не могут быть вместе, но активно транслируют ребенку взаимные претензии. Оказалось важным для биологических родителей демонстрировать свои истинные эмоции в отношении друг к другу, тем самым предоставляя ребенку возможность выбора собственной стратегии поведения.

Большинство неродных родителей пытаются воссоздать атмосферу традиционной семьи. Однако функционирование повторнобрачной семьи строится по иным законам. Роль приемного родителя отличается от роли биологического родителя ребенка наличием законных прав. Дополнительные сложности во взаимоотношениях могут возникать из-за отсутствия общей семейной истории. Конфликтные ситуации детей и родителей в повторнобрачных семьях чаще всего вызваны несбывшимися ожиданиями, финансовыми трудностями, столкновением интересов, борьбой за власть и недостаточной определенностью норм поведения для детей.

В новой социальной ситуации оказываются как дети от первого, так и от второго брака, вынужденные принимать новых членов семьи. Существует мнение, что чем младше ребенок, тем проще установить с ним эмоциональный контакт. Согласно теории Э. Эриксона [9], каждая психосоциальная стадия развития человека включает ряд новообразований, способствующих установлению гармоничных или дисгармоничных отношений с новым членом семьи.

Так, младенчество характеризуется развитием доверия или недоверия. Степень развития у ребенка чувства доверия к другим людям зависит от качества полученной им материнской заботы. Оно связано со способностью матери передать своему ребенку чувство узнаваемости, постоянства и тождества переживаний. Несостоятельность матери и отвержение ею ребенка способствует появлению у него психосоциальной установки страха, подозрительности. Укрепление доверия к себе и к матери дает возможность ребенку переносить состояния фрустрации, которые он неизбежно будет переживать на протяжении следующих стадий своего развития. В этой симбиотической фазе отец не определяет развитие ребенка, хотя начинает приобретать существенное значение в его психическом развитии. Привязанность к отцу важна для формирования у ребенка гендерной идентичности и образа своего «Я». Привязанность отца к ребенку разъединяет диаду «мать–ребенок», давая ребенку альтернативный объект любви. В этот период по-

явление отчима или мачехи было бы безболезненным, так как с помощью телесного контакта, поглаживаний они могли бы внушить ребенку чувство доверия к ним.

Раннее детство (2–3 года) характеризуется приобретением определенной автономии и самоконтроля. Ребенок, взаимодействуя с родителями, обнаруживает, что родительский контроль может проявляться и как форма заботы, и как деструктивная форма ограничения действий. В этот период дети начинают исследовать свое окружение и взаимодействовать с ним более независимо. Э. Эриксон считал, что удовлетворительное разрешение кризиса на этой стадии зависит от готовности родителей постепенно предоставлять детям свободу самим осуществлять контроль над своими действиями. Э. Эриксон рассматривает переживания ребенка как аутоагрессию, когда ребенку не разрешается развивать свою автономию и самоконтроль. Идентификация с отцом в этот период дает детям возможность направлять свою агрессию на мать. В поведении ребенка это находит отражение в форме крика, плача, проблемах засыпания и сна, отклонений в пищевом поведении, задержке речевого развития, в трудностях адаптации в детском учреждении. Появление отчима в этот период позволит усилить и разрешить кризис данной стадии.

В возрасте игры (4–5 года) у детей появляется дополнительная ответственность за себя и за других (брат или сестра, игрушки, животные). Условиями для нормального развития ребенка на этой стадии является полная семья, позитивные отношения отца и матери. Условием перехода на следующую стадию является контакт со сверстниками, навыки распознавания и определения мужских и женских ролей, идентификации себя со значимыми членами семьи. Отсутствие отца на этой стадии может явиться причиной нарушения развития ребенка. Следовательно, отчим необходим для формирования у ребенка представлений о полоролевых отношениях мужчины и женщины, определения внутренней позиции по отношению к этой дихотомии. Для успешного развития ребенка в этой фазе необходимо, чтобы мать исключила привязанность ребенка только к ней самой и побудила ребенка к отношениям с отчимом. Эта стадия развития ребенка благоприятна для вступления одного из родителей в повторный брак. Так как в данном возрасте ребенок ищет недостающего ему родителя в каждом человеке, он готов принять любого.

В школьном возрасте (6–12 лет) отсутствие третьей (отцовской) фигуры в семье провоцирует неудовлетворение познавательного интереса у ребенка. Это приводит к «застреванию» его на предыдущей стадии развития. Происходит фиксация на агрессивном отношении к матери, что задерживает или ведет к срыву процесса индивидуализации. При незавершенной индивидуализации по причине отсутствия третьего объекта дети демонстрируют крайне агрессивное отношение к матери. Противоположная ситуация, когда ребенок воспитывается в полной семье, предполагает, что сформированное ранее чувство привязанности к матери только усиливается. Безусловно, на привязанность влияет ряд условий: поведение матери, настроенность на ребенка, эмоциональное принятие и т.д. Повторный брак предполагает установление новых супружеских отношений, и нивелирование детско-родительских отношений на некоторый период времени. Следовательно, есть вероятность изменения поведения матери по отношению к ребенку.

Мы предположили, что данное условие (повторный брак матери) может повлиять на наличие надежной привязанности ребенка. Мы проверили это предположение, используя проективную методику Н. Каплан для определения особенностей эмоциональной привязанности ребенка к матери [10]. В исследовании принимали участие 40 детей в возрасте от 5 до 8 лет, из них 20 детей – из семей первого брака и столько же – из повторнобрачных семей. Возраст респондентов выбран не случайно. В указанном возрасте проблемы во взаимодействии с другими людьми минимальны, а пробле-

мы во взаимодействии матери и ребенка выражены в наибольшей степени. Это характеризует данный возраст как наиболее напряженный для семьи. К тому же, наиболее ярко личностное начало в привязанности ребенка к матери проявляется в дошкольном возрасте и является обязательным в ходе развития новообразованием.

Анализ полученных данных показал, что в данной выборке детей в обеих группах наблюдаются следующие типы привязанности: надежный, тревожно-избегающий, тревожно-амбивалентный; дезорганизованный тип привязанности выявлен не был. Преобладающим типом привязанности в этой выборке респондентов является надежный тип. Сопоставление результатов по группам детей из семей первого брака и повторнобрачных семей показало, что распределение типов привязанности к матери не имеет статистически значимых различий ($\chi^2_{\text{эмп.}} = 0,18 < \chi^2_{\text{крит.}} = 9,210$ при $\leq 0,01$). Таким образом, при повторном браке матери может сформироваться любой тип привязанности ребенка, в том числе и надежный. Результаты исследования свидетельствуют, что в семьях первого брака и повторнобрачных семьях имеют место все типы привязанности в равном соотношении.

В подростковом и юношеском возрасте (13–19 лет) кризис детско-родительского взаимодействия основывается на гендерных различиях детей. Э.Г. Эйдемиллер отмечает, что конфликтуют с отчимом чаще мальчики. Но, нуждаясь в мужском общении, особенно с 11 до 15 лет, дети обнаруживают тягу к собственному полу и неприятие противоположного пола. У отчимова чаще возникают конфликты с девочками. У последних появляются страхи такого рода: недостаток внимания матери из-за появления нового человека, опасения потерять ее любовь. При появлении общего ребенка у отчима появляется возможность сравнивать свое отношение к родному и неродному ребенку. Появляется доминирующий эмоциональный фактор – ревность. К тому же, большое сопротивление повторному браку оказывают дети именно 10–15 лет. В этом возрасте у подростка сформирован образ идеальной семьи с определенной ролью каждого члена в ней. Важно, что в его структуре семьи полностью отсутствует второй родитель.

Своеобразными являются и отношения между сиблингами. Можно отметить, что большинство детей не воспринимают неродных братьев и (или) сестер, считая их двоюродными или чужими. Возникает временная ролевая диспозиция ребенка в сиблинговых взаимоотношениях.

Научные взгляды на проблему повторнобрачных семей во многом совпадают с представлениями обыденного сознания. Мы выясняли представления мужчин и женщин от 18 до 80 лет о браке, о разных категориях семей и сравнивали их точки зрения [11]. Большинство респондентов видят необходимость вступления в повторный брак. Они считают, что брак может быть счастливым, а семья благополучной при учете всех ошибок в первом браке. Женщины 18–24 лет думают, что ребенок переживает стресс при втором браке его родителя. Женщины же старшего возраста уверены, что второй брак отца или матери оказывает положительное воздействие на ребенка. Однако респонденты высказывают опасения по поводу отсутствия любви к неродному ребенку. В то же время они считают, что отношение к ребенку зависит от отношения к его матери. Мужчины высказывают опасения того же рода. Они считают, что возраст ребенка влияет на успешность адаптации к неродному родителю.

Заключение

Анализ научной литературы и некоторые эмпирические исследования показали, что проблема повторных браков включена в круг интересов ученых-теоретиков, психологов-практиков, находит свое отражение в научной и научно-популярной литературе, однако по-прежнему остается актуальной и малоизученной. Ситуация увеличения семей повторного брака вызывает необходимость изучения отношений между всеми чле-

нами такой семьи, разработки рекомендаций для практиков, оказывающих помощь повторнобрачной семье. Наибольшей значимостью в исследовательском и практическом планах, как показало наше исследование, является изучение отношений между неродным родителем и неродным ребенком в повторнобрачной семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леви, Д. Семейная психотерапия, история, теория и практика / Д. Леви. – СПб. : Аима, 1993. – 346 с.
2. Сатир, В. Как строить себя и свою семью / В. Сатир ; пер. с англ.: изд. – М. : Педагогика-Пресс, 1992. — 192 с.
3. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – М. : МГУ ; Из-во Междунар. университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. – 528 с.
4. Целуйко, В. М. Родители и дети: психология взаимоотношений в семье / В. М. Целуйко. – Мозырь : Содействие, 2006. – 224 с.
5. Дружинин, В. Н. Психология семьи / В. Н. Дружинин 3-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 176 с.
6. Крадохвилл, С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний / С. Крадохвилл. – М., 1991. – 336 с.
7. Андреева, Т. В. Психология современной семьи : монография / Т. В. Андреева. – СПб. : Речь, 2005. – 436 с.
8. Клещёва, Е. А. Повторнобрачная семья: представления о дисфункциональности системы / Е. А. Клещева // Традиции и перспективы развития психологии в Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф. молодых ученых, Брест, 26 апр. 2007 г. / Брест, гос. ун-т им. А.С. Пушкина, психол.-пед. фак., каф. психологии. – Брест : БрГУ, 2007. – С. 42–45.
9. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – М. : Университетская книга, 1996. – 592 с.
10. Бурменская, Г. В. Методики диагностики привязанности к матери ребенка дошкольного и младшего школьного возраста / Г. В. Бурменская // Психологическая диагностика. – 2005. – № 4. – С. 9–44.
11. Клещёва, Е. А. Представления мужчин и женщин о разных категориях семей / Е. А. Клещева // Женщина. Общество. Образование : материалы 9-ой междунар. междисциплин. науч.-практ. конф., Минск, 15–16 декабря 2006 г. – Минск : ЖИ ЭНВИЛА, 2007. – С. 318–321.

Kleshcheva E.A. Reconstituted family □ problems in psychology

The theoretical analysis of the scientific literature, statistical data and data of empirical researches on reconstituted family □ problems is presented. Approaches to understanding of the various terms describing family of remarriage are analyzed, definitions of families of the given category are offered. The author gives a substantiation of application of the term «reconstituted family» for their designation. Features of functioning reconstituted families have been analyzed. Results of research of representations of people of different ages about necessity of the introduction into remarriage, about laws of its development, functioning and possible consequences for development of children in families of the given category are presented. The given researches of an emotional component of attitudes of the child and mother are included into the article in conditions of reconstituted families.

УДК 378.124: 51

Н.В. Бровка

ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНОВ ДИАЛЕКТИКИ В РАЗВИТИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

История развития педагогической интеграции с начала XX века по настоящее время насчитывает четыре качественно различающихся этапа: комплексность и предметность (трудовая школа), предметность и межпредметность, межпредметные связи и интегрированные учебные курсы и этап разработки теоретико-методологических положений собственно педагогической интеграции. В соответствии с логикой развития интеграционных процессов в образовании, выделены основные законы диалектики, нашедшие отражение на каждом из этапов развития интеграции. Математика относится к естественным наукам, стоящим у истоков изучения единства человека, природы и общества. В статье приведена последовательность формирования у студентов представлений о современной научной картине мира в процессе обучения, перечислены дидактические принципы обучения, которые являются естественным следствием диалектических законов и лежат в основе интеграции теории и практики обучения студентов математике.

Введение

Общефилософской основой методологии научного исследования, как известно, является, диалектическая теория познания. В современной научной литературе методология педагогики чаще всего трактуется как теория методов педагогического исследования, а также как теория для создания образовательных и воспитательных концепций [4, с. 72]. Кроме того, к методологическим относятся те исследования, в которых «изучается не сам педагогический процесс, а способы его отражения в педагогической науке» [5, с. 28]. Методологическому анализу основных законов диалектики, характерных для различных периодов развития педагогической интеграции, и посвящена данная статья. Анализ научно-методической и философской литературы показывает, что трактовка понятия методологии будет наиболее полной, если она опирается на совокупность следующих действий:

- определяет способы получения научных знаний, отражающих постоянно меняющуюся педагогическую действительность (М.А. Данилов);
- направляет, предопределяет основной путь достижения определенной научно-исследовательской цели (П.В. Копнин);
- обеспечивает всесторонность получения информации об изучаемом процессе или явлении (М.Н. Скаткин);
- помогает введению новой информации в теорию педагогики (Ф.Ф. Королев);
- способствует уточнению, обогащению, систематизации терминов и понятий в науке (П.Р. Атутов [7], В.Е. Гмурман);
- создает систему научной информации на основе фактов и логико-аналитического инструмента научного познания (Н.К. Гончаров, М.Н. Скаткин);
- обеспечивает получение максимально объективной, систематизированной информации о педагогических процессах и явлениях (А.И. Кочетов [4]).

В образовательной системе наблюдаются такие нежелательные явления, как

- отсутствие взаимопонимания между теоретиками и практиками в силу различного подхода к одним и тем же явлениям с позиций логики науки и логики практической деятельности;

- наука уходит внутрь себя, обслуживая нужды собственного развития;
- практика занимается популяризацией науки, а не использованием самих научных разработок в силу их сложности и абстрактности;
- система внедрения научных разработок в практику недостаточно эффективна;
- научно-диагностические методы изучения эффективности экспериментальных методик зачастую сложны для практического использования и узконаправлены по назначению;
- многие идеи педагогической науки выглядят как непонятное теоретизирование [4; 5; 7].

Общая задача ученых и практиков состоит в преодолении названных явлений.

Педагогическая интеграция и законы диалектики

На различных этапах становления и развития интегративных процессов в образовании основополагающую роль играли разные законы диалектики. Анализ этапов диалектического развития интегративных процессов в российском образовании XX века позволил установить, что законы единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные, взаимосвязи единичного и общего, взаимодействия теории и практики способствовали развитию соответствующих этапов интеграции.

Логика исторического развития интегративных процессов в российском образовании XX века и соответствующие законы диалектики, наиболее характерные для каждого из этапов, отражены в следующей таблице 1.

Таблица 1 – Диалектическое развитие интегративных процессов в российском образовании XX века

Исторический период	Законы диалектики, нашедшие отражение на данном этапе развития интеграции	Соответствующие этапы развития интеграции
Начало XX века – 30-е гг.	Единство и борьба противоположностей	Комплексность и предметность (трудовая школа)
30-е гг. – 70-е гг.	Отрицание отрицания	Предметность и межпредметность
70-е – 90-е гг.	Переход количественных изменений в качественные	Межпредметные связи и интегрированные учебные курсы
С 90-х гг. XX века по настоящее время	Взаимосвязи единичного и общего; взаимосвязи теории и практики	Теоретико-методологические положения педагогической интеграции

На первом этапе – в период от начала XX века до начала 30-х годов – был период комплексности (трудовая школа) и предметности. В логике построения обучения в трудовой школе *комплексность и предметность* представляли собой две диалектические противоположности. *Комплексность* как новый способ организации образовательного процесса в России получает развитие через реализацию идей проблемно-комплексного, социально-проективного, затем трудового обучения.

Предметность предполагала структурирование обучения по видам культурной деятельности (чтение, письмо, музыка и т.д.), либо в соответствии с областями науки (физика, химия, математика и т.д.). Трудовая школа совмещала две такие по-разному

организованные образовательные системы и была воплощением диалектических противоположностей. Традиционное обучение полностью отрицалось. Предполагалось, что комплексность полностью заменит якобы устаревшее предметное обучение. Комплексное обучение в России практиковалось в 20-х годах только в начальной школе. Однако предметность не могла быть отменена, так как она использовалась в организации образовательного процесса в традиционной школе тысячелетиями, и по этой причине трудовая школа представляла собой образовательную систему, совмещающую два противоположных диалектических принципа – комплексность и предметность. В силу указанных противоречий в трудовой школе проявления интеграции не могли быть продуктивными.

Следующий этап начался в 1931 году с выходом Постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе»: завершается период комплексности, уступая место предметности. Тем не менее, в конце 50-х годов идеи комплексного обучения вновь возрождаются в форме *межпредметных связей*. Обе педагогические идеи – комплексность и межпредметные связи – обязаны своим становлением необходимостью реализации связи обучения с жизнью, социальной средой, с формированием целостного (интегрального) представления о реальном мире.

С начала 70-х годов начался период, когда межпредметность рассматривалась российскими педагогами как принцип дидактики. Причем межпредметность и предметность стали равнозначными дидактическими принципами (межпредметность – теоретически, предметность – практически) [2].

В 70–90-е годы получили широкое развитие межпредметные связи и интегрированные учебные курсы. К ним относят курсы, «знакомящие с интегративными явлениями в науках» [2, с. 57]. Интегрированные курсы явились упрощенной системой межпредметных связей, используемой учителями-предметниками. Способы создания интегрированных курсов, их классификация, понятие интегрирующего фактора наполняются конкретным содержанием в трудах ростовских ученых под руководством В.Г. Фоменко [13]. Интегрированный курс представляет собой учебную дисциплину, составленную из фрагментов содержания разных предметов с привлечением дополнительного содержания, расширяющего данную предметную область. Главная дидактическая задача таких курсов состояла в преодолении (или хотя бы смягчении) проблемы предметной разобщенности учебного содержания. Однако этот творческий замысел завершается в конце века возвращением к той же предметной системе.

Таким образом, история интеграции в XX веке представлена этапами: комплексное обучение – межпредметные связи – интеграция – интегрированные курсы.

Интеграция в 90-х годах воспроизводила старые дидактические формы и принципы на качественно новом уровне, на новых научно-теоретических положениях.

В научном осмыслении интеграции важную роль играет изучение последовательности исторических фактов. История вопроса и логика проводимых исследований взаимосвязаны. Методологическая основа интеграции восходит к философской мысли русских и зарубежных ученых о целостности человека и необходимости интегрированного подхода к изучению окружающего нас мира. Я.А. Коменский, К.Д. Ушинский, Н.Н. Страхов, П.А. Флоренский, В.И. Вернадский и другие философы неоднократно высказывали мысль о гармоническом единстве человека и Вселенной. Они подчеркивали необходимость изучать совокупное целое, а не нечто отрывочное или разорванное [3]. Такому изучению во многом способствует интеграция теории и практики обучения. В образовании формирование видения научной картины мира является общей задачей всех современных наук с обязательным участием философии. А.Н. Сендер и Т.В. Ничишина выделили формирование научной картины мира средствами математики, использование знаний, развивающихся по спирали, рассмотрение потребностей

практики в качестве движущих сил процесса познания как важнейшие общекультурные основания гуманизации математического образования в начальной школе [8].

Идея гуманизации образования и места математики в этом процессе развита в монографии А.П. Сманцера и Л.В. Кондрашевой: «... Ценностно-смысловое осмысление математического знания... обеспечивает формирование и развитие знаний учащихся о единстве природы, системной ее организации и ...развитии представлений учащихся о цели современного естественно-математического знания» [9, с. 126].

Познание мира невозможно без изучения целого ряда наук и теорий и их рассмотрения с точки зрения диалектической взаимосвязи и единства. Последовательность формирования у обучаемых представлений о научной картине мира можно условно разделить на четыре ступени (рисунок 1) :

I. Ознакомление с основами естественных наук (математики, физики, биологии, химии и др.) и общественных наук (философии, обществоведения, истории и др.), изучение методов их познания [12].

II. Изучение законов развития природы, общества и мышления.

III. Знание основ естественных наук и общественных наук, методов познания.

IV. Формирование видения современной научной картины мира.

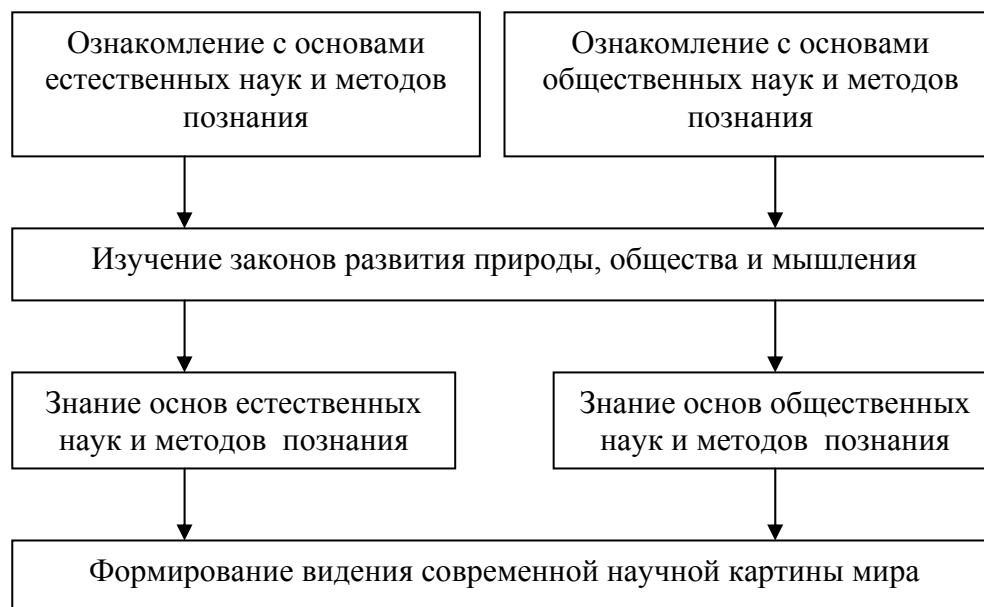

Рисунок 1 – Схема последовательности формирования представлений о научной картине мира в процессе обучения

Математика относится к естественным наукам, стоящим у истоков изучения современной научной картины мира. Специфика науки и, в частности, математики в том и состоит, что она придает однозначность понятиям посредством определений, которые учитывают правила отождествления и различения объектов. Важной особенностью познания является *преемственность*. Нет прямой зависимости между «многознанием» и способностью человека всю многообразную мозаику знаний сложить в единую целостную картину мира. В этой связи А.П. Сманцер пишет: «В целостной системе непрерывного образования можно выделить ряд взаимосвязанных и взаимодействующих ступеней, между которыми должна быть осуществлена сквозная вертикальная интеграция, которая должна обеспечивать планомерность, целостность и поступательность процесса развития личности, преемственность ее общего и профессионального образования» [10, с. 288].

Развитие познания осуществляется таким образом, что новое содержание, новые понятийные системы взаимодействуют с имеющимися ранее, включают прежнее знание как частный случай новой системы знаний и перестраивают их содержание. В этом процессе стихийно проявляется *диалектический закон отрицания*. Возникновение новых понятий, формирование новых знаний на следующем, более высоком, уровне – уровне абстрактного мышления – не ведет к отрицанию имеющихся ранее, а позволяет уточнить границы полученных представлений, вобрать в себя все разнообразие связей и отношений объектов.

«Диалектическая логика требует *находить общее в единичном* и на этой основе объединять понятия в системе» [1, с. 86]. Именно «интеграция обеспечивает совместимость научных знаний из разных систем благодаря общей методологии, универсальным логическим приемам современного мышления» [6, с. 23], способствует использованию единых методов исследования и общеметодологических средств познания.

Известно, что из дидактических принципов обучения *принцип связи теории с практикой* всегда был одним из ведущих, наряду с принципами научности, наглядности, доступности, систематичности, сознательности и активности, оптимальности. Реализация принципа связи теории с практикой в обучении предполагает, что изучаемая информация имеет видимую для обучаемых реальную основу, создается, исходя из опыта, и закрепляется в нем. Тем самым связь осуществляется в направлениях от теории к практике и от практики к теории, а обучение, построенное на памяти, заменяется обучением, построенным на мышлении [4].

Часто новая или непонятная информация воспринимается как ненужная, так как нарушает знакомую обучаемому картину мира. Именно интеграция теории и практики в процессе обучения может способствовать развитию способности к преодолению возникающего в этом случае психологического барьера. Связь теории с практикой, благодаря органическим связям межпредметных знаний, умений и навыков, способствует развитию наиболее ценных качеств: сообразительности, любознательности, интереса к учению, гибкости мышления. Эта взаимосвязь представляет собой наиболее важную и сложную часть учебного процесса и является общей чертой и для процесса обучения, и для процесса исследования. Н. К. Степаненков писал: «... Педагогика в теории ... раскрывает закономерности обучения и воспитания, а диалектическое применение этих закономерностей на практике есть не что иное, как искусство. Творческое взаимодействие теории и практики превращает педагогику в науку и искусство» [11, с. 9].

Выводы

Развитие любой системы предполагает наличие дифференциации в ней: при взаимодействии составляющих систему элементов изменяются их качества и свойства, может изменяться количество составляющих систему элементов. Происходит переход количества в качество, а качественные изменения, в свою очередь, влияют на количество. Изменение и усложнение внутренних и внешних отношений на определенном этапе нарушают целостность, замкнутость образовательной системы, угрожают ей разрушением, поскольку она перестает отвечать внешним требованиям. Возникают новые проблемы в эффективном решении новых образовательных задач. Такой «переломный» момент требует поиска новых образовательных форм, что вызывает к жизни интегративные процессы. При этом в процесс интеграции включаются новые составляющие. Таким образом, происходит диалектическое взаимодействие процессов дифференциации и интеграции в образовательной системе. Интеграция педагогической науки и практики, разработка методологических, концептуальных и прикладных аспектов педагогической интеграции – проблема, которая приобретает в настоящее время особое значение.

Основополагающим для осмысления, разработки и развития теоретического, содержательного и процессуального аспектов педагогической интеграции теории и практики обучения математике является выявление методологических составляющих такой интеграции, которые, в свою очередь, детерминируются диалектическими законами единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, взаимосвязи единичного и общего, теории с практикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блещкан, М. И. Диалектика формирования научных абстракций / М. И. Блещкан. – Львов : Вища школа, 1989. – 190 с.
2. Данилюк, А. Я. Теория интеграции образования / А. Я. Данилюк. – Ростов н/Д. : Рост. пед. ун-т, 2000. – 440 с.
3. Педагогическое наследие / Я. А. Коменский [и др.] ; сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский. – Москва : Просвещение, 1989. – 416 с.
4. Кочетов, А. И. Культура педагогического исследования / А. И. Кочетов. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 1996. – 328 с.
5. Краевский, В. В. Соотношение педагогической науки и педагогической практики / В. В. Краевский. – Москва : Знание, 1977. – 64 с.
6. Максимова, В. Н. Межпредметные связи в учебном процессе / В. Н. Максимова. – Москва : Просвещение, 1988. – 189 с.
7. Методологические проблемы развития педагогической науки / редкол.: П. Р. Атутов [и др.]. – Москва : Педагогика, 1985. – 240 с.
8. Сендер, А. Н. Гуманитарно-ориентированное математическое образование в начальной школе : монография / А. Н. Сендер, Т. В. Ничишина. – Брест : БрГУ, 2005. – 260 с.
9. Сманцер, А. П. Гуманизация педагогического процесса в современной школе / А. П. Сманцер, Л. В. Кондрашова. – Минск : Бестпринт, 2001. – 307 с.
10. Сманцер, А. П. Педагогические основы преемственности в обучении школьников и студентов: теория и практика / А. П. Сманцер. – Минск : Белорусский государственный университет, 1995. – 287 с.
11. Степаненков, Н. К. Педагогика : учеб. пособие / Н. К. Степаненков. – Минск : В. Н. Скакун, 1998. – 448 с.
12. Третьяков, Л. Н. Формирование у учащихся понятий о естественно научной картине мира при условии межпредметных связей / Л. Н. Третьяков // Межпредметные связи естественно-математических дисциплин : пособие для учителей / под ред. В. Н. Федоровой. – Москва : Просвещение, 1980. – 208 с.
13. Фоменко, В. Т. Построение процесса обучения на интегративной основе / В. Г. Фоменко. – Ростов-н-Д. : Рост. пед. ун-т, 1996. – 186 с.

Brovka N.V. The Methodological Analysis of the Main Laws of Dialectics During the Process of the Pedagogical Integration Development

The history of pedagogical integration from the beginning XX century up to nowadays runs to four qualitatively different stages such as complexness and subjectness (labour schools); subjectness and intersubject links and integration academic courses and the stage of elaboration of the theoretic-methodological propositions particularly the pedagogical integration. According to the logic of integrational process development in education the main laws of Dialectics have been singled out. They have an effect on each stage of the integration development. Due to the fact that Maths refers to natural sciences being the source of learning of Man's unity there is a sequence of forming ideas about a contemporary scientific outlook in the process of students' learning in the article. The Didactics principles of education were enumerated. They have their sources from Dialectical laws being basic for carrying out the integration of theory and practice teaching for Maths students.

УДК 37:0018

С.Н. Северин

ГЕНЕЗИС ПАРАДИГМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье раскрывается специфика и генезис парадигмы гуманитарного исследования, интегрирующей логический и субъективно-иррациональный аспекты, осуществляется сравнительная характеристика естественнонаучной и гуманитарной парадигм. На основе рефлексии результатов методологических исследований, осуществленных под руководством академика В.В. Краевского, уточняется структурно-логическая модель (парадигма) прикладного педагогического исследования и вектора ее возможной трансформации с учетом специфики гуманитарного познания. Содержательно представлена корреляция между логикой, задачами и результатами педагогического исследования. Конкретизируется сущность аксиологического компонента парадигмы прикладного педагогического исследования, а также определяются содержательные элементы ценностного сознания педагога-исследователя как компонента методологической культуры и фактора интеграции рационально-логического и субъективно-иррационального аспектов в научном познании.

Введение

В научно-педагогической литературе понятие «парадигма» трактуется как структурно-логическая модель научного исследования и как модель образования. Однако педагогика как наука, объектом которой является образование, и собственно образование – это разные реальности. Научно-исследовательская и практикообразовательная деятельность отличаются целями, средствами и результатами. Понятие «парадигма» рассматривается в статье как модель научной деятельности, интегрирующая теоретические, методологические стандарты, ценностные критерии. Исследователи указывают на специфику естественнонаучной и гуманитарной парадигм, существование особого социально-гуманитарного типа научности. Парадигма науки (педагогической науки) не может быть неизменной. Анализ современных исследований в области общей и нормативной методологии педагогики позволяет выделить аспекты преобразования парадигмы педагогического исследования, в частности, включение аксиологического компонента в логическую структуру педагогического исследования, что адекватно природе гуманитарного познания.

Специфика естественнонаучной и гуманитарной парадигм

В философии науки парадигма – это система теоретических, методологических, аксиологических установок, принятых в качестве модели, образца, схемы, эталона решения научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества [1].

Методологи Е.В. Бережнова, В.И. Загвязинский, А.Ф. Закирова, В.В. Краевский, В.М. Полонский, В.Ф. Курлов, Е.Д. Рудельсон, В.И. Слободчиков, В.С. Швырев, Э.Г. Юдин и другие указывают на специфику естественнонаучной и гуманитарной научных парадигм [1–4; 6–12].

Объектом исследования гуманитарной науки являются духовные и культурные феномены, связанные с человеком. Гуманитарный объект и собственно гуманитарное знание имеют рефлексивную природу: ученый-гуманитарий осуществляет рефлексии культурных (научных) текстов, и гуманитарное знание, полученное исследователем, в дальнейшем также подвергается рефлексии.

Объект гуманитарного исследования является «жизненным», «активным» в отношении познающего субъекта. Для гуманитарного познания характерно прямое или косвенное взаимовлияние субъекта и объекта исследования: культурный феномен, высту-

пая объектом гуманитарного исследования, оказывает влияние на ценностное сознание, мировоззрение исследователя. Исследователь не только объясняет культурный феномен, но и оценивает его, наполняет собственным смыслом, преобразует в соответствии с идеалами, культурными образцами.

Для естественных наук характерно стремление к выявлению и формулировке жестких законов, аксиоматизации научного знания. Гуманитарное знание почти не поддается аксиоматизации. Сложно выявить и сформулировать однозначные законы в социально-гуманитарной сфере. Можно говорить лишь о закономерностях-тенденциях.

Процесс и результат естественнонаучных исследований в большей степени объективны. На процесс и результат гуманитарного исследования существенное влияние оказывают ценностные установки исследователя, его мировоззрение, что обуславливает вариативность методологических подходов, аксиологических оснований исследования и, как следствие, различие концептуальных моделей, гипотез, дидактических и методических систем и т.п.

Для естественных наук характерна жесткая логика исследования, аргументированность, доказательность, для гуманитарных – вариативная логика исследования, недостаточная аргументированность, логическая корректность, выводы в большей степени вероятностны.

В естественнонаучном исследовании целесообразно и обоснованно используется математический аппарат: формулы, аксиомы, математическое моделирование и др., возможности которого в рамках гуманитарного исследования ограничены. В гуманитарном исследовании доминирующими являются качественные методы, статистические методы обработки данных (при условии их целесообразного использования и корректной интерпретации данных статистических расчетов). Для гуманитарных наук характерно отсутствие однозначных, явных и ясных определений категорий и понятий. Для естественных наук в большей степени характерны понятийная определенность и терминологическая однозначность.

Естественнонаучное исследование ориентировано на выявление общих законов, на построение типов, классификаций, систематик. Единичность и индивидуальность не являются самоцелью естественнонаучного исследования. Гуманитарное познание ориентировано на изучение индивидуальности, обращено к духовному миру конкретного человека, к его ценностно-смысловой сфере.

Исследование сложных гуманитарных объектов включает этапы описания (раскрыть, что есть гуманитарный объект на эмпирическом и теоретическом уровнях – «знание о сущем»), оценки (сопоставить культурный феномен с существующими ценностями, идеалами), конструирования норм (определить, каким должен быть исследуемый объект и как его преобразовать, с помощью каких средств в соответствии с идеалом, теоретической моделью – «знание о должном»).

В структуре методологического знания И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин выделяют следующие уровни: философский, общенаучный, конкретно-научный, методики и техники исследования [3; 12]. Считаем, что является правомерным выделение и уровня методологии гуманитарных наук, включающего специфические методологические подходы: антропологический, культурологический, аксиологический, феноменологический, герменевтический – наиболее адекватные природе гуманитарного познания.

Таким образом, является очевидным существование особого социально-гуманитарного типа научности (В.С. Швырев, Э.Г. Юдин, Е.Д. Рудельсон и др.). Однако педагогические исследования в большей степени ориентированы на естественнонаучный идеал.

Парадигма науки и парадигма образования

Понятие «парадигма», как оно определяется в общей методологии науки, относится не к объекту науки, а к самой научной деятельности: парадигма – модель научной деятельности как совокупность теоретических стандартов, методологических норм, ценностных критериев [7]. В этой связи, понятия «парадигма образования», «лично-ориентированная парадигма образования» [5] и т.п. не имеют научного статуса.

Таблица 1 – Различия практической, специально-научной и методологической деятельности в области педагогики

Категории деятельности	Виды деятельности		
	практическая	научная	
		специально-научное исследование	методологическое исследование
Объект	Человек, которого обучают и воспитывают	Педагогический процесс (обучение, воспитание)	Педагогическая наука (научное исследование в педагогике)
Средства	Методы, приемы, организационные формы обучения, воспитания, ТСО...	Методы исследования: <u>теоретические</u> : теоретический анализ и синтез, идеализация, моделирование, мысленный эксперимент, создание гипотез; <u>эмпирические</u> : обобщение педагогического опыта, наблюдение, педагогический эксперимент, опытная работа, педагогическое консультирование, метод экспертных оценок, рефлексия, методы математической статистики	Методы исследования: <u>теоретические</u> : теоретический анализ и синтез, идеализация, моделирование, мысленный эксперимент, создание гипотез...; <u>эмпирические</u> : обобщение опыта научно-исследовательской деятельности, педагогическое консультирование, метод экспертных оценок, рефлексия, методы математической статистики
Результат	Обученность, воспитанность, компетентность, образованность как качества личности	Знания: <u>эмпирические</u> : эмпирические факты (обобщенный опыт обучения и воспитания как эмпирический материал для теоретического анализа); <u>теоретические</u> : сущность и структура педагогического процесса (обучения, воспитания); структура и уровни содержания образования; педагогические закономерности; <u>нормативные</u> : принцип дидактический; принцип методический; метод, приемы, формы обучения и воспитания; методика	Знания: <u>эмпирические</u> : эмпирические факты (обобщенный опыт научно-исследовательской деятельности как эмпирический материал для теоретического анализа); <u>теоретические</u> : структура, функции, закономерности и тенденции развития педагогической науки; структура научного знания; сущность педагогического исследования; <u>нормативные</u> : методологические принципы; теоретические и эмпирические методы исследования; логика и критерии качества педагогического исследования

Научное проектирование лично-ориентированных моделей образования (развитие человека как самоцель и ценность образования; воспитанник как самоценность, как субъект познания, творчества, жизненного и профессионального самоопределения, рефлексии, развития; моделирование образовательного пространства, направленного на

развитие интеллектуальных, креативных и др. способностей) продуктивно реализуется в контексте существующей парадигмы педагогики – структуры и логики педагогического исследования. Это не требует трансформации парадигмы педагогической науки в том смысле, в каком она понимается в современной методологии науки, т.е. как модели научной деятельности. Меняется не модель научного исследования, не парадигма педагогики, а модель образования [7]. Остаются константными и методологические характеристики педагогического исследования (проблема, тема, актуальность, объект, предмет, цель, задачи исследования, гипотеза, теоретическая и практическая значимость).

Парадигма прикладного педагогического исследования

Однако парадигма науки (педагогической науки) не может быть неизменной. Анализ современных исследований в области общей и нормативной методологии педагогики позволяет выделить аспекты возможного преобразования парадигмы (структурно-логической модели) педагогического исследования.

Логика педагогического исследования – это последовательность этапов научного познания в области педагогики. Намечая логику своего исследования, ученый формулирует ряд частных исследовательских задач, направленных на получение промежуточных результатов [7]. В комплексе задачи исследования отражают логику достижения цели (таблица 2).

Таблица 2 – Логика педагогического исследования

<i>Задачи исследования</i>	<i>Структурные компоненты логической модели исследования</i>	<i>Результаты исследования</i>
Задача 1: «Выявить состояние проблемы в теории и практике...»	Эмпирическая модель	Эмпирические факты
Задача 2: «Научно обосновать систему...» или «Выявить сущность понятия...», или «Разработать теоретическую модель процесса...», или «Создать концепцию...»	Теоретическая модель	Концепция, дидактическая система, понятие, модель процесса
Задача 3: «Разработать принципы» или «Разработать методический инструментарий...», или «Дополнить и систематизировать методы...», или «Разработать методическую систему...»	Нормативная модель	Принципы, условия, методы, формы
Задача 4: «Разработать и экспериментально апробировать методику...» или «Разработать и экспериментально апробировать технологию...»	Проект деятельности	Методика, методические рекомендации, технология, программа, учебник

По мнению Е.В. Бережновой, логика педагогического исследования есть последовательность построения его компонентов с целью решения поставленной проблемы. В обобщенном виде логику прикладного педагогического исследования можно представить посредством следующего алгоритма: **эмпирическая модель** (педагогические факты, отражающие состояние исследуемой проблемы в теории и практике); **теоретическая модель** (модель «сущего», отражающая, что есть объект исследования; это тео-

ретическое (идеальное) представление об объекте исследования, основанное на интеграции философских и психолого-педагогических научных знаний); **аксиологическая модель** (оценка теоретического представления об изучаемом объекте с позиции гуманитарных ценностей посредством обращения к практике); **нормативная модель** (общее представление о том, как преобразовать объект исследования, чтобы он максимально соответствовал его идеальной теоретической модели; нормативная модель включает принципы, условия, методы, формы, отражающие нормативное знание или «знание о должном»); **проект педагогической деятельности** – конкретные нормы деятельности – методики, технологии [1; 2].

В прикладном педагогическом исследовании в процессе перехода от теоретической модели к нормативной (от «сущего» к «должному») происходит обращение к практике с целью оценки (построение аксиологической модели) теоретической модели с позиции гуманитарных ценностей и с целью ее коррекции. Оценка теоретической модели задает общие ориентиры к построению нормативной модели (таблица 3). Е.В. Бережнова отмечает, что «в оценочной модели находит отражение процедура оценивания, которая состоит из трех этапов: выделение аксиологического аспекта изучаемого объекта; сопоставление теоретической модели с аксиологическими нормами путем обращения к практике; формулирование вывода в форме нормативного знания» [1, с. 139].

Таблица 3 – Логика и структура прикладного педагогического исследования [1]

Этапы исследования	Элементы исследования			
Проектирование исследования	Проблема, тема, объект, предмет, цель, задачи			
Осуществление исследования (построение и проверка гипотезы с использованием различных методов исследования)	Эмпирическое описание	Построение теоретической модели, включающей: исходные понятия, концепции, компоненты, составляющие объект исследования, условия, определяющие компоненты, составляющие объект исследования	Переход от познавательного описания к нормативной сфере	Построение нормативной модели – этапы общего представления по преобразованию педагогической действительности, включающего: функции выделенных этапов работы; методы и формы работы; критерии результативности
Получение и фиксация результатов	Знания: закономерности, концепции, принципы, правила, требования, методы, методические системы, критерии, условия Рекомендации: дидактические пособия, методические пособия			

Исследователь выявила четыре способа оценки теоретической модели: оценка теоретической модели в специальном эмпирическом исследовании; оценка теоретической модели с целью согласования ее элементов и коррекции на основе фактов действительности; оценка теоретической модели с использованием традиций (обращение к педагогическому опыту прошлого); оценка теоретической модели с использованием аналогии в становлении зарубежных образовательных систем [2].

Например, если результатом исследования является авторская методика обучения (технология), результативность которой качественно и статистически доказана, однако

следствием методики являются «перегрузка», психические расстройства школьников, то оценка такого методического продукта позволяет заключить, что разработанные теоретическая и/или нормативная модели, проект деятельности не соответствуют гуманитарным ценностям и требуют коррекции. Данное исследование нельзя считать актуальным.

Ценности являются неотъемлемым атрибутом любой деятельности, включая и научное исследование. Гуманитарное исследование наряду с жесткими методологическими нормами, логико-когнитивными алгоритмами и средствами интегрирует в себе ценностное отношение ученого к изучаемой действительности. Оценивать объекты природы с позиции социокультурных норм, нравственных ценностей бессмысленно. В гуманитарном исследовании ценностное отношение субъекта к объекту познания проявляется в том, что объект не только и не столько познается, сколько оценивается. Определение ценности объекта исследования есть его соотнесение с некоторым культурными образцами (идеалом, нормой, эталоном) и установление степени соответствия этому образцу. Выбор культурного эталона определяется ценностной позицией исследователя. Таким образом, процесс и результат гуманитарного познания определяются ценностными установками исследователя, которые оказывают существенное влияние на этапах проектирования, осуществления, рефлексии педагогического исследования: **ценностное сознание исследователя обеспечивает интеграцию рационально-логического и субъективно-иррационального аспектов в научном познании** (ориентир на тот или иной идеал научности (естественнонаучный, гуманитарный, технологический); выбор проблемы и обоснование актуальности темы исследования; выбор философской концепции, аксиологических ориентиров в качестве методологического основания проектирования теоретической модели объекта исследования, отражающей его сущностные признаки и идеальное состояние; интерпретация педагогических феноменов, их сущности и генезиса; выбор приемов аргументации при конструировании теоретической и нормативной моделей исследования и др.).

Ценностное отношение ученого-гуманитария к объекту познания обуславливает, **что** именно исследователя интересует в изучаемом гуманитарном объекте: один исследователь стремится понять и объяснить тот или иной культурный феномен, другой – наполнить его новым смыслом, третий – преобразовать его в соответствии с собственными идеалами [2]. Это определяет и проблемное поле, и задачи исследования, объясняет наличие нескольких гуманитарных концепций относительно сущности, генезиса и т.д. одного и того же культурного феномена. В гуманитарных науках, как правило, существуют различные методологические подходы к исследованию одной и той же научной проблемы. Это обусловлено, в первую очередь, ценностными установками исследователей. Кроме того, понимание социальных и культурных феноменов, самого человека исторически изменчиво: социокультурные феномены постоянно переосмысливаются, переоцениваются, наполняются новыми смыслами и значениями сообразно культурному контексту.

Выводы

Парадигма – это модель научной деятельности как совокупность теоретических стандартов, методологических норм, ценностных критериев. Структурно-логическая модель (парадигма) прикладного педагогического исследования включает следующие компоненты: **эмпирическая модель** (педагогические факты, отражающие состояние исследуемой проблемы в теории и практике); **теоретическая модель** (модель «сущего», теоретическое (идеальное) представление об объекте исследования, основанное на интеграции философских и психолого-педагогических научных знаний); **аксиологическая модель** (оценка теоретического представления об изучаемом объекте с позиции

гуманитарных ценностей); **нормативная модель** (модель «должного»; общее представление о том, как преобразовать объект исследования, чтобы он максимально соответствовал его теоретической модели; включает принципы, условия, алгоритмы взаимодействия, методы, формы); **проект педагогической деятельности** (конкретные нормы деятельности – методики, технологии).

На процесс и результат гуманитарного (педагогического) исследования, наряду с жесткими методологическими нормами и логико-когнитивными алгоритмами, существенное влияние оказывают ценностные установки исследователя, в частности, на этапах проектирования, осуществления, рефлексии. Включение аксиологического компонента в логическую структуру гуманитарного познания обеспечивает интеграцию **рационально-логического и субъективно-иррационального аспектов**, развитие рационально-логической схемы (парадигмы) исследования. Произошел так называемый «сдвиг парадигмы» – развитие модели научной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бережнова, Е. В. Методологические условия перехода от науки к практике в структуре прикладного педагогического исследования: дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Е. В. Бережнова. – Волгоград, 2003. – 321 с.
2. Бережнова, Е. В. Педагогическое исследование: социально-гуманитарный контекст / Е. В. Бережнова // Педагогика. – 2005. – № 6. – С. 23–30.
3. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – Москва : Наука, 1973. – 270 с.
4. Загвязинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования : учеб. пособие для пед. вузов по спец. «Педагогика и психология» / В. И. Загвязинский, Р. Атаханов. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Академия, 2005. – 208 с.
5. Корнетов, Г. Б. Общая педагогика / Г. Б. Корнетов. – Москва : Изд-во УРАО, 2003. – 192 с.
6. Коршунова, Н. Л. Понятие парадигмы: в лабиринтах поиска / Н. Л. Коршунова // Педагогика. – 2006. – № 8. – С. 11–20.
7. Краевский, В. В. Общие основы педагогики : учебник для пед. вузов / В. В. Краевский. – Москва : Академия, 2003. – 256 с.
8. Краевский, В. В. Парад парадигм (послесловие к статье Н. Л. Коршуновой) / В. В. Краевский // Педагогика. – 2006. – № 8. – С. 20 – 24.
9. Полонский, В. М. Словарь по образованию и педагогике / В. М. Полонский. – Москва : Высшая школа, 2004. – 512 с.
10. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности : учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – Москва : Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
11. Швырёв, В. С. Научное познание как деятельность / В. С. Швырёв. – Москва : Политиздат, 1987. – 232 с.
12. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. – Москва : Наука, 1978. – 391 с.

Severin S. The Genesis of the Applied Pedagogics Research Paradigm

This article looks into the concept of “scientific research paradigm” intergrating logical subjective irrational aspects and reveals its specific features and genesis, structural logical model of applied pedagogic research and direction of its possible transformation with regard to its specificity.

УДК 378. 147.88 (07)

Е.Д. Осипов

ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С СЕМЬЕЙ УЧАЩЕГОСЯ

В статье анализируется проблема подготовки будущих педагогов к взаимодействию с семьей учащегося. Автором обоснован один из способов модернизации данной подготовки – проектное обучение в процессе педагогической практики.

Раскрываются теоретико-методологические подходы к структурированию содержания и организации практики студентов. Акцентируется внимание на научно-методических основах разработки и внедрения проекта, что включает: требования к проекту, его компоненты, целевое назначение каждого из этапов, механизмы реализации проекта, критерии результативности, практикоориентированную направленность проекта как требование к повышению качества обучения специалистов, основанного на компетенциях.

С учетом данных опытно-экспериментальной работы представлены условия, способствующие оптимизации взаимодействия студентов с родителями учащихся в период практики, а как результат – модернизация их будущей профессиональной деятельности по направлению «педагог – семья».

Введение

В последнее десятилетие наметились позитивные тенденции в развитии систем школьно-семейного воспитания общеобразовательных учреждений республики. Тем не менее, обнаруживается и ряд проблем, одна из которых состоит в том, что взаимодействие школы и семьи не стало ведущим фактором педагогизации домашней среды ребенка, являющейся основой его социализации. Не уменьшается число неблагополучных, конфликтных семей; в среде детей медленно искореняются вредные привычки, а как следствие – девиантное, делинквентное поведение несовершеннолетних; существует проблема социального сиротства. Немало вопросов к специалистам и у родителей благополучных семей.

Неподготовленность отдельных родителей к решению семейных проблем снижает их авторитет, затрудняет воспитательное воздействие на ребенка, не способствует развитию сотрудничества в детско-родительском сообществе. В связи с этим семья нуждается в помощи компетентного педагога, способного оказать ей помощь, поддержку.

Многие исследователи (Л.В. Байбородова, В.С. Богословская, Л. И. Маленкова, В.В. Чет и др.) обращают внимание на проблему совершенствования педагогического взаимодействия с семьей учащегося. Это, как отмечает Л.И. Маленкова, необходимо для решения ряда вопросов: выработки единого взгляда на сущность воспитания как процесса организации жизнедеятельности детей; правильного определения цели и задач воспитания, возможностей их реализации; эффективной и рациональной расстановки сил; изучения ребенка (подростка) с различных позиций, под разным углом зрения; выработки общей методики и техники, стиля и тона необходимых воспитательных воздействий на детей; установления эмоционально-положительных взаимоотношений классного руководителя, учащихся и родителей [1, с. 442].

В зависимости от того, каков механизм реализации педагогом тех или иных функций взаимодействия с семьей (диагностическая, прогностическая, коррекционная

Научный руководитель – А.Н. Сендер, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой естественно-математических дисциплин, первый проректор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

и др.), устанавливается и определен его тип. По мнению Л.В. Байбородовой, это может быть сотрудничество, диалог, опека, подавление, соглашение, конфронтация, индифферентность [2, с. 22–23].

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что в работе школ отчетливо проявляется тенденция к сотрудничеству, диалогу в отношениях «педагог – родители». Тем не менее, все же преобладает подавление, индифферентность со стороны педагога, особенно на средней и старшей ступенях (V–XII классы) обучения. В большинстве своем и семья не стремится к сотрудничеству со школой.

Обозначенные проблемы нацеливают как педагогов, так и родителей на развитие преобразующей деятельности в процессе их взаимодействия, что предполагает его целенаправленность, системность, перспективность, обогащение ценностно-значимым смыслом, а также организацию на основе инновационных технологий, привлекательных и полезных форм в триаде «педагог – дети – родители». К решению этих задач особенно качественно надо готовить будущих педагогов, которые имеют еще незначительный практический опыт общения с семьей, не всегда готовы к подобной деятельности психологически.

Исследователи едины во мнении, что в современной социокультурной ситуации модернизация подготовки будущих педагогов в целом, а также к работе с семьей в частности, ставит вузы перед необходимостью перехода на инновационный путь развития системы высшего образования, который позволяет обеспечить качество профессиональной подготовленности выпускника, его образовательного результата. Задача эта – не из простых, что подтверждают полученные нами данные в процессе анкетирования выпускников (500 человек): лишь 10% опрошенных считают, что «отчасти готовы взаимодействовать с семьей», 89% склоняются к утверждению «не готовы». Это объясняется как объективными, так и субъективными причинами, а именно: раздел по работе с семьей недостаточно представлен в образовательных стандартах; спецдисциплины вузовского компонента носят фрагментарный характер и не всегда достигают цели; слабо используются возможности педагогических практик и др. Недостаточная теоретическая подготовка студента к такому направлению профессиональной деятельности в процессе практики, как «взаимодействие с семьей», порождает стремление уйти от данного вида работы, потому что будущий педагог не уверен в ее результативности, не получает от нее удовлетворения и т.п.

Теория и практика подтверждают, что подготовить компетентного педагога к взаимодействию с семьей учащегося возможно только в контексте его профессиональной деятельности. Такая возможность создается на педагогической практике, где студенты систематически решают множество учебно-профессиональных задач в работе с детьми и родителями, овладевая при этом необходимыми компетенциями, представляющими собой «совокупность определенных знаний, умений и навыков, в которых человек должен быть осведомлен и иметь практический опыт работы» [3, с. 67].

Теоретико-методологические подходы к структурированию содержания и организации педагогической практики студентов

Белорусскими учеными осуществлена значительная работа по исследованию возможностей педагогической практики в подготовке будущих учителей к профессиональной деятельности, по совершенствованию данного вида обучения студентов. Коллективом авторов под научным руководством В.П. Тарантея разработаны интересные подходы к содержательной, организационной, методической сторонам практики [4]. В.Т. Чепиковым обоснованы и апробированы механизмы реализации единства теоретической и практической подготовки будущих педагогов, идеи интегрированного характера формирования у студентов педагогических умений и навыков [5]. Авторским кол-

лективом под руководством Л.Ф. Мирзаяновой выявлены особенности организации педагогической практики студентов в начальных классах по «Введению в школьную жизнь» [6]. Е.И. Бараевой, М.В. Ершовой, С.Н. Маковчик разработано содержание заданий, которые включены в основные разделы педпрактики: преподавание психологии в учреждениях образования, психолого-профилактическая работа в различных учреждениях, психодиагностика и психокоррекция, психологическое просвещение и др. [7]. Представляют интерес в плане совершенствования педагогической практики студентов и работы таких российских ученых, как Н.П. Клушина, П.Е. Решетников, В.С. Ткаченко и др. [8].

Анализ научной, учебно-методической литературы позволяет утверждать, что в работах, как правило, даются рекомендации по содержанию и организации педагогической практики, направленные на осуществление профессиональной подготовки будущего учителя в целом. И это оправдано. Однако каждое из направлений деятельности педагога имеет свои особенности, специфику, что предполагает конкретизацию профессиональной подготовки студентов по тому или иному ее виду (учебная работа, воспитательная работа, взаимодействие с семьей учащегося и др.), особенно в плане качества образования будущего педагога, образовательного результата выпускников, который свидетельствует об их профессионализме (С.К. Булдаков, Б.С. Гершунский, А.Н. Сендер, А.И. Суббето, Н.И. Мицкевич и др.).

Чтобы максимально использовать потенциальные возможности педагогической практики в профессиональной подготовке будущих учителей к взаимодействию с семьей учащегося, при структурировании ее содержания, организации важно четко опеределиваться с теоретико-методологическими основаниями. В этих целях мы опирались на следующие подходы (ведущие идеи, принципы и др.):

системный, являющийся «методологической ориентацией в деятельности, при которой объект познания или преобразования рассматривается как система» (Е.Н. Степанов, Л.М. Лузина);

деятельностный, основная идея которого связана не с самой деятельностью как таковой, а с «деятельностью как средством становления и развития субъектности» (В.И. Слободчиков) человека – педагога, ребенка, родителя, студента и др.;

культурологический, направленный на решение задач воспитания, обучения ребенка, родителя, студента и др. как «целостного человека культуры» (Е.В. Бондаревская) через включение его в процессы социализации, житнетворчества, культурной идентификации;

аксиологический, предполагающий развитие ориентации будущего педагога на ценностное взаимодействие с семьей учащегося;

лично ориентированный – признание личности как самоценности, становления ее личностного практического опыта; для студента в рамках личностной парадигмы создается возможность овладеть набором компетенций, ориентированных на смысловую составляющую того или иного вида (направления) деятельности (Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич, В.В. Сериков и др.);

компетентностный, нацеливающий на моделирование качества подготовки выпускника, результата его образования на основе таких категорий, как компетенция, компетентность (В.И. Байденко, О.Л. Жук, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.В. Макаров и др.).

При моделировании деятельности студента на практике по направлению «педагог – семья» мы руководствовались такими требованиями (условиями):

развитие ориентации будущего педагога на ценностное взаимодействие с семьей учащегося;

изучение, обобщение студентами опыта взаимодействия классного руководителя с семьей учащегося;

расширение педагогического опыта (совокупность усвоенных в процессе прак-

тической деятельности знаний, умений, навыков) в процессе решения учебно-профессиональных задач;

влияние на инновационное развитие в учреждении образования взаимодействия «педагог – семья» (на основе исследовательской деятельности студента) и др.

На каждом из видов практики, ее этапов данные условия реализуются по-разному. На 1–2-м курсах практика носит ознакомительный характер, на ней будущие педагоги делают первые шаги по овладению профессиональными компетенциями во взаимодействии с семьей учащегося. Практика в оздоровительных лагерях на 3-м курсе дает возможность студенту включиться в реальную, самостоятельную профессиональную деятельность не только с детьми, но с их родителями. Работа в школе на 4–5-м курсах позволяет студенту приобрести хороший практический опыт, оценить свои возможности, утвердиться в роли педагога и др.

С целью максимального приобщения студентов в процессе практики к систематическому приобретению знаний, умений и навыков, расширению их педагогического опыта во взаимодействии с семьей учащегося за основу моделирования деятельности будущих педагогов нами взято проектное обучение, которое определяется учеными как проектная технология, как метод проектов и др.

Научно-методические основы проектного обучения в процессе педагогической практики студентов

При разработке научно-методических основ проектного обучения на всех этапах практики студентов мы руководствовались требованиями, которые разработаны учеными (Н.И. Запрудским, Е.С. Полат и др.) и описаны в работах [9; 10], представляющих для педагогов определенный интерес. Главные из требований к проектному обучению в обобщенном виде можно представить таким образом:

- наличие проблемы проекта;
- постановка цели и задач;
- четкая структура проекта, этапов его выполнения;
- теоретическая и практическая значимость результатов, их прогностичность;
- самостоятельная деятельность студента (индивидуально, в паре, в группе);
- включенность студента в исследовательскую работу;
- личная значимость темы проекта для исполнителя;
- консультирование студента со стороны педагога-методиста по разработке и реализации проекта;
- внедряемость проекта;
- подготовка проекта к защите (презентации);
- оценивание результатов проекта по соответствующим критериям;
- защита проекта и др.

Структура разработанных нами проектов представлена следующими компонентами: цель (как правило, направлена на удовлетворение запросов семьи, интересов учреждения образования); ведущая учебно-профессиональная задача (овладение студентом определенной технологией работы с семьей, методикой проведения того или иного совместного с детьми и родителями или только с родителями дела и т.п.); тип проекта (индивидуальный, в паре, в группе); этапы выполнения проекта («Проанализируйте краткую информацию по теме», «Изучите литературу», «Включитесь в учебно-профессиональную деятельность», «Оформите проект, подготовьтесь к его защите»).

Очень важно, чтобы этапы проекта реализовывались последовательно, так как каждый из них в деятельности практиканта выполняет определенную роль. Назначение этапов проекта:

Первый – направлен на «вхождение» студента в тему с помощью специально

подготовленной педагогом-методистом информации.

Второй – предполагает углубленное изучение психолого-педагогической литературы по проблеме проекта.

Третий – это решение на основе определенного алгоритма ряда учебно-профессиональных задач по взаимодействию с семьей учащегося, направленных на достижение ведущей (доминирующей) учебно-профессиональной задачи (цели).

Завершающий этап – оформление проекта на бумажном и электронном носителях, в представленном содержании которого такие разделы:

введение (актуальность темы, цели и задачи проекта, ожидаемый результат);
теоретические основания (краткий анализ позиций ученых по проблеме, собственная позиция);

практическая разработка (характеристика полученного интеллектуального продукта, возможность его внедрения и др.);

выводы по реализации проекта.

На данном этапе очень важно оценивание результативности проекта как самим разработчиком, так и экспертами. Для обеспечения между участниками единства в решении названной задачи, а также прогнозирования и моделирования результативности проекта исполнителем нами разработаны следующие критерии:

знания, умения, навыки, приобретенные студентом на практике;

рациональность действий (деятельности) практиканта в выполнении проектного задания;

влияние проекта на оптимизацию взаимодействия «педагог – семья» в учреждении образования;

возможность внедрения разработанного проекта в разных сферах микросреды (семья, объединение родителей и др.).

В зависимости от вида и этапа практики проекты усложняются как с содержательной, так и с организационной сторон, что усиливает интенсивность включения студента в деятельность, расширяет его самостоятельность в выборе приемлемых средств реализации поставленных задач и др. Необходимо, чтобы между проектами существовала логическая связь на протяжении всего периода практики, а каждый из них являлся частью системы подготовки будущего педагога к взаимодействию с семьей учащегося. В апробированной нами системе подготовки студентов к взаимодействию с семьей были внедрены такие проекты, как:

2-й курс – «Формы приобщения родителей к совместной с детьми деятельности», «Система психолого-педагогического просвещения родителей», «Письменное обращение к родителям», «Читательская конференция с семьей» и др.

3-й курс – акция «Порадуем родных и близких», пресс-конференция «Ваши пожелания», досуговая программа «Вместе весело шагать» и др. (в оздоровительных лагерях).

4-й курс – «Индивидуальное консультирование родителей», «Деятельность клуба родителей», «Занятия на дому с больным учащимся» и др.

5-й курс – «Телефонное консультирование родителей», «Тренинговые занятия с родителями», занятие в гостинной для родителей «Традиции семейного воспитания в народной педагогике», «Участие родителей в управлении школой» и др.

Анализ внедрения разработанных студентами проектов по предложенной нами тематике показал, что данный вид обучения импонирует будущим педагогам, оптимизирует их взаимодействие с семьей учащегося по ряду причин:

«проект» (как системное образование) больше привлекает студента в отличие от задания, которых ему приходится выполнять множество по изучаемым дисциплинам, тем более, что многие из заданий не требуют творческого подхода к делу;

проектное обучение создает основу для развития мотивации студента во взаи-

модействии с семьей учащегося, направленном на радость и пользу родителям, классному руководителю, себе и др.;

стимулируются усилия практиканта по реализации проекта, то есть осуществлению планируемого замысла;

четко сформулированная проблема ориентирует исполнителя (исполнителей) на ее решение;

практикоориентированный характер проекта, его нацеленность на внедрение предполагает включенность студента в реальную профессиональную деятельность по направлению «педагог – семья», в процессе которой расширяется, преобразуется его практический опыт, являющийся основой профессионализма;

целезаданность проекта на учет интересов учреждения образования, потребностей семьи обязывает будущего педагога выполнять его на максимальном уровне результативности, полезности, то есть на создание интеллектуального продукта (программы взаимодействия «педагог – семья»; системы психолого-педагогического просвещения родителей; программы тренинга с родителями неуспевающих учащихся и др.), способствующего инновационному развитию взаимодействия школы и семьи;

нацеленность проектного задания на внедряемость обязывает к тщательной оценке, самооценке его результативности, то есть развитию рефлексии будущего педагога в профессиональной деятельности;

оформление, защита (презентация) проекта – это актуализация образовательного результата выпускника по тому или иному направлению педагогического взаимодействия с семьей, который выражается в соответствующих профессиональных компетенциях; полученный результат (в виде интеллектуального продукта), соответственно оформленный, можно увидеть, внедрить в новых условиях, что очень важно для самоутверждения будущего педагога.

Как показали результаты опытно-экспериментальной работы, обучение студентов взаимодействию с семьей учащегося в процессе практики (на основе проектов), сочетаясь с моделируемым в аудиторных условиях, дает позитивные результаты в подготовке компетентного педагога к работе с семьей.

Заключение

Во все времена семья являлась основным «институтом» социализации личности ребенка. В связи с этим проблеме изучения семьи, детско-родительского сообщества посвящено ряд исследований как отечественных, так и зарубежных ученых (Ю.П. Азаров, В.Н. Дружинин, С.В. Ковалев, Р.В. Овчарова, Т.В. Сенько, А.С. Спиваковская, В.А. Сухомлинский, В.В. Чечет, Э.Г. Эйдемиллер и др.). Особое внимание учеными уделяется гуманизации отношений в семье. Этот вопрос широко освещается в работах зарубежных авторов (А. Адлер, Т. Гордон, Э. Фромм и др.). Главное назначение большинства работ, как показывает анализ, – оказать помощь семье в совершенствовании ее воспитательного потенциала.

В нынешней социокультурной ситуации исследователи констатируют кризис семьи, который резко проявляется в конфликте «дети – родители», а как следствие – в конфликте «дети – общество». Причины тому разные: нежелание или неспособность отдельных родителей создавать условия для нормальной жизнедеятельности детей; несоблюдение прав ребенка в удовлетворении его элементарных потребностей; неумение налаживать с детьми позитивное общение и др.

И теоретики, и практики (Л.В. Байбородова, В.С. Богославская, Н.И. Дереклеева, Л.И. Маленкова, М.Н. Недвецкая, В.В. Чечет, Н.Е. Щуркова и др.) сегодня ставят вопрос о педагогизации домашней среды, повышении ее воспитательного потенциала. Помочь в этом семье могут только профессионалы, как правило, педагоги, при условии,

что они готовы (психологически, профессионально) оказать подобную поддержку, помощь родителям.

Возникает вопрос: готов ли к взаимодействию с семьей учащегося педагог, особенно молодой? Результаты исследования констатируют тот факт, что многие из выпускников к работе с семьей на уровне диалога, сотрудничества не готовы. Это ставит вузы перед необходимостью поиска путей модернизации подготовки будущих учителей к профессиональной деятельности по направлению «педагог – семья», особенно в плане оптимизации ее практической ориентированности.

Результаты проведенной нами опытно-экспериментальной работы по созданию на педагогических специальностях университетов системы подготовки будущих учителей к взаимодействию с семьей учащегося позволяют сделать следующие выводы:

1. Подготовить студента к взаимодействию с семьей учащегося возможно только в контексте его будущей профессиональной деятельности, начиная с первого курса.

2. Реализовать непрерывность указанной подготовки позволяет педагогическая практика (в сочетании с аудиторной работой), которая создает возможность включать студентов в реальную профессиональную деятельность.

3. Достичь практикантами позитивных результатов во взаимодействии с семьей возможно только при условии включенности их (совместно с родителями учащихся) в интенсивную деятельность, которая четко планируется, прогнозируется ее результат, организуется, контролируется и др., то есть эффективно управляется как самим студентом, так и педагогом-методистом.

4. Привлечь студентов-практикантов к взаимодействию с семьей можно с помощью различных способов, один из которых, проверенный нами опытным путем, – проектное обучение (или проектный метод).

5. Внедрить разработанный проект, как показало исследование, – это полезное дело для каждого студента, которое способствует расширению его практического опыта, самоутверждению в группе сокурсников, развитию взаимодействия «педагог – семья» в учреждении образования, что свидетельствует о приобщении практиканта к инновационной деятельности.

6. Включить будущего педагога в подобное обучение возможно только на основе таких проектов, которые представляют собой системное образование (четкая цель; задачи; этапы выполнения; критерии оценивания и др.); проблема сформулирована с учетом готовности студента к ее решению (на основе собственной теоретической и практической подготовки; представленных в проектной задании материалов и т.п.); цель проекта, учебно-профессиональные задачи побуждают студента к творчеству; планируемый результат нацеливает на создание определенного интеллектуального продукта (программа тренинга; система группового консультирования; досуговая шоу-программа и др.), предполагающего внедрение в практику и др.

7. Обеспечить системность проектного обучения, его усложнение от этапа к этапу практики позволяет перечень проектных заданий с соответствующим научно-методическим сопровождением, которое разработано, апробировано и представлено нами в одном из учебно-методических пособий [11], рекомендованном для студентов педагогических специальностей вузов, что, на наш взгляд, придает исследованию определенную теоретическую и практическую значимость.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что организация педагогической практики на основе проектов по направлению профессиональной деятельности «педагог – семья» значительно повышает качество подготовки выпускника к этому виду работы. Подготовленность будущего педагога к взаимодействию с семьей учащегося трактуется нами как образовательный результат, выраженный в виде профессиональных компетенций, которые можно описать, а значит, запрограммиро-

вать, продиагностировать. Все это придает процессу обучения целенаправленность, системность, перспективность, личностно смысловое значение для каждого из его участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маленкова, Л. И. Теория и методика воспитания : учеб. пособие / Л. И. Маленкова. – М. : Педагогическое общество России, 2002. – 480 с.
2. Байбородова, Л. В. Взаимодействие школы и семьи : учеб.-метод. пособие / Л. В. Байбородова. – Ярославль : Академия развития : Академия Холдинг, 2003. – 224 с.
3. Полонский, В. М. Словарь по образованию и педагогике / В. М. Полонский. – М. : Высш. шк., 2004. – 521 с.
4. Педагогическая практика студентов : теоретические основы и опыт организации / В. П. Тарантей [и др]. ; под ред. В. П. Тарантея. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 354 с.
5. Чепиков, В. Т. Педагогическая практика : учеб.-практ. пособие / В. Т. Чепиков. – Минск : Новое знание, 2004. – 204 с.
6. Организация и проведение педагогической практики «Введение в школьную жизнь» : учеб.-метод. пособие / Л. Ф. Мирзаянова [и др]. ; под общ. ред. Л. Ф. Мирзаяновой. – Минск : Высш. шк., 2003. – 76 с.
7. Бараева, Е. И. Педагогическая практика / Е. И. Бараева, М. В. Ершова, С. Н. Маковчик ; под ред. Е. И. Бараевой. – Минск : РИВШ, 2007. – 100 с.
8. Организация педагогической практики в начальных классах : пособие для преподавателей высш. и сред. пед. учеб. заведений / П. Е. Решетников [и др] ; под ред. П. Е. Решетникова. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 320 с.
9. Запрудский, Н. И. Современные школьные технологии : пособие для учителей / Н. И. Запрудский. – Минск : «Сэр-Вит», 2006. – 288 с.
10. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е. С. Полат [и др] ; под ред. Е. С. Полат. – М. : Изд. центр «Академия», 2002. – 272 с.
11. Осипов, Е. Д. Педагогическая практика студентов. Взаимодействие с семьей учащегося : учеб.-метод. пособие для студ. пед. специальностей высш. учеб. заведений / Е. Д. Осипов ; под ред. А. Н. Сендер. – Брест : Изд-во БрГУ, 2007. – 138 с.

Osipov Je. D. Project method in teaching practice as a means of preparing future teachers for interaction with the pupil's family

This article analyses the problem of preparation of future pedagogues for the interaction with the family of a pupil. The author substantiates one of the ways of the modernization of this preparation – project education in the process of teaching practice.

Some theoretical and methodological approaches to the structure of the contents and the organization of the teaching practice on the basis of projects are being opened. Much attention is paid to the scientific and methodic bases of the elaboration and introduction of the project which include: the requirements for the project, its components, the purpose of all the stages, the mechanisms of project realization, the criteria of the effectiveness, practically oriented tendency of the project as a requirement of the quality of competence based education of specialists.

Taking into account the data of the experimental work the author represents the conditions that favour the improvement of the interaction between students and parents during the teaching practice and, as a result, the modernization of their future professional activity in the direction “pedagogue – family”.

ПРАВА

УДК 368.4

С.В. Агиевец

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируются основные международные правовые акты по правам человека, в которых закрепляется право на охрану здоровья. Раскрывается содержание обязанности по обеспечению доступа к медицинской помощи как обязанности государства гарантировать финансовую и территориальную доступность, качество и распространенность медицинской помощи. Исходя из анализа международных правовых актов определяется соотношение понятий «право на здоровье», «право на охрану здоровья», «право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» как равнозначных. Автор приходит к выводу, что право на охрану здоровья в международном праве означает гарантированную государством (посредством создания равных социальных возможностей и справедливого распределения имеющихся ресурсов) возможность гражданина иметь доступ к пользованию благами, необходимыми для достижения наивысшего уровня здоровья. По этой причине нельзя трактовать право на охрану здоровья через призму охранительных норм, поскольку государство призвано обеспечить материальные, организационные и правовые предпосылки реализации права на охрану здоровья.

Укрепление и охрана здоровья – важнейшее условие для обеспечения благополучия и достойного существования человека. Именно поэтому здоровье рассматривается как важнейшее общественное благо. Проблемы международно-правовой охраны здоровья вызывают интерес у исследователей различных отраслей знаний. Нормы международного права как часть законодательства о здравоохранении Российской Федерации рассматриваются в работе А.А. Мохова «Теоретические проблемы медицинского права России» [1]. В статье М. Хасан «Право на охрану и защиту здоровья в международном праве» [2] обосновывается необходимость создания механизма регулирования здравоохранения в рамках международного сотрудничества. Однако нельзя сказать, что число содержательных законченных исследований, которые удовлетворили бы потребности науки и практики достаточно, остается актуальным вопрос об определении единой терминологии понятий «право на здоровье», «право на охрану здоровья», «право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», решение которого позволит разработать универсальное определение права на охрану здоровья.

Попытки возложить на государство ответственность за состояние здоровья населения предпринимались неоднократно. Их результатом стало принятие в XIX веке первых законов о здравоохранении, а в XX веке – признание здоровья как права человека. Многие международные соглашения по правам человека признают здоровье одним из таких прав исходя из того, что укрепление и охрана здоровья являются важнейшим условием обеспечения благополучия и достойного существования человека. Одним из первых таких документов стал Устав Всемирной организации здравоохранения [3], созданной в 1946 году. В соответствии с нормами международного права уставы международных организаций представляют разновидность соглашений между несколькими сторонами. Помимо того, что уставы международных организаций определяют структуру и функции самой организации, они, в первую очередь, накладывают определенные обязательства на своих членов, поэтому Устав Всемирной организации здравоохранения обязателен для исполнения государствами – членами организации.

Всемирная организация здравоохранения, являясь крупнейшей в своей области, имеет шесть региональных отделений и объединяет более 180 стран, в том числе и Республику Беларусь. Как следует из ее става, главная цель Всемирной организации здравоохранения – «достижение всеми людьми наивысшего возможного уровня здоровья». В преамбуле Устава закрепляется право на «наивысший достижимый уровень здоровья» и определяется ряд принципов, обязательных для соблюдения странами-участницами: «Здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов.

Обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является неотъемлемым правом каждого человека, независимо от его расы, вероисповедания, политических убеждений, материального или социального статуса в обществе.

Здоровье всех людей является основой для достижения мира и безопасности и зависит от как можно более тесного сотрудничества отдельных людей и стран.

Достижения любого государства в деле обеспечения и защиты здоровья являются ориентирами для всех остальных.

Неравенство развития отдельных стран в деле охраны здоровья и контроля за инфекционными заболеваниями являются угрозой всему мировому сообществу.

Одной из основополагающих ценностей является здоровое развитие ребенка, для обеспечения которого ему необходимо обеспечить возможность гармоничного существования в условиях постоянно меняющегося окружения.

Распространение достижений медицины, психологии и других наук на всех людей необходимо для максимального обеспечения здоровья.

Одним из важнейших условий для улучшения здоровья людей является своевременное информирование общества и активное взаимодействие различных сил общества.

Правительства государств несут ответственность за здоровье своих граждан, обеспечивая нормальную работу здравоохранительных организаций».

В 1970-е годы Всемирная организация здравоохранения разработала две программы: «Здоровье для всех к 2000 году» и «Первичная охрана здоровья». В 1977 году стратегия программы «Здоровье для всех» была одобрена Всемирной ассамблеей здравоохранения. Было заявлено, что основной социальной задачей для Всемирной организации здравоохранения и ее членов на ближайшие десятилетия должно стать «достижение всеми людьми в мире такого уровня здоровья, который позволил бы им вести социально и экономически продуктивный образ жизни». Спустя год, на международной конференции по первичной охране здоровья в Алма-Ате (СССР), была принята декларация, в которой первичная охрана здоровья рассматривалась как «ключ к достижению всеобщего здоровья к 2000 году». Декларация еще раз подтверждала ответственность государств за здоровье своих граждан. Первичная охрана здоровья рассматривалась как помощь «существенная, неотъемлемая, доступная в равной степени отдельным людям и целым семьям, доступная всем без исключения, в объеме, который определяется возможностями того или иного государства». Такое здравоохранение должно существовать во всех странах, хотя оно и может принимать различные формы в зависимости от политических, экономических, социальных и культурных обстоятельств. В вышеуказанных программах и в самом Уставе Всемирной организации здравоохранения на государство возлагается обязанность принимать соответствующие меры, направленные на обеспечение равного доступа всех граждан к медицинскому обслуживанию.

На 51-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в 1998 году была утверждена глобальная стратегия «Здоровье для всех в XXI столетии», в которой подтверждается ответственность государства за сохранение и укрепление здоровья своих граждан. В принятой 16 мая 1998 года Всемирной декларации по здравоохранению

отмечается, что достижение наивысшего уровня здоровья является одним из основных прав каждого человека и что в отношении здоровья все имеют равные права, равные обязанности и равную ответственность. Во Всемирной декларации по здравоохранению подчеркивается, что улучшение здоровья и благосостояния людей является целью социального и экономического развития общества, отмечается важность концепций равенства, солидарности и социальной справедливости для улучшения здоровья всего населения.

Наиболее важным международным документом по правам человека является Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 года [4]. В соответствии со ст. 25 Декларации «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой».

Таким образом, здоровье в ст. 25, наряду с другими социальными благами, рассматривается как составная часть права на удовлетворительный уровень жизни. При этом во Всеобщей декларации прав человека совершенно не определены обязательства государств, призванных гарантировать выполнение всех прав, установленных в ст. 25 данного документа. Однако надо признать, что, хотя указанная декларация включает лишь рекомендательные международно-правовые нормы, она оказывает существенное влияние на процесс создания обязательных для государств правил поведения и, в первую очередь, конституционных норм.

В 1976 году вступил в силу Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [4], который является международным договором и содержит обязательные правовые нормы для государств, подписавших его, в том числе и для Республики Беларусь. В соответствии с ч. 1 ст. 12 участвующие в Пакте государства признают право каждого человека на наивысший уровень психического и физического здоровья. Частью 2 ст. 12 определяются обязательства, которые принимают на себя договаривающиеся стороны с целью реализации этого права:

- 1) обеспечение сокращения смертности и детской смертности и здорового развития ребенка;
- 2) всестороннее улучшение состояния окружающей среды и промышленной гигиены;
- 3) предотвращение, профилактика и контроль за эпидемическими, эндемическими, профессиональными и иными заболеваниями;
- 4) создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни.

Обеспечение доступа людей к службам медицинской помощи является главной составляющей ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Обязательство по обеспечению доступа к службам медицинской помощи понимается как обязанность гарантировать «распространенность, доступность и качество» этих служб и предоставляемых ими услуг.

Распространенность услуг здравоохранения определяется количественным показателем медицинских работников на одну больничную койку и на душу населения.

Доступность медицинской помощи означает, что не существует финансовых, территориальных и культурных препятствий для обеспечения равного доступа к услугам здравоохранения.

Финансовая доступность означает, что здравоохранение финансируется таким образом, что любой человек, независимо от заработной платы и иных доходов, может получить доступ к медицинской помощи и обслуживанию.

Территориальная доступность выражается в близости служб медицинской помощи для всех категорий населения. Чаще всего наблюдается определенный дисбаланс в доступности служб медицинской помощи в отношении сельских и городских жителей.

Культурный аспект доступности здравоохранения подразумевает такую политику в области здравоохранения, которая бы уважала культурные традиции людей. Самыми уязвимыми в этом отношении являются национальные меньшинства.

Качество здравоохранения определяется наличием квалифицированных кадров, обеспеченностью высококачественным техническим оборудованием и лекарствами.

Право на здоровье закрепляется во многих правозащитных документах, к числу которых относятся Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Конвенция о правах ребенка [4].

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин призвана обеспечить дополнительную защиту женщин в сфере здравоохранения. На основании ст. 12 Конвенции «государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области здравоохранения, с тем чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин доступ к медицинскому обслуживанию, в частности в том, что касается планирования размера семьи.

Независимо от положений п. 1 этой статьи, государства-участники обеспечивают женщинам соответствующее обслуживание в период беременности, родов и послеродовой период, предоставляя, когда это необходимо, бесплатные услуги, а также соответствующее питание в период беременности и кормления».

В Конвенции о правах ребенка сформулированы следующие меры по обеспечению права на охрану здоровья детей:

1. Государства-участники признают право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья. Государства-участники стремятся обеспечить каждому ребенку право на доступ к подобным услугам системы здравоохранения.

2. Государства-участники добиваются полного осуществления данного права и, в частности, принимают необходимые меры для:

- а) снижения уровней младенческой и детской смертности;
- б) обеспечения предоставления необходимой медицинской помощи и охраны здоровья всех детей при первоочередном внимании к развитию первичной медико-санитарной помощи;
- в) борьбы с болезнями и недомоганием, в том числе в рамках первичной медико-санитарной помощи, путем, среди прочего, применения легкодоступной технологии и предоставления достаточного продовольствия и чистой питьевой воды, принимая во внимание опасность и риск загрязнения окружающей среды;
- г) предоставления матерям надлежащих услуг по охране здоровья в дородовой и послеродовой периоды;
- д) пропаганды среди всех слоев общества, в частности родителей и детей, знаний о здоровье и питании детей, преимуществах грудного кормления, гигиене, санитарии среды обитания ребенка и предупреждении несчастных случаев, а также их доступа к образованию и их поддержки в использовании таких знаний;

е) развития просветительской работы и услуг в области профилактической медицинской помощи и планирования размера семьи.

3. Государства-участники принимают любые эффективные и необходимые меры с целью упразднения обычаев, отрицательно влияющих на здоровье детей.

4. Государства-участники обязуются поощрять международное сотрудничество и развивать его с целью постепенного достижения полного осуществления права, признаваемого в настоящей статье. В этой связи особое внимание должно уделяться потребностям развивающихся стран.

Таким образом, ст. 24 вслед за Уставом Всемирной организации здравоохранения и ст. 12 Международного пакта по экономическим, социальным и культурным правам закрепляет право на «наивысший достижимый уровень здоровья».

Помимо вышеназванных документов, следует указать и на другие конвенции и декларации, нормы которых прямо или косвенно регламентируют право на здоровье.

Во-первых, Декларация социального прогресса и развития (1969) ставит целью «достижение наивысшего достижимого уровня здоровья, обеспечение, по возможности, бесплатного здравоохранения для всего населения» [4].

Во-вторых, имеется ряд конвенций и деклараций, посвященных защите различных социальных групп и направленных на обеспечение равноправного медицинского обслуживания. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965) в ст. 5 предусматривает, что государства-участники обязуются «запретить и ликвидировать расовую дискриминацию в отношении осуществления права на здоровье, медицинскую помощь, социальное обеспечение и социальное обслуживание» [4]. Другие документы направлены на защиту, в том числе и обеспечение равного доступа к медицинскому обслуживанию, таких социальных групп, как иностранные рабочие, заключенные, инвалиды и умственно отсталые лица. Международная конвенция о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990) [4] закрепляет право трудящихся-мигрантов и членов их семей на получение любой медицинской помощи, необходимой для защиты их жизни. Ст. 28 Конвенции устанавливает следующее: «Трудящиеся-мигранты и члены их семей имеют право на получение любой медицинской помощи, которая является крайне необходимой для сохранения их жизни или избежания непоправимого ущерба их здоровью, на основе равенства с гражданами соответствующего государства. Им нельзя отказывать в такой срочной медицинской помощи в силу каких-либо отклонений, в том что касается пребывания или занятости».

В-третьих, конвенции МОТ [5], среди которых следует назвать Конвенцию № 102 о минимальных нормах социального обеспечения и Конвенцию № 103 об охране материнства, содержат положения, непосредственно регулирующие вопросы охраны здоровья (безопасные условия труда, возможность оказания медицинской помощи на рабочем месте, страхование здоровья, охрана материнства).

Право на здоровье (право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья) закреплено в большом количестве документов ООН и региональных организаций, что свидетельствует об относительно высоком его статусе в международном праве.

Тем не менее, проблемным остается вопрос о степени реализации этого права как на международном, так и национальном уровне.

Гражданам Республики Беларусь Конституцией гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания.

В целях реализации конституционного права на охрану здоровья необходимо определить, какое значение вкладывается в понятия «здоровье», «охрана здоровья», «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья».

Здоровье в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» [6] определяется в соответствии с формулировкой, содержащейся в Уставе Всемирной организации здравоохранения, как состояние полного физического, духовного и социального благополучия людей, а не только отсутствие болезней и физических дефектов.

Под охраной здоровья, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», понимается совокупность политических, экономических, правовых, социальных, культурных, научных, экологических, медицинских, санитарно-гигиенических и противоэпидемических мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья настоящего и будущих поколений людей.

Понятие «право на охрану здоровья» исторически сложилось в советском законодательстве и трактовалось аналогично значению понятия «право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», которое используется в международно-правовых документах. Позже в юридической науке было высказано мнение о том, что «право на здоровье» – категория более универсальная, не сводимая только к охранительной функции права в этой сфере, базирующаяся на определенной системе регулятивных и охранительных норм. Понятие «право на охрану здоровья» заранее сужает сферу правовой регламентации отношений, складывающихся по поводу здоровья» [7]. В международных документах по правам человека чаще всего используется понятие «право на здоровье». Эти соглашения провозглашают право не только на здоровье, но и на здоровую окружающую среду, на здоровые и безопасные условия труда и т.д., по сути, включая весь спектр гарантий, закрепленных в ч. 3 ст. 45 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой право на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда. Поэтому понятие «право на охрану здоровья» можно считать совпадающим с понятиями «право на здоровье» и «право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья».

Нельзя понимать право на охрану здоровья только через систему охранительных норм. То, что конституционное право на охрану здоровья (или «право на здоровье», или «право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья») шире охранительных мер, находит свое подтверждение в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», в соответствии с которой государство призвано обеспечить материальные, организационные и правовые предпосылки реализации права на охрану здоровья. Данное положение находит свое подтверждение в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах с учетом Лимбургских принципов его применения [8]. Пункт 1 ст. 2 Пакта возлагает обязанность на каждое участвующее в Пакте государство как в индивидуальном порядке, так и в порядке международной помощи и сотрудничества принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление признаваемых в данном документе прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер. Лимбургские принципы разъясняют, что постепенное осуществление (в частности, права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья) может зависеть не только от увеличения ресурсов, но также от развития социальных возможностей, необходимых для реализации каждым прав, признаваемых в Пакте. В пунктах 25 и 27 Лимбургских принципов говорится об обязанности государств обеспечить уважение минимума жизнен-

но важных для всех прав, с справедливом и эффективным использовании имеющихся ресурсов и доступа к ним.

Таким образом, право на охрану здоровья в международном аспекте означает гарантированную государством (посредством создания равных социальных возможностей и справедливого распределения имеющихся ресурсов) возможность гражданина иметь доступ к пользованию благами, необходимыми для достижения наивысшего уровня здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мохов, А. А. Теоретические проблемы медицинского права России / А. А. Мохов. – Волгоград : МУПК, 2002.
2. Хасан, М. Права на охрану и защиту здоровья в международном праве / М. Хасан // *Международное право*. – 2005. – № 4.
3. Всемирная организация здравоохранения. Основные документы. – 34-е изд. – М., 1984.
4. Права человека : сб. междунар. правовых документов / сост. В. В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999.
5. МОТ. Конвенции и рекомендации. Т. 2. – Женева : НЕТ, 1991.
6. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 10.
7. Красавчикова, Л. О. Понятие и система личных, несвязанных с имущественными, прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук / Л. О. Красавчикова. – Екатеринбург, 1994.
8. Лимбургские принципы применения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах // *Вестник Московского университета. Сер. Право*. – 1996. – № 2.

Ahievets S. International legal regulation of health protection

The article analyses international relations on human rights that determine the right to health protection. The correlation of notions “right to health”, “right to health protection”, “right to have the highest possible level of physical and moral health” is defined. In international law the right to health protection means that the state secures the citizen’s right to have access to services necessary for achieving the highest level of health.

УДК 343.537

А.И. Касьяник

ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ В СОСТАВЕ ВЫМАНИВАНИЯ КРЕДИТА ИЛИ ДОТАЦИЙ

Субъективная сторона является неотъемлемым элементом каждого преступного деяния, выражающим его психологическое, внутреннее содержание. Она охватывает сознание лицом фактического характера и общественного значения совершаемого деяния или отсутствие такого сознания; предвидение или непредвидение общественно опасных последствий своих действий, определенное волевое к ним отношение; осознание развития причинной связи между деянием и последствиями; мотивы, которыми руководствовался субъект, совершая преступление; цели, которые он перед собой ставил; эмоции, которые при этом испытывал. Понятие признаков субъективной стороны в составе выманивания кредита или дотаций в силу незначительного периода существования данной нормы в УК Республики Беларусь, в теории уголовного права недостаточно разработано, что существенно осложняет применение ст. 237 УК на практике. В статье автор рассматривает спорные вопросы субъективной стороны в составе выманивания кредита или дотаций и предлагает собственное решение обозначенных проблем.

Введение

Субъективная сторона преступления представляет собой психическое отношение лица к совершенному им деянию. «Всякое преступное деяние – это не просто внешнее телодвижение или отсутствие такового», – указывают П.С. Дагель и Д.П. Котов. «Каждое преступление имеет определенное психологическое содержание; это, как правило, действие или бездействие, находящееся под контролем сознания и воли человека» [6, с. 40]. Правильное установление субъективной стороны в составе преступления способствует избежанию правовых ошибок при квалификации действий виновного, а также помогает провести отграничение от сходных деяний.

При рассмотрении субъективной стороны выманивания кредита или дотаций существенное значение имеет установление трех ее признаков – вины, мотива и цели данного преступления.

Вина в составе выманивания кредита или дотаций

Изучению вопроса вины в составе выманивания кредита или дотаций в белорусской литературе должного внимания не уделено. Исследователи лишь единодушно указывают, что выманивание может быть совершено только с прямым умыслом [12, с. 116; 14, с. 339].

Применительно к основному составу, сформулированному законодателем как формальный, такое утверждение следует признать правильным. В соответствии со ст. 24 УК Республики Беларусь косвенный умысел невозможен в преступлении, не связанном с наступлением последствий. Об умышленном, а не осторожном характере действий при выманивании свидетельствует указание законодателя на заведомую ложность представляемых документов и сведений, а также на умышленное несообщение необходимой информации.

В случае представления кредитору или органу, уполномоченному на выделение дотации, заведомо ложных документов и сведений, имеющих существенное значение

Научный руководитель – А.В. Барков, кандидат юридических наук, профессор, заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции.

для получения кредита или дотации, виновный осознает несоответствие представляемых сведений действительности и желает действовать подобным образом, преследуя цель получения кредита или дотации. Для такой формы выманивания, как бездействие, характерно осознание виновным того, что он умалчивает об известных ему обстоятельствах, могущих повлечь приостановление кредитования или дотирования при наличии обязанности и возможности информировать о возникновении таких обстоятельств уполномоченные органы, и желает игнорировать подобным образом лежащую на нем указанную обязанность.

По условиям возникновения и формирования умысел при выманивании также можно охарактеризовать как заранее обдуманый, так как возникновение его в обоих случаях (действия или бездействия) отделено от совершения преступления более или менее длительным промежутком времени. Субъект, решивший совершить названное преступление, обдумывает способы его совершения, взвешивает шансы, совершает подготовительные действия (готовит фиктивные документы) и, наконец, приводит умысел в исполнение.

Однако при таком понимании вины в составе выманивания кредита или дотаций остается невыясненным отношение лица к последствиям, которые может повлечь за собой совершение данного преступления, в виде причинения имущественного ущерба займодавцу. Возможно ли в этом случае говорить о прямом умысле виновного по отношению к наступившим последствиям, либо вина будет выражаться в иной форме?

Обозначенный вопрос в обязательном порядке требует своего разрешения, так как выманивание, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере, вынесено законодателем в квалифицированный состав. В такой ситуации принципиальное значение для определения формы вины имеет не только субъективное отношение лица к состоявшемуся факту выманивания, но и к факту причинения особо крупного ущерба, указанного в законе в качестве последствия преступления.

В российских научных кругах установление формы вины в составе незаконного получения кредита (ст. 176 УК Российской Федерации, где причинение ущерба рассматривается как обязательный признак наступления уголовной ответственности) породило ряд споров. Большинство исследователей исходят из того, что указанное преступление совершается умышленно, однако представления о виде умысла значительно разнятся.

Так, А.Э. Жалинский считает, что преступление, предусмотренное ст. 176 УК Российской Федерации совершается исключительно с косвенным умыслом [9, с. 398]. Ряд авторов, в том числе А.В. Шмонин и Б.В. Волженкин, допускают возможность совершения незаконного получения кредита как с прямым, так и с косвенным умыслом [17, с. 11; 4, с. 120]. Отдельные научные сотрудники указывают на то, что преступление может совершаться только с прямым умыслом [8, с. 450].

В литературе высказаны и иные точки зрения, авторы которых считают возможным совершение незаконного получения кредита как с умышленной, так и с неосторожной формой вины. «Субъективная сторона незаконного получения кредита, – пишет М.В. Феокистов, – может характеризоваться косвенным умыслом и неосторожной формой вины, которая чаще всего будет выражена в виде преступного легкомыслия» [15, с. 32]. И.А. Клепицкий полагает, что вина в анализируемом преступлении существует как в форме умысла (прямого или косвенного), так и в форме неосторожности (легкомыслия или небрежности) [7, с. 40].

Оценивая отношение субъекта незаконного получения кредита к содеянному, многие российские ученые прибегают к раздельному установлению психического отношения лица к деянию и последствиям деяния в виде имущественного ущерба. В рам-

ках указанного состава авторы допускают как существование различных форм вины, так и двух видов одной формы вины.

Характеризуя субъективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК Российской Федерации, Я.С. Васильева пишет, что вина здесь выражена в форме прямого умысла в отношении деяния и прямым либо косвенным умыслом по отношению к последствиям в виде крупного ущерба [1, с. 16].

Е.И. Ложкина полагает, что субъективная сторона незаконного получения кредита характеризуется прямым умыслом по отношению к незаконному получению кредита, льготных условий кредитования, государственного целевого кредита, а также его нецелевого использования и неосторожностью по отношению к причинению крупного ущерба [11, с. 17].

Характеризуя вину при выманивании кредита или дотаций (ст. 237 УК Республики Беларусь) и незаконном получении кредита (ст. 176 УК Российской Федерации), не следует забывать, что анализируемые составы существенно разнятся по своей конструкции. Состав незаконного получения кредита является материальным, что значительно осложняет установление в нем формы вины. Как указывают российские исследователи, конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 176 УК Российской Федерации, является нетипичной для права России, так как последствия в данном материальном составе не совпадают с результатом целенаправленных действий. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагается освободить состав незаконного получения кредита от материальных последствий деяния [7, с. 45].

Конструкция кредитного обмана по типу формального, как это сделано в УК Республики Беларусь, представляется более предпочтительной, так как деяния, описанные в подобных составах, совершаются умышленно, точнее, прямо умышленно и сами по себе обладают общественной опасностью, достаточной для их криминализации.

Автор исследования полагает, что в составе преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 237 УК Республики Беларусь, отношение субъекта к последствиям выманивания в виде причинения займодавцу имущественного ущерба в особо крупном размере, возможно как в форме умысла (прямого или косвенного), так и в форме неосторожности (легкомыслия или небрежности).

Прямой умысел по отношению к последствиям имеет место лишь в единственном случае, когда лицо прибегает к обману с целью получения дотации. Выманивание, которое привело к незаконному выделению дотации, всегда сопряжено с причинением имущественного ущерба государству, даже если полученные денежные средства не присвоены лицом, а используются для осуществления финансово-хозяйственной деятельности. Лицо, не имеющее права на получение дотации, предвидит, что в результате предпринятых обманных действий ему необоснованно будут выделены денежные средства на безвозмездной основе, что повлечет за собой причинение имущественного ущерба, и желает наступления таких последствий.

Отношение лица к последствиям при выманивании кредита (льготных условий кредитования, государственного целевого кредита), напротив, может характеризоваться только косвенным умыслом, так как для кредитного обмана не свойственно желание причинения ущерба. Выманивая кредит, лицо имеет намерение исполнить обязательство, т.е. вернуть кредит, что исключает прямой умысел, направленный на причинение ущерба. При должном исполнении обязательства (даже если при вступлении в деловые отношения лицо прибегло к обману) никакого ущерба кредитору причинено не будет, более того, он получит выгоду в виде процентов за пользование кредитом. Представляя либо укрывая сведения о тех или иных обстоятельствах, имеющих существенное значение для кредитования, субъект предвидит общественно опасные последствия совершаемого деяния в виде причинения имущественного ущерба кредитору, не желает, но

сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично. Если же на момент выманивания кредита лицо не намерено возратить кредит, то содеянное образует состав не кредитного обмана, а более опасного преступления – мошенничества. Ответственность по ст. 237 УК Республики Беларусь будет наступать только, когда должник изначально имел намерение вернуть полученный кредит, но впоследствии лишился такой возможности.

Нельзя отрицать, на наш взгляд, и неосторожного отношения со стороны виновного к причинению имущественного ущерба кредитору в случае выманивания кредита. Получая кредит обманным способом, заемщик рассчитывает его вернуть, но не всегда расчет оказывается верным, в связи с чем причиняется ущерб. При неосторожности лицо предвидит возможность причинения ущерба, но без достаточных оснований рассчитывает на его предотвращение, либо вовсе не предвидит возможности наступления такого ущерба, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно и могло было это предвидеть.

Таким образом, следует признать, что субъективное отношение лица к причинению имущественного ущерба займодавцу в ч. 2 ст. 237 УК Республики Беларусь при выманивании кредита, льготных условий кредитования, государственного целевого кредита может характеризоваться косвенным умыслом, легкомыслием или небрежностью, при выманивании дотации – прямым умыслом.

Мотив и цель в составе выманивания кредита или дотаций

Немаловажное значение для уяснения субъективной стороны выманивания кредита или дотаций, помимо вины, имеют такие признаки, как мотив и цель. «Сознательное волевое действие человека, – пишет В.А. Владимиров, – всегда предполагает существование мотивов, вызвавших намерение совершить это действие, и определенных целей, к достижению которых виновный направляет свои усилия» [3, с. 124].

Мотив предшествует волевому процессу и выступает как побудительная сила к совершению действия. Он стимулирует поведение, является источником активности личности. «Мотив лежит в основе любого человеческого поведения, – указывает Б.С. Волков, – человек не предпринимает ничего такого, что бы ни вызывалось какой-то нуждой, стремлением удовлетворить свои потребности, интересы и склонности» [5, с. 17]. Любое умышленное преступление есть результат реализации мотивов, возникших в сознании человека.

Как свидетельствует изучение следственной и судебной практики, выманивание кредита или дотаций совершается по самым разнообразным мотивам. Однако подавляющее большинство преступлений данной группы имеют мотивы корыстной направленности. На это обстоятельство обращают внимание в своих работах белорусские и российские исследователи [2, с. 15; 10, с. 38].

Так, российские авторы А.Ю. Чупрова и А.А. Сапожков, в частности, справедливо замечают, что обманное получение льготных условий кредитования всегда происходит под воздействием корыстных побуждений, поскольку особый режим кредитования позволяет заемщику уменьшить платежи кредиторам [16, с. 67; 13, с. 19].

Корыстный мотив означает, что в основе побудительных причин общественно опасного деяния лежит стремление извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерение избавить себя или близких от материальных затрат. Среди прочих мотивов, встречающихся по уголовным делам о выманивании кредита или дотаций, можно назвать такие, как карьеризм и стремление наладить нормальную хозяйственную деятельность.

Мотив не относится к обязательным признакам выманивания кредита или дотаций и не имеет значения для квалификации данного преступления, на что особо указал

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 6 постановления от 8 июня 1998 года № 4 «О некоторых вопросах применения судами законодательства по делам о выманивании кредита или дотаций». Однако установление его по делам о выманивании кредита или дотаций является необходимым, так как мотив может учитываться судом при назначении наказания. Корыстные побуждения, в частности, в соответствии со ст. 64 УК Республики Беларусь признаются обстоятельством, отягчающими ответственность.

В отличие от мотива, цель является обязательным признаком состава выманивания. Цель преступления – это тот желаемый результат, который стремится достичь лицо, совершая общественно опасное деяние. Цель направляет преступное поведение на достижение преступного результата, мысленный образ которого заключен в нем.

Специальная цель выманивания кредита или дотаций прямо оговорена законодателем в диспозиции ст. 237 УК Республики Беларусь. В соответствии с требованиями статьи деятельность по выманиванию может быть направлена на достижение одного из следующих альтернативных результатов:

- 1) получение кредита;
- 2) получение кредита на льготных условиях кредитования;
- 3) выделение дотации;
- 4) получение государственного целевого кредита.

При этом лицо стремится путем обмана получить денежные средства в качестве кредита или дотации не для личного потребления, а для использования их в предпринимательской или иной хозяйственной деятельности. В этом и заключается смысл выманивания.

В тех случаях, когда законодатель помимо способа совершения преступления обязательным признаком называет цель преступного деяния, ее установление является объективно необходимым, так как способ и цель в таком преступлении находятся в органическом единстве. Тот или иной способ используется для достижения определенной указанной в законе цели. Отсутствие цели будет свидетельствовать и об отсутствии состава преступления в целом.

«Смысл включения специальной цели в число признаков состава преступления, – отмечает П.С. Дагель, – заключается в том, чтобы подчеркнуть определенную субъективную направленность деяния, свидетельствующую об особом характере его общественной опасности, и разграничить преступления, сходные по объективной стороне и даже по форме вины, но различающиеся по субъективной направленности» [6, с. 42].

Указав специальную цель в составе выманивания, законодатель стремился подчеркнуть особую направленность данного преступления на причинение вреда общественным отношениям в бюджетной и денежно-кредитной сфере и тем самым дать ориентир для разграничения выманивания и мошенничества. Вместе с тем, на наш взгляд, предложенная законодателем формулировка цели преступного выманивания не содержит в себе разрешения поставленных задач, так как не достаточно четко определяет сферу предполагаемого лицом использования получаемых обманным способом денежных средств.

Из описания способа выманивания ясно, что лицо намерено добиться получения кредита или выделения дотации, в связи с этим включение в диспозицию статьи слов «с целью получения кредита» по существу не меняет понимания сути рассматриваемого деяния. Более правильным, по нашему мнению, было бы указать не просто цель обманных действий (выманивания), а желаемую сферу использования полученного кредита или дотации. Результат, к которому стремится виновный, – незаконно получить кредитные или дотационные средства с целью использования их в осуществлении предпринимательской или иной хозяйственной деятельности. Подобная формулировка по-

зволит правоприменителю глубже понять сущность выманивания и отличие его от преступных посягательств на собственность.

Заключение

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 237 УК Республики Беларусь, может быть совершено только с прямым умыслом. Субъективное отношение лица к причинению имущественного ущерба займодавцу в ч. 2 ст. 237 УК Республики Беларусь при выманивании кредита, льготных условий кредитования и государственного целевого кредита возможно в форме косвенного умысла, легкомыслия или небрежности; при выманивании дотации – в форме прямого умысла.

2. Разграничение состава преступления, предусмотренного ст. 237 УК Республики Беларусь, со смежными преступлениями проводится, прежде всего, по цели, на достижение которой направлены предпринимаемые при выманивании обманные действия. Такой целью является получение денежных средств в форме кредита или дотации для последующего использования их в осуществлении предпринимательской или иной хозяйственной деятельности. Для более глубокого понимания сущности выманивания и отграничения его от преступных посягательств на собственность представляется необходимым дополнить ст. 237 после слов «в целях получения кредита либо льготных условий кредитования» уточнением – «для осуществления предпринимательской деятельности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, Я. С. Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Я. С. Васильева ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2000. – 23 с.
2. Вишневский, А. А. Расследование уголовных дел, связанных с незаконным получением кредитов или дотаций / А. А. Вишневский, В. П. Шиенок. – Минск : «Тесей», 2000. – 80 с.
3. Владимиров, В. А. Квалификация похищений личного имущества / В. А. Владимиров. – М. : Юрид. лит., 1974. – 208 с.
4. Волженкин, Б. В. Экономические преступления / Б. В. Волженкин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 1999. – 312 с.
5. Волков, Б. С. Мотивы преступлений: (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование) / Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.
6. Дагель, П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П. С. Дагель, Д. П. Котов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 243 с.
7. Клепицкий, Н. А. Кредитный обман в сравнительно-правовом аспекте / Н. А. Клепицкий // Законодательство. – 2003. – № 2. – С. 38–46.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С. В. Бородин [и др.] ; под общ. ред. А. В. Наумова. – М. : Юристь, 1997. – 823 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Ю. И. Скуратов [и др.] ; под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. – М. : Издат. группа НОРМА-ИНФРА.М, 1996. – 592 с.
10. Кошаева, Т. О. Вред, причиняемый экономическими преступлениями / Т. О. Кошаева // Журнал российского права. – 2002. – № 8. – С. 34–41.
11. Ложкина, Е. И. Правовые основы и тактика расследования незаконного получения кредита : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. И. Ложкина ; Всерос. НИИ МВД России. – М., 1999. – 25 с.

12. Лукашов, А. И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / А. И. Лукашов. – Минск : Тесей, 2002. – 256 с.

13. Сапожков, А. А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (уголовно-правовые аспекты) : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Сапожков ; С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ. – СПб., 2000. – 25 с.

14. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Бабия и И. О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.

15. Феоктистов, М. В. Ответственность за незаконное получение кредита и уклонение от погашения кредиторской задолженности: проблемы теории и практики / М. В. Феоктистов // Банковское право. – 2001. – № 1. – С. 30–35.

16. Чупрова, А. Ю. Квалификация преступного обмана в кредитно-финансовой сфере / А. Ю. Чупрова // Банковское право. – 2000. – № 2. – С. 64–67.

17. Шмонин, А. В. Проблемы уголовно-правовой квалификации незаконного получения кредита / А. В. Шмонин // Следователь. – 1998. – № 8. – С. 2–13.

Kasyanik A.I. The definition of subjective elements in the contents of obtaining credit and dotations by using blackmail

Subjective side is an essential element expressing the psychological inner contents of every criminal activity. The definition of subjective elements in the contents of obtaining credit and dotations by using blackmail is not worked out enough in the Criminal Law of the Republic of Belarus as well as in the theory of criminal Law, because of a short period existence of such problem. This fact in its turn makes it harder to use article 237 of the Criminal Law in practice. In the article the author regards arguable questions in relation to the subjective side in the contents of obtaining credit and dotations by using blackmail and gives solutions to this point.

УДК 341

О.В. Пашкевич

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ДЕФИНИЦИИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

В статье проводится анализ понятия культурных ценностей, закрепленного в существующих международно-правовых документах: конвенциях, рекомендациях, декларациях. Автор рассматривает эволюцию кодификации понятия культурных ценностей в международном праве, начиная с XIX века и до наших дней, его зависимость от целей и сферы применения соответствующих нормативных документов. На примере изученного правового массива показано, как развивалось и расширялось международное сотрудничество в данной области, росло понимание важности культурного наследия всех народов и необходимости его сохранения для будущих поколений. Подробно освещаются различные взгляды ученых, исследователей и практиков на предмет исследования. Приводятся доказательства того, что разнообразие позиций и подходов обосновано и служит усилению института защиты культурных ценностей в целом.

Введение

В современном мире с усилением процессов глобализации и взаимодействия государств растет интерес к культурам различных народов, что позитивно сказывается на активизации процесса международно-правовой кодификации отношений в сфере защиты культурных ценностей. Вызывает необходимость продолжения кодификационного процесса и тот факт, что с ростом самосознания народов, понимания необходимости сохранения культурного наследия для потомков и интереса к культуре в целом, острота проблемы защиты культурных ценностей не уменьшается. Культурные ценности подвергаются разрушению, уничтожению, являются предметом незаконной торговли, наконец, просто повреждаются в результате небрежного и халатного обращения с ними. Как видно имеющиеся инструменты международно-правового регулирования защиты культурных ценностей, которые включают в себя многосторонние конвенции, двусторонние договоры, рекомендации, декларации и резолюции международных организаций, кодексы поведения и т.д., все же недостаточно эффективны. Этому можно дать ряд объяснений. Так, ввиду достаточно короткой истории данного вопроса, международное сотрудничество государств в этой области все еще находится в стадии развития, практика взаимодействия соответствующих структур невелика и недостаточна для успешного решения поставленных задач как на региональном, так и на двустороннем уровне. К этому надо добавить несовершенство национального законодательства, не отвечающего в полной мере современным реалиям и международным требованиям.

Проблема эффективной защиты культурных ценностей осложняется отсутствием определения предмета защиты. Крайне широкий характер понятия культурных ценностей и наличие ряда его вариаций в зависимости от целей международно-правового документа, определяющего его, являются естественными и закономерными, что отмечается многими исследователями (М.М. Богуславский, С.Н. Молчанов и др.) [2; 8]. Кроме того, в международном праве также широко используются понятия «культурное наследие», «выдающиеся универсальные ценности», «культурное достояние» и др. Эти понятия часто пересекаются, совпадают либо в ряде случаев являются взаимозаменяемыми, в то же время значительно различаясь в других контекстах.

Научный руководитель – Л.В. Павлова, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета.

Основные подходы и их эволюция

1. Следует отметить, что первые положения о защите культурных ценностей появляются в мирных договорах либо договорах, регулирующих вооруженные конфликты, хотя при этом сам термин вошел в употребление гораздо позднее.

Так, ответственность за захват, умышленное разрушение или повреждение учебных, научных и художественных учреждений, памятников, художественных и научных произведений предусматривалась еще Брюссельской декларацией права войны, принятой в 1874 году, Конвенциями о законах и обычаях сухопутной войны, принятых на Гаагских конференциях соответственно в 1899 и 1907 годах [1, с. 13]. Согласно ст. 56 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 года «собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих Государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию» [5, с. 21].

2. Значительным шагом вперед, по сравнению с предыдущими конвенциями, явилось подписание 15 апреля 1935 года Договора об охране художественных научных учреждений, исторических памятников, широко известного как Пакт Рериха, названного именем вдохновителя и создателя проекта данного документа – Н.К. Рериха [11, с. 36]. В преамбуле указывается, что целью данного договора является «обеспечение охраны в случае угрозы всех памятников, составляющих культурное наследие народов и находящихся как в государственной, так и в частной собственности», а также «обеспечение уважения и охраны культурных ценностей в военное и в мирное время». Из ст. 1 следует, что к таким ценностям относятся исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения. Таким образом, предмет Договора максимально широк: это ценности, находящиеся как в государственной, так и в частной собственности, которым предоставлены нейтралитет, покровительство и уважение независимо от государственной принадлежности как во время войны, так и в мирное время. Однако согласно ст. 4 правительства государств-участников Договора направляют перечень памятников и учреждений, на которые желательнее распространить покровительство. Для их обозначения может быть использован отличительный флаг (ст. 3). Данное положение можно рассматривать как расширяющее сферу охвата понятия «культурные ценности», поскольку каждое государство постарается по возможности защитить большее количество своих памятников, так и ограничивающее: предметы, не включенные в такой список, под соответствующую защиту могут и не попасть. Так как никаких четких критериев определения того, какие именно памятники являются историческими, в Договоре не содержится, невозможно определить учреждения, если они не будут обозначены соответствующим знаком.

3. В международную терминологию понятие «культурные ценности» было введено благодаря Гаагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [2, с. 18]. Статья 1 документа дает следующее определение:

Культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца:

(а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;

(б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте (а), такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте (а);

(в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах (а) и (б), так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей» [9, с. 15].

Данной Конвенцией, как и предыдущим Договором, также предусматривается маркировка объектов специальным знаком, внесение их в «Международный Реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой» по заявлению Договаривающейся Стороны, на чьей территории такая ценность находится (ст.ст. 6, 8, 16 и др.) [9, с. 8–9].

В 1999 году Конвенция была дополнена Вторым протоколом, ст. 10 которого содержит понятие «культурная ценность, являющаяся культурным наследием, имеющим значение для всего человечества» [9, с. 42]. Таким образом, из данного положения можно сделать вывод, что термин «культурная ценность» является более широким, чем «культурное наследие», и лишь исключительные культурные ценности могут быть включены в эту категорию.

4. Рекомендацией ЮНЕСКО, касающейся наиболее эффективных мер обеспечения общедоступности музеев, принятой в Париже 14 декабря 1960 года, к элементам, представляющим культурную ценность, отнесены коллекции предметов искусства, истории, науки и техники, ботанические и зоологические сады, аквариумы [9, с. 127].

Примечательно, что с 1962 года культурный интерес представляют также «пейзажи и виды городских или сельских местностей, созданные как природой, так и трудом человека» (п. 1 Рекомендации ЮНЕСКО о сохранении красоты характера пейзажей местностей) [9, с. 132].

5. Первым документом, содержащим определение понятия «культурные ценности», действие которого распространяется на мирное время, является Рекомендация ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности от 19.11.1964 года. В преамбуле говорится, что «культурные ценности являются основными элементами цивилизации и культуры народов и что ознакомление с ними способствует взаимному пониманию и взаимному уважению между народами» [9, с. 139–140].

Согласно определению, данному в п. 1 Рекомендации, «культурными ценностями считается движимое и недвижимое имущество, имеющее большое значение для культурного достояния каждой страны, такие предметы, как произведения искусства и архитектуры, рукописи, книги и другие предметы, представляющие интерес с точки зрения искусства, истории или археологии, этнологические документы, типичные образцы флоры и фауны, научные коллекции и важные коллекции книг и архивных документов, в том числе музыкальные архивы». При этом наиболее подходящие критерии для определения находящихся на территории каждого государства культурных ценностей, которые имеют большое значение, устанавливаются самим государством-членом ЮНЕСКО в соответствии с его мнением. Каждое государство-член должно, по мере возможности, разрабатывать и применять процедуры выявления находящихся на его территории вышеобозначенных культурных ценностей и составлять государственную опись этих ценностей.

6. Значительное внимание защите недвижимых культурных ценностей уделено Рекомендацией ЮНЕСКО о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ от 19.11.1968 года [9,

с. 145–147]. В ней под термином «культурные ценности» понимаются две категории предметов (п. 1). Во-первых, это недвижимые объекты, приводимый перечень которых в основном совпадает с классификацией, данной Гаагской конвенцией 1954 года. Однако с учетом характера Рекомендации, регулирующей правила проведения особого вида деятельности – «общественных или частных работ», особо оговаривается, что недвижимые объекты должны «все еще находиться в хорошем состоянии», причем «это относится к таким недвижимым объектам, как развалины, сохранившиеся на поверхности земли, а также археологические или исторические остатки, обнаруженные в земле. Термин «культурные ценности» распространяется также на непосредственно окружающую их обстановку».

Во-вторых, это «движимые ценности, имеющие культурное значение, включая ценности, находящиеся в недвижимых объектах или извлеченные из них, а также движимые ценности, скрытые в земле, которые могут быть обнаружены в местах, имеющих археологическое или историческое значение, или в других местах».

Термин «культурные ценности» относится не только к выявленным и зарегистрированным архитектурным, археологическим и историческим местностям и сооружениям, но и к незарегистрированным остаткам прошлого, а также к современным местностям и сооружениям, имеющим художественное значение (п. 4).

Как и в Рекомендации 1964 года, в п. 4 говорится о необходимости «иметь охраняемые описи важных культурных ценностей, независимо от того, зарегистрированы они или нет. Там, где подобные описи не существуют, при их составлении следует обратить особое внимание на тщательное обследование культурных ценностей в районах, где подобные ценности подвергаются опасности в результате проведения общественных или частных работ».

7. В 1970 году, на базе положений, закрепленных в уже упоминавшейся Рекомендации 1964 года, была принята Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности [9]. Согласно ст. 1 для целей настоящей Конвенции культурными ценностями считаются ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки и которые относятся к перечисленным в той же статье одиннадцати категориям.

При этом Конвенцией также предусмотрены пять способов, либо путей, появления культурных ценностей, которые относятся к культурному наследию каждого государства, на его территории. Иными словами, чтобы быть отнесенной к культурному наследию, ценность не обязательно должна быть создана на территории государства, но может оказаться там другими законными путями.

8. На 17-й сессии ЮНЕСКО в 1972 году были приняты два документа, имеющие важное значение и по сей день. Это Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия и Рекомендация об охране в национальном плане культурного и природного наследия [9].

Как следует из названий, данные документы оперируют понятиями «культурное наследие» либо «ценности культурного наследия», которые по своему содержанию во многом пересекаются с понятием культурных ценностей, раскрытом в других рассмотренных выше документах. Соответственно, между собой эти определения практически совпадают. Так, согласно ст. 1 Конвенции под культурным наследием понимаются:

– памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строе-

ний, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

– достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии. Следует пояснить, что, по мнению экспертов Международного Союза охраны природы (IUCN), Международного Совета по охране памятников и исторических мест (ICOMOS) и Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (ICCROM), выдающаяся универсальная ценность объекта свидетельствует о его высокой значимости для всего мирового сообщества. При этом универсальная ценность отдельных участков Всемирного наследия – это способность наилучшим образом и с наибольшей репрезентативностью представить природное и культурное разнообразие нашей планеты, наиболее полно отобразить взаимодействие природы и человека в конкретном культурном, историческом и географическом контексте [3].

9. В Рекомендации ЮНЕСКО 1972 года об охране в национальном плане культурного и природного наследия понятие культурного наследия лишь незначительно уже и включает:

– памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, включая пещерные жилища и надписи, а также элементы, группы элементов или структуры, имеющие особую ценность с точки зрения археологии, истории, искусства или науки;

– ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, которые в силу их архитектуры, единства или связи с пейзажем представляют особую ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

– достопримечательные места: топографические зоны, совместные творения человека и природы, представляющие особую ценность в связи с их красотой или интересом с точки зрения археологии, истории, этнологии или антропологии.

Однако необходимо отметить, что если Рекомендация лишь ориентирует государства на совершенствование внутреннего законодательства, то Конвенция является международно-правовым инструментом, имеющим обязательную силу, и прямо указывает на то, что указанное наследие, находящееся на территории государств-сторон, в то же время является всеобщим наследием, для охраны которого все международное сообщество обязано сотрудничать (ст. 6). Статьей 11 Конвенции предусмотрено и без их согласия невозможно создание «Списка всемирного наследия», перечень ценностей для которого предоставляется государствами-участниками (ст. 11). В настоящее время данный Список включает 660 культурных, 166 природных и 25 смешанных объектов в 141 государстве-участнике Конвенции [15].

10. После Конвенции 1972 года следующий международный договор обязательного характера, оперирующий понятием «культурные ценности», появился лишь в 1995 году. Им стала Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях. Однако в действительности процесс нормотворчества в данной области не прекращался: в указанный период был принят ряд других нормативных актов, развивающих это понятие.

Так, для целей Рекомендации ЮНЕСКО 1976 года о международном обмене культурными ценностями под ними подразумеваются предметы, которые являются выражением или свидетельством человеческого творчества или же эволюции природы и которые, по мнению компетентных органов отдельных государств, представляют или могут представлять собой историческую, художественную, научную или техническую ценность или интерес, включая предметы следующих категорий:

- a) образцы зоологии, ботаники, геологии;
- b) археологические предметы;
- c) предметы и документация, представляющие этнологический интерес;
- d) произведения изобразительного и прикладных видов искусства;
- e) литературные, музыкальные, фотографические и кинематографические произведения;
- f) архивы и документы [9, с. 173].

11. Чтобы дополнить и расширить сферу действия норм и принципов, изложенных в вышеперечисленных международных актах, в 1976 году Генеральной конференцией ЮНЕСКО принимается Рекомендация «О сохранении и современной роли исторических ансамблей». В документе дается определение «исторических или традиционных ансамблей», которое в общих чертах повторяет основные положения, уже закрепленные в рассмотренных выше рекомендациях и конвенциях, однако особый акцент делается на то, что данные совокупности зданий, сооружений и открытых пространств должны обладать признанной «целостностью» и «тщательно сохраняться во всей своей целостности» (ч. I, п. 1, a)) [9, с. 179].

Объектом охраны, в соответствии с Рекомендацией, является также окружение таких ансамблей – естественная или созданная руками человека окружающая среда, которая влияет на статичное или динамичное восприятие этих ансамблей или непосредственно связана с ними в пространстве или в социальном, экономическом или культурном отношении (ч. I, п. 1, b)). Отсюда следует один из принципов Рекомендации: «Каждый исторический или традиционный ансамбль и окружающую его среду следовало бы рассматривать в совокупности как единое целое, равновесие и особый характер которого зависят от синтеза составляющих его элементов и которое включает деятельность людей, а также здания, структуру пространства и окружающие зоны» (ч. II, п. 3).

Одним из основных принципов Рекомендации является положение о необходимости рассматривать исторические или традиционные ансамбли и их окружение как составляющие всеобщее невозместимое наследие (ч. II, п. 2).

12. В Рекомендации ЮНЕСКО 1978 года об охране движимых культурных ценностей под «движимыми культурными ценностями» подразумеваются все движимые ценности, которые являются выражением или свидетельством творчества человека или эволюции природы и которые имеют ценность с археологической, исторической, художественной, научной или технической точек зрения, и излагается обширный перечень категорий таких предметов (ч. I, п. 1) [9, с. 194].

К движимым культурным ценностям относятся предметы, принадлежащие как государству и органам публичного права, так и физическим и юридическим лицам частного права, поскольку все эти ценности являются важными элементами культурного наследия соответствующих народов (ч. II, п. 3), а приемлемые критерии для определения ценностей, которые должны пользоваться охраной в силу их археологической, художественной, научной или технической ценности, устанавливаются государствами-членами (ч. I, п. 2).

В остальном же определение культурных ценностей значительно не отличается от уже принятых в международном праве, т.к. цель данной Рекомендации – не дать новое определение, а предусмотреть более совершенные способы защиты в дополнение к уже разработанным.

13. Расширению понятия культурных ценностей способствовала Рекомендация об охране и сохранении движущихся изображений 1980 года, которая подчеркнула образовательную, культурную, художественную, научную и историческую ценность движущихся изображений образующих неотъемлемую часть культурного наследия страны как выражения культурной самобытности народов. Каждому государству настоятельно рекомендуется

принять надлежащие дополнительные меры с целью обеспечения охраны и сохранения для потомства этой исключительно уязвимой части культурного наследия, которое образует также часть всеобщего наследия человечества. Таким образом, понятие культурных ценностей в международном праве расширилось [9, с. 205].

14. Государственным архивам как одной из категорий движимых культурных ценностей было уделено особое внимание в Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, долгов и архивов 1983 года (в силу не вступила).

Для целей данной Конвенции «государственные архивы государства-предшественника» означают совокупность документов любой давности и рода, произведенных или приобретенных государством-предшественником в ходе его деятельности, которые на момент правопреемства государств принадлежали государству - предшественнику согласно его внутреннему праву и хранились им непосредственно или под его контролем в качестве архивов для различных целей (ст. 20).

При этом в комментариях разработчики Конвенции отмечают, что архивные документы должны рассматриваться в самом широком смысле и могут находиться как в письменном, так и любом другом виде, на носителе из любого материала, в том числе на дереве, ткани, камне и пр. [14].

15. Конвенция УНИДРУА 1995 года относит к культурным ценностям те же категории предметов, что и Конвенция ЮНЕСКО 1970 года, а также Рекомендация 1978 года: согласно ст. 2 Конвенции, культурными объектами являются те, которые по религиозным либо светским основаниям имеют значение для археологии, доисторического времени, истории, литературы, искусства или науки и принадлежат к одной из категорий, перечисленных в Приложении к этой Конвенции [12, с. 15]. Различие состоит в том, что для целей Конвенции УНИДРУА не учитывается позиция государства в отношении признания значения ценности и не требуется, чтобы ценность была включена в описи соответствующего учреждения [2, с. 20, 141].

16. Конвенция ЮНЕСКО об охране подводного наследия от 6 ноября 2001 года выделила новую категорию культурных ценностей, определив их как подводное наследие. К нему отнесены все следы человеческого существования, имеющие культурный, исторический или археологический характер, которые частично или полностью, периодически или постоянно находятся под водой на протяжении не менее 100 лет:

(I) объекты, сооружения, здания, артефакты и человеческие останки вместе с их археологическим и природным окружением;

(II) суда, летательные аппараты, другие транспортные средства или любые их части, их груз или другое содержимое, вместе с их археологическим и природным окружением; и

(III) предметы доисторического характера (ст. 1, ч. 1) [9].

17. Качественно отличную от предыдущих категорию ценностей закрепила Рекомендация ЮНЕСКО о сохранении фольклора 1989 года, согласно которой фольклор является частью общего наследия человечества, а также неотъемлемой частью культурного наследия и живой культуры. Как видно, круг объектов культурного наследия, требующих международно-правовой защиты, пополнился новой группой, к которой неприменимы понятия движимости/недвижимости, имущества и пр., что, конечно, значительно усложняет процедуру такой защиты [9, с. 217].

18. С учетом данной декларации в 2003 году была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия, для целей которой «нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструмент, предмет, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами

в качестве части их культурного наследия (ст. 2, п. 1) [7]. В соответствии с данным актом такое наследие проявляется в следующих областях:

- a) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- b) исполнительские искусства;
- c) обычаи, обряды, празднества;
- d) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;
- e) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

Очевидно, что объекты такого рода требуют совершенно иных мер защиты, нежели применявшиеся к движимым и недвижимым материальным культурным ценностям, и речь идет не о предотвращении незаконного ввоза, вывоза или передачи права собственности на них, а о «принятии мер с целью обеспечения жизнеспособности» наследия (п. 3 ст. 2).

19. Для национальных законодательств также характерно разнообразие подходов при определении культурных ценностей. Среди них исследователи выделяют три, которые в том или ином виде, а также в совокупности были использованы и в рассмотренных международно-правовых актах:

- категориальный метод, при котором используется очень общее описание, охватывающее широкий класс предметов;
- перечневый метод, описывающий каждый тип включенного и охраняемого предмета (используется в английском праве);
- классификационный: еще более конкретное, чем в предыдущем, описание предмета, когда предмет охраняется только в случаях наличия административного решения охранять предмет (характерен для французского законодательства) [12, с. 24].

Как видно из приведенного выше обзора международно-правовых актов, большинство из них оперируют первыми двумя методами, рекомендуя при этом использовать более жесткую регламентацию на национальном уровне для облегчения внутригосударственной охраны культурных ценностей.

Выводы

Анализ трактовок термина «культурные ценности» в различных международно-правовых документах позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, в случае употребления понятия «культурные ценности» меры защиты направлены, в основном, на определение и сохранение права собственности. Именно поэтому ряд исследователей настаивает на замене понятия ценностей понятием «культурная собственность», ссылаясь на применение аналогичного термина в иностранных языках (*cultural property*, *biens culturels*) [1, с. 7]. Утверждается, что понятие собственности шире понятия «культурные ценности» и носит объективный характер. Однако такая трактовка подвергается, и, на наш взгляд, обоснованно, сильной критике не только учеными, но и практиками, деятельность которых непосредственно связана с определением ценности предметов. В частности, российский ювелир из г. Екатеринбург А.А. Рыбаченко в своем выступлении на региональной научно-практической конференции «От частной коллекции – к государственному музею» отмечает, что «понятие ценностей в обыденном сознании часто ассоциируется с понятием «стоимости». И хотя это может быть естественным для тех языков, в которых для понятий «ценность» и «стоимость» используется одно и то же слово (англ. «value»), однако «такое отождествление не отвечает в полной мере природе культурных ценностей, поскольку, в этом случае, на философско-культурологическое понятие ценностей переносится смысл и содержание экономического понятия стоимости» [10, с. 50]. Однако поскольку «в понятии ценности преобладает личностный смысл, ее субъективная оценка челове-

ком», то ее нельзя отождествлять с понятием «благо», которое является объективной характеристикой [13, с. 18]. Таким образом, если целью некоторых конвенций и является защита права собственности, это не может быть основанием нивелировать субъективную, нематериальную ценность предмета и его нестоимостное значение как для определенного народа, так и для мирового сообщества в целом.

Когда же речь идет о культурном наследии, под его защитой, как правило, подразумевают защиту от уничтожения и меры по сохранению для будущих поколений и человечества в целом. Как справедливо отмечает российский юрист Л.Н. Галенская, «вопросы собственности не имеют значения для понятия общего наследия человечества» [4, с. 13].

Во-вторых, большинство исследователей пытаются выработать свое понятие культурных ценностей, включив туда как правовое, так и философское их значение и объединив признаки движимых и недвижимых (а иногда и нематериальных) ценностей [13]. При этом естественно, что такое определение составляется для целей конкретного исследования, в нем отражается гражданско-правовой, криминологический либо другие аспекты проблемы, однако, как правило, оно претендует на универсальность. В то же время, как видно из вышеизложенного, для целей международно-правовой защиты необходим комплексный подход к данному вопросу, и такое всеобъемлющее определение не всегда целесообразно, так как оно усложняет выработку мер и способов такой защиты.

Рассматривая вопрос унификации понятия культурных ценностей и культурного наследия, делать это, на наш взгляд, предпочтительнее в отдельных отраслях института международно-правовой защиты для облегчения взаимодействия государств по определенному кругу вопросов, а не для всего института в целом.

Отсюда третий вывод: на наш взгляд, разрабатывать единое определение понятия «культурных ценностей» в международном праве нецелесообразно. Данное определение, как видно из вышеприведенного анализа основных международно-правовых документов, изменяется и приобретает свои особенности в зависимости от целей правового акта. В связи с этим основная задача юристов – в выработке такого определения, которое максимально полно охватило бы круг предметов, признанный нуждающимся в защите определенного рода от конкретных угроз. В то же время, представляет ли отдельно взятый предмет культурную ценность сам по себе и имеет ли он значение для наследия человечества – это задача, относимая в значительной степени к области культуры, а не исключительно права, и данная функция должна быть возложена в том числе на искусствоведов, филологов, археологов и представителей других профессий. Только такое сотрудничество поможет наиболее полно выразить многочисленные аспекты понятия культурных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматзянов, А. А. Международно-правовая защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.10 / А. А. Ахматзянов ; Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2005. – 24 с.
2. Богуславский, М. М. Культурные ценности в международном обороте. Правовые аспекты / М. М. Богуславский. – Москва : Юристъ, 2005. – 427 с.
3. Веденин, Ю. А., Кулешова, М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия / Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://heritage.unesco.ru/index.php?id=101&L=9>. – Дата доступа : 08.10.2007.

4. Галенская, Л. Н. Музы и право: Правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры / Л. Н. Галенская. – ЛГУ им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. – 220 с.
5. Действующее международное право. Документы : учеб. пособие для вузов по специальностям «международные отношения», «регионоведение» : в 2 т. / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – Москва : Междунар. отношения, 2002. – 512 с.
6. Конвенция ЮНЕСКО об охране подводного наследия : Международные нормативно-правовые акты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ntrust.ru/public.cms/?eid=689382>. – Дата доступа : 24.09.2007.
7. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия : Международные нормативно-правовые акты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ntrust.ru/public.cms/?eid=689705>. – Дата доступа : 30.08.2007.
8. Молчанов, С. Н. Об определении понятий «недвижимые культурные ценности» и «недвижимое культурное наследие (достояние)» в правовых актах ЮНЕСКО : доклад, прочитанный на Второй межрегиональной научно-практической конференции «ИРИТОП – 2000 «в г. Москва 25.04.2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://smolchanov.narod.ru>. – Дата доступа : 14.10.2007.
9. Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. Нормативные правовые акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия : Конвенции. Протоколы. Резолюции. Рекомендации. – Москва : ЮниПринт, 2002.
10. От частной коллекции – к государственному музею : доклады и тезисы Региональной научно-практической конф. Екатеринбург, 4–6 февраля 2002 г. / редкол : В. И. Плотников, Т. А. Рунева, А. Н. Черепанов. – Екатеринбург : [б.и], 2002. – 268 с.
11. Пакт Рериха. Знак Триединости. : перевод / автор-сост. А. П. Соболев. – Санкт-Петербург : Коста, 2005. – 94, [2] с.
12. Предотвращение незаконной торговли культурными ценностями. Справочник по выполнению Конвенции ЮНЕСКО 1970 года / авт-сост. П. Аскеруд, Э. Клеман. – Москва : НП «Издательская фирма «ЮниПринт», 2002.
13. Фомичев, С. А. Контрабанда культурных ценностей : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. А. Фомичев ; Ульяновский государственный университет. – Москва, 2006. – 32 с.
14. Draft articles on Succession of States in Respect of State Property, Archives and Debts with commentaries, 1981. / Комиссия международного права ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://un.org/en/>. – Дата доступа : 11.11.2007.
15. World Heritage List. / Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://whc.unesco.org/en/list>. – Дата доступа : 27.11.2007.

Pashkevich O.V. The definition of cultural property in international law (main approaches and evolution)

The article gives analysis of the definition of cultural property used in existing international legal instruments such as conventions, recommendations, declarations, aimed at protecting of this category of objects. The author studies the evolution of codification of the definition of cultural property in international law starting with the XIX century and up till our time, its dependence on purposes and on the scope of application of the relevant documents. The tendencies in the development and widening of international cooperation in this sphere are shown on the basis of analysed body of legal acts, along with the deepened understanding of the importance of cultural heritage of all peoples and the necessity to preserve it for the generations to come. Different views of scholars, researchers and experts on the subject of research are examined in detail. It is being proved that such a diversity of views and approaches is justified and serves to strengthen the whole institute of the protection of cultural property.

УДК 343.8(476)

Е.С. Богдан

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СУДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В связи с интенсивным развитием современного государства исследование норм хозяйственного процессуального права представляется особенного значимым.

В статье предлагается к обсуждению один из актуальных и наиболее существенных аспектов проблемы принудительного исполнения – вопрос о правовом статусе Службы судебных исполнителей хозяйственных судов Республики Беларусь. На основании анализа белорусского и зарубежного законодательства автором делается вывод о том, что общая тенденция развития отечественного института исполнения судебных постановлений должна включать меры, направленные на более детальное нормативное закрепление организационного порядка совершения судебным исполнителем действий принудительного характера.

Введение

Правоприменительная практика в области хозяйственного оборота на протяжении столетий доказывала не единожды, что добровольное исполнение судебных актов гражданами и организациями без применения к ним мер принудительного характера – это практически недостижимый идеал на пути построения правового государства, поскольку добровольная уступка денежных средств или имущества пока не стала неотъемлемой частью правовой культуры граждан.

Именно по этой причине для обеспечения действительного восстановления нарушенных прав и свобод все государства, независимо от своего экономического и военного потенциала, создают специальные службы, регламентируя как можно конкретнее их деятельность на законодательном уровне.

Таким образом, целью данного исследования является анализ наиболее существенных процессуальных аспектов в деятельности субъектов исполнительного производства, а именно – Службы судебных исполнителей.

Изучение указанного правового поля позволяет уже сегодня заключить, что исполнительное производство как хозяйственного, так и гражданского процессов Республики Беларусь переживает время законодательных перемен.

Не последнюю роль в данном направлении сыграл и российский правовой опыт. Принятие в России в 1997 году двух Федеральных законов – «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах» [4] – позволило открыть новый этап в развитии принудительного исполнения. Однако и по прошествии десяти лет российские юристы не перестают «твердить» о необходимости существенного совершенствования данной сферы законодательства, поскольку исполнение судебных решений представляет собой важнейший участок правовой практики, который отражает эффективность всего механизма правового регулирования. Его бездействие нарушает права взыскателей, снижает авторитет и эффективность органов судебной власти.

Поэтому детальное освоение отдельных вопросов принудительного исполнения, а именно: изучение статуса его участников, позволит, на наш взгляд, сформировать

Научный руководитель – В.В. Жандаров, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь

достаточную теоретическую «базу» для возможного совершенствования данной области законодательства на практике.

Зарубежный опыт в организации принудительного исполнения

Развитие любого государства, на наш взгляд, предполагает не столько изменение его территориальных границ, сколько, модификацию правового статуса, который, безусловно, будет находиться в прямой зависимости от исторического и культурного «наследия», от роли участия страны в отношениях типа «государство – гражданин».

Отсюда следует, что в разных странах институты, регулирующие организационно-правовые условия в целом и исполнительное производство как наиболее существенную область законодательства, в частности, имеют не только свои особенности, но и выступают под различными наименованиями, отличаются в функциональном смысле.

Для стран континентальной Европы (Франция, Бельгия) характерно то, что принудительными исполнителями являются частные лица, работающие по лицензии. Управление системой принудительных исполнителей осуществляют территориальные и национальные палаты как органы самоуправления. Частный пристав самостоятельно решает все проблемы, возникающие при исполнении судебных решений [2, с. 14]. Так, частный пристав во Франции имеет право договариваться со сторонами и даже давать рекомендации по исполнению судебных постановлений. Оплата услуг частного пристава производится клиентом самостоятельно [2, с. 23].

В государствах англо-саксонской правовой системы (Великобритания) уже несколько лет используется смешанный принцип при осуществлении взыскания по исполнительным документам. Судебные приставы состоят на государственной службе и в данном виде именуется «бейлифами». Однако в случае невыполнения исполнителями своих обязанностей, государство имеет право вовлекать в исполнительное производство частных приставов. Отметим, что при необходимости бейлиф может без соблюдения особых формальностей запросить помощи у полиции, пожарных и даже армии [2, с. 32].

Подобная практика, надо заметить, себя оправдывает. Хотя, безусловно, изучая вопросы исполнения судебных решений в приведенном контексте, по нашему мнению, следует учитывать не столько правовую сферу регулирования, сколько культурные традиции и исторические этапы в формировании данной области правоотношений. Подтверждение тому, на наш взгляд, – отсутствие изменений в «Правилах ареста и продажи имущества должников» (Великобритания) с 1604 года [1, с. 14].

Надо заметить, что с 1895 года не изменялись «Основные положения об исполнении судебных решений» и в Финляндии. Около 5 миллионов населения здесь обеспечены (при необходимости) деятельностью ста приставов и около тысячи помощниками судебных исполнителей. По мнению экспертов, если сравнивать разные исполнительные системы европейских стран, то «финская» является наиболее прогрессивной и целесообразной [1, с. 16].

В Соединенных Штатах Америки (далее – США) исполнением судебных решений занимаются государственные служащие, входящие в службу «маршалов». Это одна из старейших федеральных государственных должностей.

Маршалы выполняют те же функции, что и отечественные судебные исполнители, однако при этом имеют значительные полномочия. К примеру, для обеспечения безопасности свидетелей маршалы могут выдавать им новые документы, содействовать в проведении пластических операций по изменению внешности свидетелей, участвовать в мероприятиях Интерпола [2, с. 36].

Институт маршалов – влиятельный правоохранительный орган системы государственных учреждений. Необходимо обратить внимание на тот факт, что маршальская служба осуществляет не только исполнение судебных решений, но и обеспечивает

безопасность судебных учреждений и участников судебного процесса, оказывает помощь Министерству обороны и Военно-воздушным силам США при транспортировке ядерных боеприпасов. Маршалская служба США имеет в своем составе отряды специального назначения, оснащена необходимым современным вооружением, специальными и транспортными средствами различных видов [2, с. 41].

Проводя краткий анализ деятельности так называемых специальных служб исполнения судебных постановлений, можно заключить, что, несмотря на существующие организационные различия, общим в процедурах исполнительного производства различных государств являются не только способы взыскания, но и ряд фундаментальных принципов исполнительного производства: равноправие сторон, гласность, государственный надзор за системой исполнительного производства.

На наш взгляд, исполнительные производства объединяет также общность хозяйственно-правовых явлений, а именно: частная собственность, банковская система, товарно-денежные отношения, а также демократические способы организации.

Принципы построения исполнительного производства

Исполнительное производство с присущими ему элементами императивности, свойственной для любой процессуальной формы, традиционно относится учеными-юристами к области регулирования публичного права [1, с. 5]. Данное мнение настолько очевидно, что рассматривается как само собой разумеющееся и не требующее дополнительных доказательств и аргументации. При этом большинство исследователей (А. Агеев, М. Клепикова, М. Треушников) отмечают присутствие в исполнительном производстве в той или иной степени элементов частноправового регулирования, что в немалой степени отражается в вышеуказанных примерах организации исполнения судебных актов за рубежом [1, с. 7].

Разделяя мнение о том, что деятельность по исполнению судебных и иных актов лежит в сфере действия публичного права, актуальным представляется рассмотрение вопросов, связанных с изучением частноправовых начал исполнительного производства, традиционно относящегося к сфере публично-правового регулирования.

Отметим, что сферой действия диспозитивного начала охватывается вся система гражданской юрисдикции, в том числе и область принудительного исполнения юрисдикционных документов. Сфера исполнительного производства как область, охватываемая действием диспозитивных начал, не является однородной и, по нашему мнению, может быть структурирована на две части: в одной преобладают публично-правовые начала, в другой приоритет отдается частному правоприменению.

В рамках исполнительного производства так называемое «частноправовое» регулирование находит свое проявление в методе регулирования и системе принципов, которые органично сочетают в себе элементы, свойственные как для области частного, так и публичного права.

На наш взгляд, нельзя не согласиться с мнением российского ученого А.Х. Агеева о том, что выделение принципов активности взыскателя и добровольности исполнения должно рассматриваться в качестве самостоятельных отраслевых принципов исполнительного производства, в которых находят проявление и развитие элементы частноправового регулирования [1, с. 6].

Проявление частноправового начала в правовом статусе субъектов исполнительного производства можно рассматривать как возможность сторон (взыскателя и должника) влиять своим волеизъявлением на ход исполнительного производства. К основным распорядительным действиям взыскателя, определяющим движение исполнительного производства, относятся: право на предъявление исполнительного документа к исполнению; право на отзыв исполнительного документа; и право на отказ от взыска-

ния. В отношении должника диспозитивное начало действует, надо заметить, более ограниченно и проявляется в основном в возможности добровольного исполнения требования судебного или иного акта.

Мировое соглашение в исполнительном производстве, являясь результатом согласованной воли взыскателя и должника, на наш взгляд, также представляет собой сложную юридическую конструкцию и является элементом частноправового регулирования. При заключении мирового соглашения стороны исполнительного производства являются носителями собственной воли и инициативы, определяющей дальнейшее развитие правоотношений в рамках исполнительного производства. В качестве особых черт мирового соглашения в исполнительном производстве, позволяющих отграничить его от мирового соглашения в гражданском и хозяйственном процессах, можно выделить следующие: во-первых, мировое соглашение в исполнительном производстве заключается после вынесения судебного акта, которым устраняется спорность правоотношения; во-вторых, доминирующее положение взыскателя при заключении исполнительного мирового соглашения; в-третьих, мировое соглашение, заключаемое в процессе принудительного исполнения, не затрагивает, по сути, предмета спора, а касается в основном условий и способа исполнения судебного решения.

Таким образом, диспозитивное начало является главным фактором «динамики» исполнительного производства, обеспечивает возможность выбора варианта поведения заинтересованных лиц при оптимальном соотношении баланса частноправового и публично-правового начал, что позволяет оптимизировать процедуру исполнительного производства.

Основным двигательным стимулом, под воздействием которого возникает и развивается исполнительное производство, следует, по нашему мнению, рассматривать свободу волеизъявления взыскателя и в некоторых случаях, например, при заключении мирового соглашения, – должника.

Следовательно, деятельность субъектов в области публично-правовой сферы регулирования нельзя отождествлять исключительно с государственно-властным элементом, поэтому можно отметить также возможность проникновения, одновременно использования в исполнительном производстве частноправовых услуг, например, при розыске должника, оценке, хранении и проведении торгов с целью реализации имущества должника.

Роль Службы судебных исполнителей в исполнительном производстве хозяйственного процесса Республики Беларусь

В соответствии с действующим законодательством к компетенции судебного исполнителя относятся все вопросы по исполнительному производству, за исключением тех, которые отнесены к компетенции хозяйственного суда [6].

Следует отметить, что в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь в действующей редакции (далее – ХПК) законодатель существенно сузил круг полномочий судебного исполнителя, отнеся разрешение многих задач, ранее входивших в его компетенцию, к компетенции хозяйственного суда.

Вместе с тем практика показывает, что некоторые вопросы, в целях уменьшения громоздкости процедуры и оперативности разрешения, было бы целесообразно «возвратить» судебным исполнителям, предоставив им соответствующие полномочия. В частности, обращение взыскания на денежные средства, причитающиеся должнику и находящиеся у других лиц, если причитающиеся денежные средства в течение трех банковских дней после наступления срока платежа не были перечислены на депозитный счет хозяйственного суда.

В целом надо отметить, что в настоящее время в соответствии с полномочиями, предоставленными действующим законодательством, судебный исполнитель осуществляет: возбуждение исполнительного производства, контроль за добровольным исполнением, принудительное исполнение и возвращение исполнительного документа взыскателю, принимает меры по установлению места нахождения должника и выполняет иные действия, предусмотренные актами законодательства [6].

Законные требования судебного исполнителя по исполнению исполнительных документов на территории Республики Беларусь обязательны для исполнения всеми государственными органами, органами местного управления и самоуправления, юридическими лицами независимо от формы собственности, организациями, не являющимися юридическими лицами, должностными лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами (ч. 1 ст. 342 ХПК).

Неисполнение или воспрепятствование исполнению требований судебного исполнителя, оскорбление его чести и достоинства, насилие в отношении судебного исполнителя, посягательство на его жизнь, здоровье и имущество или угроза совершения такого насилия и посягательства, а также иные действия, препятствующие исполнению возложенных на него обязанностей, влекут за собой ответственность виновных лиц в соответствии с законодательством (ст. 342 ХПК). Факты, перечисленные в ч. 2 ст. 342 ХПК обязательно фиксируются путем составления акта. В зависимости от характера сопротивления, судебный исполнитель может воспользоваться для устранения препятствий содействием органов власти либо поставить вопрос о привлечении к ответственности граждан и должностных лиц, в том числе к административной или уголовной. Таким образом, ХПК закрепляет за судебным исполнителем статус представителя власти, следовательно, гарантирует защиту государством.

Однако, несмотря на вышеперечисленные полномочия и достаточно четко нормативно закрепленный статус судебного исполнителя хозяйственного суда, хотелось бы обратить внимание на следующее.

Наряду с определенными действующим законодательством, задачами по обеспечению безопасности судей, участников судебного процесса и свидетелей, охраны зданий судов, исполнению приводов лиц, уклоняющихся от явки в суд, судебные исполнители хозяйственных судов обязаны, как указывалось выше, участвовать в производстве исполнительных действий, обеспечивая при этом безопасность их совершения. Последнее на сегодняшний день возможно только лишь при участии в проведении необходимых исполнительных действий органов внутренних дел. Непосредственно институт судебных приставов, призванный обеспечивать соблюдение безопасности, а следовательно, и законность в рамках исполнительного производства в хозяйственных судах Республики Беларусь, хоть законодательно и регламентирован (в отличие от системы общих судов), однако на практике не создан (то есть бездействует) [5; 6]. Следует учесть тот факт, что, к сожалению, нормативного закрепления прямых оснований привлечения органов внутренних дел к участию в исполнительном производстве, кроме как указания в ст. 342 ХПК и Инструкции о ведении исполнительного производства по хозяйственным (экономическим) спорам (далее – Инструкция), нет. В данном контексте, на наш взгляд, являлось бы целесообразным законодательное включение норм, раскрывающих основания и порядок участия органов МВД в исполнительном производстве, непосредственно в специальные законы и инструкции, регламентирующие деятельность последних.

Заметим, что российский законодатель в этом вопросе шагнул значительно дальше.

Обеспечение безопасности исполнительных действий в Российской Федерации – один из сложных видов деятельности судебного пристава, состоящего при региональ-

ном Управлении обеспечения порядка деятельности судов (далее – УПДС) [2, с. 36]. Решение о необходимости участия судебных приставов по УПДС в совершении исполнительных действий принимает начальник отдела – старший судебный пристав. При этом он оценивает вероятность возникновения конфликта в процессе проведения исполнительных действий, личностные качества должника, его окружения, возможность нападения на судебного пристава-исполнителя в связи с большим объемом изымаемых денег, ценностей и имущества, наличие у должника по месту жительства и работы вооруженной охраны, определяет количество судебных приставов по УПДС, необходимое для обеспечения исполнительных действий [2, с. 42].

А ведь действительно в условиях падения уровня исполнительской дисциплины, снижения степени уважения закона, роста агрессивности социальной сферы, несмотря на принимаемые в государстве меры, существует реальная угроза безопасности судебного исполнителя, вероятность возникновения конфликта между ним и должником. В практической деятельности судебные исполнители чаще ощущают активное противодействие должника в ходе исполнительных действий, неподчинение и злостное неповиновение их законным требованиям. Имеют место случаи угроз физической расправы.

Здесь необходимо учитывать, что более 55% судебных исполнителей хозяйственных судов Республики Беларусь составляют женщины [3], что требует, безусловно, дополнительного обеспечения их безопасности при совершении исполнительных действий, особенно в сельских районах при значительной удаленности от города.

Применительно к рассматриваемому вопросу необходимо внести дополнение, связанное с тем, что в среднем годовая нагрузка на одного судебного исполнителя хозяйственного суда по республике составляет около 300 дел [3], по которым совершению мер принудительно характера предшествует достаточно значительный «объем работ».

Для более качественного и эффективного решения вопросов обеспечения исполнительных действий уже сегодня необходимо, на наш взгляд, оснащение судебных исполнителей современными специальными средствами, гарантирующими действенную их безопасность в закрытых помещениях и при скоплении людей.

Таким образом, на наш взгляд, следовало бы сократить до минимума период официального введения в действие организацию Службы судебных приставов хозяйственных судов.

Соответственно, по нашему мнению, надлежаще организованный порядок совершения судебным исполнителем принудительных действий в значительной степени позволил бы повысить не только законность, но и качество исполнительного производства в целом.

Практический аспект взаимодействия участников хозяйственного процесса в рамках исполнительного производства

На практике процесс исполнения судебных решений не всегда сталкивается с проблемами по взысканию со стороны Службы судебных исполнителей. Существует достаточное количество примеров, когда «пострадавшей» стороной в исполнительном производстве является как раз взыскатель либо должник.

Известно, что убытки, причиненные судебным исполнителем гражданам или юридическим лицам при осуществлении исполнительного производства, подлежат возмещению в порядке, предусмотренном законом. То есть привлечь Службу судебных исполнителей к ответственности возможно только при наличии в действиях судебного исполнителя состава гражданского правонарушения: противоправности действия (бездействия); причинения вреда; причинной связи между действиями (бездействием) и причинением вреда и, естественно, вины судебного исполнителя.

Противоправность действий судебного исполнителя установить достаточно просто, поскольку нормы Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее ХПК) и Инструкции о вверении исполнительного производства по хозяйственным (экономическим) спорам (далее – Инструкция) оперируют определенными сроками, в которые должны укладываться действия исполнителя (например, три дня на возбуждение исполнительного производства и т.д.), а также определяют комплекс действий, которые должен совершить судебный исполнитель для взыскания задолженности с должника [5; 6]. Если судебный исполнитель не совершил указанных действий либо совершил их с явным нарушением нормативных сроков, противоправность действий (бездействия) судебного исполнителя налицо.

Главную трудность в решении вопроса о привлечении к ответственности Службы судебных исполнителей представляет доказывание причинения вреда действиями (бездействием) судебного исполнителя и вопроса, в чем именно состоит этот вред.

Вред для интересов взыскателя, причиненный судебным исполнителем в процессе исполнения, состоит в невозможности исполнения исполнительного документа вследствие отсутствия имущества должника, поскольку доказать вред во всех иных случаях фактически невозможно.

Доказать «исчезновение» имущества именно в процессе исполнительного производства можно только с помощью материалов исполнительного производства. Например, в материалах имеется акт описи или ареста имущества должника, и в то же время судебный исполнитель составляет документ о невозможности исполнения в связи с отсутствием имущества должника и возвращает исполнительный документ взыскателю. Либо, наряду с подобным актом, взыскатель располагает сведениями бюро технической инвентаризации, что на момент открытия исполнительного производства у должника было недвижимое имущество; или другими подобными документами, которые, наряду с постановлением хозяйственного суда о признании действий судебного исполнителя незаконными, будут подтверждать нанесение вреда взыскателю.

Зачастую судебный исполнитель отказывается составлять акт о невозможности взыскания и возвращать исполнительный документ либо прекращать исполнительное производство ввиду отсутствия имущества, подлежащего принудительной реализации. В таком случае можно обжаловать действия (бездействие) исполнителя в хозяйственный суд и потребовать обязать его совершить указанные действия. Однако на практике рекомендуется подобную жалобу направлять после признания незаконными действий (бездействия) судебного исполнителя в процессе исполнительного производства.

Получив определение хозяйственного суда о признании действий (бездействия) судебного исполнителя незаконными, а также акт о невозможности взыскания или постановление о прекращении исполнительного производства, можно обращаться в хозяйственный суд с иском о взыскании со Службы судебных исполнителей хозяйственных судов компенсации за причиненный вред. Безусловных оснований для удовлетворения данного иска у суда не будет, однако налицо подтвержденная судебным актом вина судебного исполнителя в совершении противоправного действия (бездействия).

На практике часто возникает вопрос, был ли нанесен и нанесен ли именно этими действиями (бездействием) ущерб интересам взыскателя. Как видим, разрешение проблемы остается в компетенции суда.

К сожалению, на сегодняшний день в законодательстве отсутствует Постановление Пленума Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь, позволяющее разрешить рассмотренную выше правовую коллизию.

Маловероятно (хотя допускаем такую возможность), что взыскатель все же предоставит суду доказательства того, что нарушение процессуальных сроков со стороны

Службы судебных исполнителей привело к причинению ему убытков (прежде всего в виде упущенной выгоды), независимо от того, утрачена ли возможность исполнения. Например, взыскатель рассчитывал, что исполнительное производство будет проведено в установленные законом сроки, получил в банке кредит, но вследствие противоправных действий (бездействия) судебного исполнителя не смог получить денежные средства и вовремя рассчитаться либо не смог заключить перспективный договор по тем же причинам.

Таким образом, как видно из приведенного краткого анализа процессуального положения субъектов исполнительного производства, в частности, Службы судебных исполнителей хозяйственных судов, можно заключить, что круг вопросов, возникающих в процессе исполнения и требующих дальнейшего разрешения, достаточно широк. Однако данный факт, на наш взгляд, только еще раз подчеркивает, что на современном этапе вопрос правового регулирования исполнительного производства приобретает все большую актуальность и требует дальнейшего совершенствования соответствующей правовой базы.

Заключение

1. Правовая регламентация отдельных институтов законодательства, в частности, исполнительного производства, напрямую зависит от исторических и культурных этапов в развитии государства. Различное сочетание указанных элементов, преобладание одного над другим предопределяет необходимость создания специальных служб, осуществляющих принудительное исполнение судебных постановлений и актов иных органов, а также – организационно-правовые особенности исполнительного производства государства в целом.

2. На основании зарубежного опыта построения системы принудительного исполнения нами поддерживается вывод о возможности введения в законодательстве Республики Беларусь об исполнительном производстве системы негосударственных судебных исполнителей и структурирования принудительного исполнения на два сектора – государственный и частный.

3. В рамках взаимодействия Службы судебных исполнителей и правоохранительных органов в процессе принудительного исполнения судебных постановлений, на наш взгляд, является целесообразным детализация нормативной базы путем внесения дополнений в специальные законы и инструкции, регламентирующие деятельность указанных органов.

4. Прогрессивным элементом в процессе организации отечественного исполнительного производства, по нашему мнению, является создание «Единого банка данных должников», который позволит более эффективно разрешать вопросы исполнения, а именно: предоставит гарантии реальной защиты интересов взыскателя; упростит практическую процедуру взаимодействия Службы судебных исполнителей и иных органов.

5. Нарушения судебного исполнителя, касающиеся сроков совершения исполнительных действий, не являются причиной неисполнения исполнительных документов, однако влекут уменьшение материальных благ взыскателя (истца) или дополнительные расходы, поэтому, по нашему мнению, являются утраченной или упущенной выгодой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев, А. Х. Частно-правовые и публично-правовые начала в исполнительном производстве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук / А.Х. Агеев. – Екатеринбург, 2004.

2. Артюх, Ю. Роль и задачи судебных приставов по ОУПДС в обеспечение исполнительных действий / Ю. Артюх. – Харьков : Изд-во Харьковского гос. ун - та, 2006.

3. Итоговые сведения о работе Службы судебных исполнителей хозяйственных судов в Республике Беларусь за 2006 год. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – Минск, 2008. – Режим доступа: <http://www.court.by>. – Дата доступа : 25.01.2008.

4. Об исполнительном производстве : Федеральный Закон Российской Федерации от 21 июля 1997 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – С. 67–89.

5. Об утверждении Инструкции о ведении исполнительного производства по хозяйственным (экономическим) спорам : Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 17 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 106,6/446. – С. 8–13.

6. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 06 августа 2004 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 138–139.

Bohdan E.S. The process peculiarities of legal status of Service of bailiffs of the Economic courts of the Republic of Belarus

In the article the author investigates the competence of the organs of compulsory execution on the basis of analysis of National and International legislation and special literature; she examines a number of suggestions concerning the practical questions of using the rules of arbitral proceeding in the sphere of compulsory execution. The author suggests that a well – arranged legislative (process) regulation of the activities of the Service of bailiffs would accelerate the process of judicial documents' executions.

ХРОНІКА. ІНФАРМАЦЫЯ

БІБЛІЯГРАФІЯ

Гадавы паказальнік аўтараў часопіса

“Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук” за – 2005 г.

	№	стр.
Аксючиц И.В. Методика, организация и результаты исследования мотивов, детерминирующих склонность студентов к употреблению наркотиков.....	3(24)	97–103
Александрович Т.В. Творческие способности: диагностика и педагогическая поддержка.....	3(24)	141–147
Балицевич Л.Н. Субъекты права на свободу манифестаций.....	2(23)	122–128
Бирюкевич Е.А. Характер и личность в структуре индивидуальности: выбор между согласием и разладом.....	3(24)	80–88
Богдан Е.С. Участие негосударственных (коммерческих) организаций в процессе принудительного исполнения.....	1(22)	78–86
Бульгина Л.П. Методология кластеров в современном экономическом анализе.....	1(22)	12–16
Вабішчэвіч А.М. Даследаванні айчыннай гісторыка-культурнай спадчыны ў Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.).....	1(22)	27–33
Валитова И.Е. Ребенок с отклонениями в развитии: кризис родительской идентичности.....	3(24)	61–70
Веленто И.И., Елисеев В.С. Концепции правового обеспечения хозяйственных реформ.....	2(23)	108–116
Гайдукевич Л.М. Влияние международного туризма Польши на ее региональную интеграцию.....	2(23)	53–58
Горуна Т.А. Государственная защита прав потребителей в Республике Беларусь: проблемы и перспективы.....	1(22)	92–100
Дембовский Я. Воспитание как теологическо-моральная проблема в католицизме.....	2(23)	12–15
Дембовский Я. Иррационализм как проблема исследования.....	3(24)	3–5
Дядичкина Н.Е. Становление и развитие международного сотрудничества АН БССР во второй половине 1950-х–1980-е гг.....	2(23)	44–52
Евдокимович А.Л. Македонское национально-освободительное движение как фактор международных отношений на Балканах (1912–1934 гг.).....	2(23)	67–72
Ермакович С.Л. Злоупотребление доминирующим положением как вид монополистической деятельности.....	3(24)	121–126
Железнякова З.Р. Проблема развития социальной активности детей раннего возраста.....	3(24)	71–79
Жук М.Г. К вопросу о криминалистической концепции экономической безопасности государства.....	1(22)	87–91
Зазерская В.В. Трансформация отраслей естественной монополии: отечественный и зарубежный опыт.....	2(23)	73–79
Зданевич А.А. Исследование и сравнительный анализ возрастной динамики показателей в метании малого мяча с места у детей младшего школьного возраста.....	3(24)	148–154
Здановіч У.В. Вывучэнне гісторыі барацьбы беларускага народа супраць нямецка-фашысцкіх акупантаў у гады Вялікай Айчыннай вайны (другая палова 50-х - першая палова 60-х гадоў XX ст.).....	1(22)	34–40
Иванчина О.Н. Икона как объект культурологического анализа.....	1(22)	106–110

Кавалевіч М.С. Асобаснае і прафесійнае самавызначэнне: псіхалага-педагагічная інтэрпрэтацыя быццёвых і культурных пазіцый педагога-прафкансультанта (Артыкул 1).....	1(22) 60–70
Кавалевіч М.С. Асобаснае і прафесійнае самавызначэнне: псіхалага-педагагічная інтэрпрэтацыя быццёвых і культурных пазіцый педагога-прафкансультанта (Артыкул 2).....	2(23) 93–100
Казаручык Г.Н. Дидактические игры в экологическом воспитании детей дошкольного возраста: теоретический аспект.....	3(24) 155–162
Касьяник А.И. Проблема объекта преступления в составе выманивания кредита или дотаций.....	3(24) 127–133
Климович А.В. София как понятие философии всеединства.....	2(23) 25–28
Котович Т.В. Проблема катарсиса в театральном произведении.....	1(22) 101–105
Крусъ П.П. Методологические проблемы изучения экологического сознания.	2(23) 21–24
Кучук Ю.В. Становление и перспективы итальянского федерализма.....	3(24) 54–60
Лепешко Б.М. Категория "контекст молчания": гносеологический аспект. ...	2(23) 16–20
Лукашевич А.М. Обеспечение российской армии продовольствием и фуражом во время войны с Францией 1806–1807 гг.....	2(23) 38–43
Лысюк Л.Г. Понятие цели в психологии (Статья 2).....	1(22) 53–59
Махнач А.И. Эволюционное направление в этнологическом изучении Беларуси (конец XIX - начало XX вв.).....	1(22) 48–52
Миколаевич Б. Номинативные и неноминативные модели арифметики целых чисел.....	3(24) 6–12
Мирзаянова Л.Ф. Технология развития самооэффективности студентов в адаптационный период.....	2(23) 88–92
Несцярчук Л.М. Письмовыя крыніцы аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі.....	1(22) 41–47
Нікалаева І.У. Падрыхтоўка жаночых кадраў для партызанскай і падпольнай барацьбы (1941–1944 гг.).....	2(23) 33–37
Первалова Л.В. Гуманизация общества и преодоление узкого профессионализма специалиста.....	2(23) 29–32
Петровская О.В. Государственная политика стипендиальной помощи студентам в Болгарии и Польше (1944–1989 гг.).....	3(24) 22–35
Петровский Н.А. Аналогия как эвристический метод познания в науке о праве.....	115–120
Полухин Р.А. Формирование содержания программ по музыкальному воспитанию в республике Польша.....	1(22) 71–77
Пугачёв А.Н. Актуальные проблемы осуществления судебного конституционного контроля в Республике Беларусь.....	3(24) 104–114
Садовская А.Н. Договоры об экономическом партнерстве – основа новой стратегии экономического сотрудничества Европейского Союза с государствами Африки, Карибского моря и Тихоокеанского региона.....	3(24) 46–53
Сендер А.Н.: В.Ф. Берков. Философия и методология науки: Учебное пособие. – М.: Новое знание, 2004. – 336 с.....	1(22) 111–112
Силюк Т.С. Теоретико-методологические основы классификации систем регулирования экономической несостоятельности (банкротства).....	2(23) 80–87
Синьков Б.Б. Отраслевые (тарифные) соглашения и их роль в регламентации трудовых и социальных отпусков.....	2(23) 117–121
Синюк Д.Э. Методика взаимодействия взрослого с детьми 2 – 3 лет при формировании продуктивного целеполагания.....	3(24) 89–96

Сосна У.А. Сацыяльна-палітычнае становішча сялянства Брэстчыны ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.	3(24) 13–21
Софенко А.И. Основы разработки учебных программ по специальности «Физическая культура».....	3(24) 134–140
Степанович В.А., Займист Г.И. Залог нашего прогресса – знания	2(23) 3–11
Харченко О.П. Православная церковь и советская власть на территории западных областей Беларуси (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.).....	1(22) 17–26
Ціхаміраў А.В. Беларусь ў палітыцы Польшчы ў канцы 1918 - пачатку 1921 гг.	2(23) 59–66
Черновалов А.В., Шевчук А.А. Развитие эконометрической модели Э. Альтмана на основе метода главных компонент.....	1(22) 3–11
Швайко В.Г. Русские образовательные учреждения в Польше (1921–1939гг.)	3(24) 36–45
Шукевич Л.В., Зданевич А.А. Сравнительная характеристика показателей жизненных ценностей студентов факультета физического воспитания.....	2(23) 101–107
Якуш Е.И. Воспитательная система образовательного учреждения как объект педагогического исследования: теоретические аспекты... ..	3(24) 163–171

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

- Богдан А.С.** – аспірантка Акадэміі кіравання пры Прэзідэnte Рэспублікі Беларусь
- Бульгіна Л.П.** – старшы выкладчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Вабішчэвіч А.М.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі культуры і рэлігіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Гарупа Т.А.** – кандыдат юрыдычных навук, загадчык кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Жук М.Г.** – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры крымінальнага працэсу і крыміналістыкі, дэкан юрыдычнага факультэта Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы
- Здановіч У.В.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Іванчына В.М.** – аспірантка кафедры філасофіі культуры факультэта філасофіі і сацыяльных навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Кавалевіч М.С.** – кандыдат педагогічных навук, дацэнт, загадчык кафедры педагогікі дзяцінства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Катовіч Т.В.** – кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
- Лысюк Л.Г.** – доктар псіхалагічных навук, прафесар кафедры псіхалогіі развіцця Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Махнач А.І.** – выкладчык кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Несцярчук Л.М.** – кандыдат гістарычных навук, галоўны спецыяліст па ахове гісторыка-культурнай спадчыны ўпраўлення культуры Брэсцкага аблвыканкама
- Палухін Р.А.** – магістр педагогічных навук, аспірант кафедры педагогікі, Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Сендзер А.М.** – доктар педагогічных навук, прафесар, загадчык кафедры прыродазнаўча-матэматычных дысцыплін, прарэктар па вучэбнай працы Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Харчанка А.П. – старшы выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і гісторыі сусветнай культуры Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Чарнавалаў А.В. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шаўчук А.А. – асістэнт кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

БІБЛІЯГРАФІЯ

Гадавы паказальнік аўтараў часопіса

“Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук” за – 2007 г.

№ стр.

- Аксюціц І.В.** Мотивы злоупотребления психоактивными веществами у наркоманов юношеского возраста.....3(30) 63–70
- Аргучинцева Д.Г.** Генезис идеологии национализма.....2(29) 92–100
- Бакуменко Т.А.** Культура Серебряного века: синтез идей ренессанса и «антиренессанса».....4(31) 44–54
- Балтрушэвіч Н.Г.** Становішча пратэстанцкай царквы на Беларусі ў перыяд з 1943 па 1985 гг.: агульная характарыстыка.....2(29) 33–41
- Белякова В.І.** Спецыфіка традыцыйнага мыслення ў абрадавым фальклоры беларусаў: аксіялагічны аспект.....1(28) 133–137
- Береговцова Д.С.** Теоретико-правовые аспекты прав человека в области биомедицины.....1(28) 77–84
- Береговцова Д.С., Коротич Е.А.** Понятие и юридические признаки закона: теоретико-правовой аспект.....3(30) 105–112
- Беспамятных Н.Н.** Методология кросс-культурного анализа: генезис, понятия, перспективы исследований..4(31) 55–65
- Бортнік І.А.** Ідэя ненасілля ў кантэксте праблемы талеранцыі ў грамадскай думцы радыкальна-рэфармацыйнага руху ВКЛ і Польшчы XVI-XVII ст.....1(28) 127–132
- Бреская О.Ю.** Ежегодная конференция EASR «Плюралитет и репрезентация: религия в образовании, культуре и обществе» (г. Бремен, Германия, 23–27 сентября 2007 г.).....4(31) 142–144
- Бреская О.Ю.** Как описывать церковь в социологии: некоторые аспекты методологического и практического анализа.....4(31) 111–121
- Бреский О.В.** Проблема легитимации конституции.....1(28) 62–68
- Булыгина Л.П., Павловская В.П.** Применение кластерной модели для повышения инновационности и конкурентоспособности регионов.....2(29) 52–60
- Бучик И.Н., Борсук Н.В.** Измерение системы оперативного управления маркетинговой деятельностью предприятия как этап в эффективной реализации программы развития.....1(28) 103–110
- Вабішчэвіч А.М.** Дзейнасць арганізацыі "Polska macierz szkolna" у Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст.....2(29) 26–32
- Варакулина М.В.** Проблематика системы управления персоналом на малом предприятии.....2(29) 61–69
- Восович С.М.** Культурно-просветительская деятельность брестского Свято-Николаевского братства во второй половине XIX – начале XX века4(31) 10–16
- Гарбацкі А.А.** Гісторыя стараабрадніцтва: вынікі крыніцзнаўчага вывучэння (частка 1).....2(29) 3–10
- Гарбацкі А.А.** Гісторыя стараабрадніцтва: вынікі крыніцзнаўчага вывучэння (частка 2).....3(30) 3–11
- Глухова О.В.** Заранее обещанное недонесение: прикосновенность к преступлению или соучастие в нем.....3(30) 88–95
- Дембовский Я.** Рациональное измерение безопасности человека.....1(28) 121–126
- Железнякова З.Р.** Освоение воспитателями дошкольных учреждений

технологии развивающего взаимодействия с детьми раннего возраста (результаты экспериментального исследования).....	1(28) 3–13
Железнякова З.Р. Психологические основания руководства поведением и деятельностью детей раннего возраста.....	3(30) 56–62
Займист Г.И., Григорович Е.Н. Философия религии: статус и предметная область.....	4(31) 101–110
Здановіч У.В. Арганізацыя навуковых даследаванняў і пашырэнне крыніцазнаўчай базы па гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны (1991–2005 гг.).....	1(28) 85–93
Земляков Л.Е., Коликова Н.Н. Государство и религия в современной Беларуси.....	3(30) 113–121
Иконникова Л.Н. Концертная программа как “гиперпроизведение”.....	4(31) 64–69
Казаручик Г.Н. Экологическое образование дошкольников: теоретические основания исследования проблемы.....	1(28) 41–48
Клим А.М. Объективная сторона получения взятки.....	3(30) 96–104
Коновалюк Р.А. Опыт осуществления экономической политики в период трансформации народного хозяйства на примере Польши.....	1(28) 111–120
Корзун М.С. Различие функций православного христианства как религии и социальной концепции православной церкви.....	3(30) 32–40
Коротич Е.А. Непосредственный объект угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества.....	1(28) 69–76
Котловский О.А. Противоречия в профессиональной подготовке преподавателя физики.....	2(29) 101–106
Котляр И.И. Республиканская научно-практическая конференция: "Права человека: состояние, реализация, механизмы защиты" (г. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина, 8 декабря 2006 г.).....	1(28) 138–140
Кузьмич В.Н. Нелегальный товарооборот на белорусском участке советско-польской границы в 1921 – 1939 гг.....	4(31) 17–26
Кухаренко В.Н. Политический культбит Хорватской крестьянской партии марта – июля 1925 г.: от разрыва с Крестьянским Интернационалом до коалиции с сербскими радикалами.....	2(29) 20–25
Левчук З.С. III Международная научная конференция «Сравнительная педагогика в условиях международного сотрудничества и европейской интеграции» (г. Брест, Республика Беларусь, 18–19 октября 2007 г.).....	4(31) 145–148
Лепешко Б.М. Национальная история: в поисках смысла.....	4(31) 77–85
Лепешко Б.М., Займист А.Ф. Система и иерархия подзаконных актов.....	2(29) 130–135
Лисовская Т.В. Новые протестантские деноминации на западнобелорусских землях в конце XIX – 20 гг. XX века: факторы и пути появления.....	3(30) 41–49
Лихачева С.Н. Социокультурные основания политической социализации молодежи в современном обществе.....	4(31) 122–127
Лысюк А.И. О различных уровнях детерминации политического лидерства: методология исследования.....	2(29) 87–91
Любимова Ю. С. Психолого-педагогические особенности эстетического воспитания учащихся младшего школьного возраста.....	3(30) 128–123
Люкевіч Ул.П. Спорт у іерархіі маральных каштоўнасцяў.....	2(29) 70–79
Медведская Е.И. Семантическое пространство личности учеников с разными уровнями успеваемости у педагогов начальной школы.....	1(28) 14–24
Моцук А.В. Политическая деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг.....	2(29) 42–51

- Онискевич Т.С., Шаршов И.А., Езерский В.А.** Творческое саморазвитие как элемент социализации личности 1(28) 34–40
- Павлов И.В.** Культурные образы отцовства и обыденные представления подростков о детско-отцовских отношениях 1(28) 25–33
- Петровский Н.А.** Метод аналогии в функционировании отдельных институтов уголовного процесса 3(30) 77–87
- Пинчук Н.Д.** Позиция Германии в вопросах координации совместной аграрной и структурной политики ЕС 3(30) 122–127
- Решеткина И.В.** Теоретические основы построения дисциплины по выбору «Моделирование как метод обучения решению математических задач» 3(30) 134–139
- Савіч А. А.** “Сэцэсія” ў КПЗБ у айчынай гістарыяграфіі 3(30) 23–31
- Савчук Л.Н.** Подготовка будущих преподавателей к формированию основ информационной культуры школьников: результаты экспериментальной работы. 2(29) 123–129
- Сацук А.В.** К вопросу о путях преодоления дезинтеграции личности в критической ситуации 3(30) 71–76
- Серков А.Н.** Влияние величины силы мышц туловища и нижних конечностей на траекторию гребка руками при плавании способом баттерфляй 1(28) 57–61
- Сокол И.А.** Специфика коммуникативной компетентности студентов факультета физического воспитания: факторы и условия формирования 3(30) 140–147
- Старикова О.М.** Организация идейно-патриотического воспитания младших школьников Беларуси (50–60-е годы XX века) 2(29) 107–114
- Степанович В.А., Шаш С.Д.** Взаимодействие культур: опыт системно-структурного анализа 4(31) 86–92
- Тохиян Т.М.** Проблема построения белорусской государственности (1917–1922 гг.) в отечественной историографии 30-х – первой половины 50-х гг. XX в. 1(28) 94–102
- Тукала С.М.** Ліквідацыя Мінскага гета: асаблівасці, этапы і наступствы 3(30) 50–55
- Уладыкоўская Л.М.** Духоўныя ідэалы ў эпоху сучаснай глабалізацыі: да пастаноўкі праблемы 2(29) 80–86
- Федорова О.А.** Профессионально-педагогическая направленность личности будущего учителя: технологический аспект 2(29) 115–122
- Финслер О.В.** Интонационное учение Б.В. Асафьева в контексте культурфилософских теорий двадцатого столетия 4(31) 70–76
- Ценностные ориентации студенческой молодежи (материалы «круглого стола»). Участвовали: Е.Н. Григорович, Г.И. Займист, А.В. Климович, П.П. Крусь, Н.В. Кудин, Л.Ф. Луцюк, А.Н. Перевалов, Л.В. Перевалова, Е.В. Скакун, В.А. Степанович 4(31) 128–141
- Часноўскі М.Э., Савіч А.А.** Выдатны гісторык, чалавек шырокай душы (да 60-годдзя з дня нараджэння доктара гістарычных навук, прафесара У.М. Міхнюка) 3(30) 148–150
- Чернявская Ю.В.** Этнические ценности и прогресс культуры: к проблеме заимствований 4(31) 36–43
- Шаўчук І.І.** Гісторыка-партыйныя навукова-даследчыя ўстановы ў Беларусі (20–30-я гады XXст.) 2(29) 11–19
- Шаўчук І.І.** Навукова-даследчыя падраздзяленні нацменшасцяў у Беларусі (20 – 30-я гады XX ст.) 4(31) 3–9
- Шаш С.Д.** Элеверия. Глава “Деметрий” 2(29) 136–145
- Швайко Э.Е.** Приграничное сотрудничество Республики Беларусь с Польшей, Литвой и Латвией в контексте европейской

региональной интеграции	4(31) 27–35
Якуш Е.И. Профессиональное воспитание: сущность и становление.....	1(28) 49–56
Ярмох Э. Нравственные основания трудовой деятельности человека	4(31) 93–100
Ярмусик Э.С. Национальный аспект деятельности католического Костела в Беларуси в XX веке	3(30) 12–22

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ:

Агіявец С.Ў. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры дзяржаўнага, працоўнага і сельскагаспадарчага права, прарэктар па вучэбнай і выхаваўчай працы і сацыяльных пытаннях Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы.

Алесік К.Я. – аспірантка кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы; настаўнік гісторыі Олтушскай сярэдняй школы Брэсцкай вобласці.

Бідная Г.А. – выкладчык кафедры класічнай філалогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы.

Бірукевіч А.А. – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт кафедры псіхалогіі развіцця Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Броўка Н.У. – кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт кафедры тэорыі функцый Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Васіленка А.А. – суіскальнік кафедры грамадзянскага права і працэсу Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы.

Дудзік В.Ф. – начальнік мытнага паста Брэсцкай мытні, суіскальнік кафедры ідэалогіі і палітычных навук Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь.

Здановіч У.В. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Касьянік А. І. – старшы выкладчык кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Кляшчова А.А. – выкладчык кафедры псіхалогіі Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Лагонда Г.У. – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт кафедры псіхалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Осіпаў Я.Дз. – аспірант кафедры педагогікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С.Пушкіна.

Пашкевіч В.В. – аспірантка кафедры міжнароднага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Рашэтнікава Т.С. – навуковы супрацоўнік лабараторыі палітычных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Рашэтнікаў С.В. – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Севярын С. М. – кандыдат педагогічных навук, дацэнт кафедры педагогікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Скок Н.У. – кандыдат палітычных навук, загадчык кафедры гуманітарных дысцыплін Беларуска-Расійскага ўніверсітэта.

Субоцін А.Г. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры новай і навейшай гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя М. Танка.

Шаўчук І.І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскіх аркушаў, у электронным варыянце на дысकेце 3,5 дм. у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21 x 29,7 см);
- палі: зверху - 2,8 см, справа, знізу, злева - 2,5 см;
- шрыфт - гарнітура Times New Roman;
- кегль - 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал - адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15 x 23 см. або 23 x 15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны у канцы тэкста. Спасылкі на крыніцы ў тэксце артыкула нумаруюцца адпаведна парадку цытавання ў тэксце. Парадкавыя нумары спасылак павінны быць напісаны ўнутры квадратных дужак (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносак.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль - 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, які павінен быць структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль - 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова даюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаваанне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Т.І.Шкапіч, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 20.03.2008. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 18,14. Уч.-изд. л. 14,87.
Тираж 100 экз. Заказ № 111.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина».
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.
ЛИ № 02330/277 от 30.04.2004.